

Финляндия закрыла очередь для реэмигрантов (репатриантов) 1.07.2011 г. – с этого периода ингерманландцы более не могут переезжать по льготным программам. В советский период ингерманландцев записывали как финнов, что позже облегчало выезд по утвержденным в Хельсинки законам. По гражданству (если кто-то из родителей или бабушек-дедушек им обладал) возможен выезд на историческую родину до сих пор. Но Финляндия как государство не предоставляет гражданство по принадлежности к группе финно-угорских народов (в отличие от Израиля, которое является государством для всех евреев). За период 1990-х и 2000-х гг. правом на репатриацию воспользовалось примерно 30 000 ингерманландцев. Но внимание к «забытым» национальностям привлечено, в течение минувших 20 лет стали активно развиваться культурные и общественные инициативы, связанные с древним наследием данных этносов.

Сергей РЮТИН

МИГРАНТЫ И РЕПАТРИАНТЫ – БИТВЫ ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Вообще, удивительна и многообразна группа финно-угорских народов: она включает венгров, хантов, манси, финнов, эстонцев, саамов, вепсов, селькупов, водь, ижорцев, мордву, марийцев, коми, удмуртов, сету...

На момент публикации уже пройдет намеченный на 13-16 сентября V Всероссийский фестиваль художественного творчества малочисленных финно-угорских и самодийских народов. Фестиваль традиционно проходит в Ленинградской области и собирает разнообразные творческие коллективы: из Удмуртской Республики, Республики Карелия, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края,

Вологодской, Ленинградской, Мурманской и Томской областей и из Эстонии.

Торжественное открытие фестиваля состоится 14 сентября в Санкт-Петербурге, на территории Петропавловской крепости. Предполагается презентация вепсского и водско-ижорского подворья с оригинальными произведениями декоративного и прикладного искусства (впрочем, об этом позже в наших репортажах).

15 сентября фестиваль плавно перемещается в г. Приозёрск Ленинградской области. Программа, короче, обширная и разносторонняя: связи народов укрепляются.

Итак: всего в Финляндию репатрировалось из стран бывшего СССР (в первую очередь из России) примерно 67 тысяч человек – не все из них были ингерманландскими

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты
«Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Евгения МОИСЕЕВА

В оформлении обложки использованы
фотографии южной части
Тазовского полуострова
(Ямало-Ненецкий АО),
автор georg4177.livejournal.com

Подписано в печать
23 августа 2018 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва,
Шубинский переулок, 6.

Заказ 823к

СОДЕРЖАНИЕ

В поисках согласия Сергей РЮТИН <i>Мигранты и репатрианты – битвы за выживание</i>	1
Взгляд историка Николай НИКИТИН <i>Опасные тенденции</i>	4
Мы – один мир Николай ВАСИЛЬЕВ <i>«Древо выживания»: как уцелеть вепским деревням в проблемном районе Вологодчины?</i>	7
Как это было Олег ХИМАНЫЧ <i>Хрущёв, Фидель и дважды дорогие северяне</i>	11
Путешествия Олег ДЗЮБА <i>Тайна двух капитанов</i>	14
Ностальгия Борис САВЧЕНКО <i>Магадан, июль и сопка крутая</i>	22
Проза Юрий ПАХОМОВ <i>Банька по-чёрному</i>	26
Поиски Марк ФУРМАН <i>По следам экспедиции Амундсена</i>	32
У нас была великая литература Алексей ПОЛУБОТА <i>За волшебным колобком Николая Тряпкина</i>	39
Жизнь и смерть Владислав ПОПОВ <i>Они стоят среди нас</i>	43
Мгновения Александр БАЛТИН <i>Рвётся ветер, и даль нечиста</i>	44
Свидетель кровавой эпохи Мирон ЭТЛИС <i>ПРОСТРАНСТВО СМЫСЛОВ</i>	48
Под андреевским флагом Никита КУЗНЕЦОВ <i>Адмирал Лев Владимировский</i>	55
Байки Сергей СПИРИН <i>«Медведи» летят!</i>	62
След в жизни Сергей СУЩАНСКИЙ <i>Севером овевянные строки</i>	66

финнами, но почти все вписались в быт и культуру своей старой-новой родины. Двухязычность помогала новым гражданам Суоми устанавливать взаимные контакты в бизнесе, рос культурный обмен, изучался язык финнов и в самой России, проявлялся интерес к традициям финно-угорских народов, чему свидетельством Фестиваль их творчества, проводящийся уже в пятый раз. История ингерманландских финнов трагична – они попали в разлом истории, связанный со Второй мировой войной – часть их прошла через депортацию в Сибирь, часть погибла в результате репрессий, семьи были разлучены мрачными обстоятельствами. Президент Мауно Койвисто открыл новую эпоху, признав национальное меньшинство за границей своей страны в 1990 году и открыв саму возможность репатриации. Хотя бы части большого этноса. Израиль, например, признаёт всех евреев мира (от Марокко до Индии) – и фаллаши, и сефарды, и йемениты считаются полноправными гражданами и получают при репатриации корзину абсорбции. Финляндия признала не всех... На самом деле в мире три национальных государства финно-угров: Финляндия (5 млн чел.), Эстония (1 млн чел.), Венгрия (15 млн чел.) С Венгрией общие языковые корни у хантов и манси – исследования на эту тему велись и в СССР.

Есть ещё проблема Карелии – «утраченной» для финнов в 1939-1944 гг. Но Карелий на самом деле больше – в границах самой Финляндии их насчитывается две – Южная (район Лаппеенранта) и Северная (район Йоексуу). Карельскую республику в составе РФ в Финляндии называют Восточной Карелией; упоминается даже Тверская Карелия, расположенная в Тверской области.

А есть ещё Беломорская Карелия, Олонецкая Карелия, Приграничная Карелия, Ладужская Карелия, Карельский перешеек и т.д.

Раскол когда-то единого народа карелов был обусловлен, разумеется, государственными границами – изначально между Швецией и Российской империей. Экспансия католических орденов на восток и оборона этих земель от Запада разнесла карелов по разные стороны. Язык частично был утерян, люди говорили и писали на языке на-

циональных государств. Собственно, как и все до недавней поры. О карелах упоминали и русские летописи, а в Новгороде были обнаружены берестяные грамоты с текстами на карельском языке (карелы были тогда союзниками и данниками Новгородской республики и оборонялись вместе с ними от той же Швеции).

Вот именно поэтому культурные автономии в РФ и регулярно проводящиеся в ней фестивали творчества трудно переоценить – ведь традиция, язык, сопричастность вне границ способствуют обретению истинной дееспособности народов. Люди, граждане, личности, индивидуумы, наконец, протягивают друг другу руки через границы – и никто уже не протянет ноги. Ирония чёрная, ведь как католическая Швеция когда-то экспансировала на территории вольных народов, так и сейчас структуры вроде «Открытого общества» Сороса подрывают в том числе и национальный суверенитет, например, Венгрии. Официальный Будапешт дал отпор претензиям новых «культурных» оккупантов. Но задумаемся – может, именно в поиске давних (и современных!) языковых, этнических, цивилизационных в высшем смысле идентичностей и заложено то самое обретение воли и свободы для всех?

Упомянутые выше народы – это народы коренные, их права когда-то зафиксировала ООН. Но теперь там возникли противоречия. Как, например, соотносятся права коренных народов с правами беженцев и правами мигрантов, учитывая, что некоторые криминальные группы ввозят по секретным каналам, подрывая национальный уклад автохтонов?

Государства более не сражаются между собой, общества пытаются примириться – и успешно, откровенный криминал только против.

Сколько раз на протяжении веков перемещалась государственная граница между Швецией и Россией? Части территорий, населённых карелами, отделялись от одной страны и передавались другой. Формировались таким образом финская и русская Карелии, жившие по установлениям часто враждебных друг другу национальных политических структур (государств). Эта эпоха – не без проблем – но заканчивается. Слово – общению, общности, содружеству.

О П А С Н Ы Е Т Е Н Д Е Н Ц И И

Русский региональный сепаратизм как одна из примет постсоветской России

За Уралом с каждой переписью населения увеличивается число лиц, причисляющих себя к «сибирскому этносу». Еще недавно они считали себя русскими, но теперь быть «сибиряком» – это для молодежи стало просто «прикольно», а для представителей более солидного возраста в последнее время усиленно разрабатываются «научные» теории, коими пытаются обосновать «коренное отличие» сибиряков от «москалей».

По данным социологических опросов, проведенных в 2006 г. в Иркутске и Братске, на вопрос «кем вы себя считаете – россиянином или сибиряком?» 80% респондентов ответили: «сибиряком», а 25 % высказались за государственную независимость Сибири. Дальше – больше. В январе 2012 г. появилось сообщение, что общественным движением «Областная альтернатива Сибири» для студентов 5-го курса Сибирско-Американского факультета Иркутского госуниверситета был организован семинар на тему «Моделирование экономики государства Сибирь». А в 2013 г. в соцсети Facebook была создана группа «Проведение референдума по присоединению Сибири к США» и выражалась уверенность, что «Сибирь будет освобождена сибиряками с помощью США от российской оккупации» (см.: Исторические записки. М.: Наука, 2014. [Вып.] 15. С. 215, 228).

О том, насколько проблема сибирского сепаратизма становится серьезной, можно судить по материалам и в периодике, и в Интернете, и на телевидении. Приводимые сепаратистами «научные» обоснования выделения из русского народа «сибирского этноса» или, на худой конец, субэтноса («особый язык», «смешение в одном человеке самых разных национальностей» и т.п.) не выдерживают, конечно, научной критики, поскольку русские в целом всегда были далеки от «этнической чистоты», имели много диалектных и других региональных особенностей. А вот социально-экономические причины этого явления очевидны. И это не только потеря «северных» надбавок и льгот: съездить в Китай или США для сибиряка часто оказывается дешевле, чем посетить Европейскую Россию.

Теми же причинами, по-видимому, можно отчасти объяснить и возникновение «уральского сепаратизма». Но он во многом превзошел сепаратизм сибирский, ибо «Уральская республика», провозглашенная в 1993 г. губернатором Свердловской области Э. Росселем, на несколько месяцев стала реальностью, даже обзавелась собственной валютой и стала втягивать в зону своего влияния управленческую элиту соседних областей не только Урала, но и той же Сибири. Активные сторонники реализации этого «проекта» и после отставки Росселя открыто обсуждают вопросы о «новых территориальных границах» планируемого детища, о «комплектовании уральской республиканской армии» и т.д. (см.: Суть времени. 2013. № 13).

Однако самым наглядным примером проявлений «регионального сепаратизма» в России стало «возрождение казачества», начавшееся на рубеже 1980-х и 1990-х гг.

По данным современной науки, донские, уральские и терские казаки (т.е. историческое ядро казачества России) – это потомки выходцев из разных социальных и этнических групп, самовольно поселявшихся в XV–XVII веках на Дону, Нижней Волге, Яике (Урале) и Тереке и объединявшихся там в самоуправляемые независимые воинские общины, которые к концу XVI века при всей этнической пестроте уже состояли в основном из русских людей, а в XIX – начале XX веков превратились главным образом в этнографические группы (субэтносы) русского народа. Эта точка зрения базируется на колоссальном по объему документальном материале. Он неплохо сохранился в наших архивах, по большей части уже введен в научный оборот трудами нескольких поколений профессиональных историков и этнологов, но начисто игнорируется активистами «казачьего возрождения», которые практически с первых своих шагов объявили казаков самостоятельным, «самобытным народом» и с тех пор в большинстве своем твердо стоят на этой позиции. Научно обоснованной точке зрения на происхождение и этническую природу казачества они противопоставляют свои представления о казачьей родословной, заключающиеся в стремлении, во-первых, максимально «удревнить» историю своих предков и, во-вторых, оторвать ее от истории русского народа, часто изображая его и Россию в целом как извечных врагов казачества (см., например: Никитин В.Ф. Казачество: Нация или сословие. М., 2007).

Идеи эти не новы, они появились в казачьей среде еще до 1917 г., практически полностью были реализованы в годы Гражданской войны (когда были созданы

«независимые государства» на Дону и на Кубани), отстаивались эмигрантами-«казакицами» в 1920-1930-х гг. и широко использовались иностранными спецслужбами, отражением чего явился, в частности, принятый Конгрессом США в 1956 г. закон 86-90, согласно которому казачество считается одним из «порабощенных» Россией народов.

«Доказательства» своим построениям современные сторонники «автохтонной концепции» происхождения казачества и черпают в первую очередь из дилетантских сочинений казачьих «автономистов» и «сепаратистов» начала XX века и в меру своих литературных талантов пытаются развивать их «теории». Предков казаков они обычно выводят из некоего «казачьего народа», якобы издревле обитавшего на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье и даже участвовавшего в Троянской войне (XIII век до н.э.) и основавшего Рим (Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2007. С. 24).

Существование такого «народа» не подтверждается ни данными письменных источников, ни археологией, и вообще, ни одного факта или научно обоснованного довода, свидетельствующего бы о появлении казачества (в традиционном понимании этого слова) ранее XV века, никогда никем приведено не было. Тем не менее, сочинения, повторяющие на все лады дилетантские «аргументы» в пользу «автохтонной теории» его происхождения, пользуются наибольшей популярностью у современного, «возрождающегося» казачества, их идеи проникают в учебную литературу и порой даже в работы профессиональных историков (тех, кто далек от изучения ранней истории казачества) и находят самые различные проявления. Так, в решении Большого войскового круга, состоявшегося в Новочеркасске в ноябре 2001 г., было записано, что «казаки считают себя природою не от московских людей», и выдвигалось требование разрешить в документах в графе «национальность» указывать – «казак» (Независимая газета. 16.08.02; 30.09.02). Самые же радикальные поборники «казачьей идеи» своей главной целью вообще провозгласили создание на юге России «Казачьей Республики» или же «Союза Казачьих Республик» – либо автономного, либо независимого «государственного образования» (см.: Бредихин А.В. Казачий сепаратизм на Юге России // Казачество. Альманах. 2016. № 14).

Не удивительно поэтому, что в условиях «новой», «демократической» реальности казачество стало желанным объектом для политических манипуляций и спекуляций идеологов расчленения России. Вначале, правда, либеральная общественность встретила «казачье возрождение» настороженно, но вскоре именно солидные «демократические» издания стали главной трибуной для «озвучивания» на всю страну идей о казачестве как особом, отличном от русского народа этносе. В одном хоре с ними, несмотря на давнюю неприязнь к казачеству (как «проводнику колониальной политики»), оказались и сепаратисты ряда северокавказских республик, тоже решившие разыграть «казачью карту». Логическим завершением этих пропагандистских акций стали заявления лидера «Партии народной свободы» (ПАРНАС) Михаила Касьянова в ходе предвыборной кампании (в Госдуму) в сентябре 2016 г. Бывший премьер-министр Российской Федерации, выразив свою солидарность с нынешними почитателями Петра Краснова и других казачьих коллаборационистов, воевавших на стороне Гитлера, призвал добиваться «при-

знания казаков отдельным народом» (См.: URL: <http://maxpark.com> Русский мир content/5432692).

Не менее показательна и «поморская проблема». В традиционном, опирающемся на научные данные представлении, поморы – это жители побережья Белого и Баренцева морей, ведущие начало от древних новгородских переселенцев, жившие морскими промыслами. Поморы, естественно, имели свои особенности материальной и духовной культуры, обусловленные спецификой хозяйственного уклада и географического положения, и ученый мир вполне обоснованно рассматривал их (как и казаков) в качестве историко-культурной (или территориально-культурной), этнографической группы (субэтнуса) русского народа. Но грянула «Перестройка», и ситуация коренным образом изменилась. Всё большую силу стало набирать движение, ставящее своей целью добиться признания поморов «коренным народом Севера», не связанным с русскими ни генетически, ни ментально. Ареал расселения поморов при этом безмерно расширяется – либо на весь Север РФ вплоть до Урала, либо «всего лишь» на Архангельскую область. Делается упор на давние и дружественные поморо-норвежские связи, которые надо-де возрождать и всячески укреплять.

С научной точки зрения эта «концепция», конечно, тоже, не выдерживает критики, ибо не только не подтверждается историческими источниками, данными этнографии и фольклора, но решительно противоречит им. Однако такие «мелочи» не смущают адептов «поморской идентичности». Ими вынашиваются планы создания «Поморской республики», причем в начале 1990-х в Архангельске были популярны разговоры о возможности ее отделения от России. Они, правда, быстро увяли, но зато стал деятельно «воссоздаваться» «поморский язык» – как «самостоятельный язык отдельного народа» – и уже выпущен «Словарь поморского языка». Регулярно проводятся «Межрегиональные съезды поморов». Активно разрабатывается методика «поморской этнической педагогики», направленной на «пробуждение у ребенка этнического самосознания через постижение особенностей поморского характера», и школьникам региона исподволь внушается, что они не русские. И эти усилия не пропадают даром. В ходе общероссийской переписи населения в 2002 г. национальность «помор» указал 6571 человек. В 2004 г. была официально зарегистрирована «Архангельская областная община коренного малочисленного народа поморов». Словом, инициативы по созданию на севере России «поморского этноса» находят явную поддержку «снизу». Однако ее причины вряд ли следует искать во внезапно пробудившемся у северян «этническом самосознании», отторгающем русскую идентичность. Всё прозаичнее: быть русским в России часто просто не выгодно.

Дело в том, что в ходе «либеральных реформ», русское население Архангельской области лишилось прежних прав заниматься традиционными морскими промыслами, а также было сильно ограничено в лесопользовании, и это ставило поморские селения на грань вымирания. И поскольку живущие по соседству саамы и ненцы – как «малые народы Севера» – не только сохраняли права на преимущественное использование природных ресурсов, но и получали от государства дополнительные выплаты и компенсации, добиться от властей такого же статуса, превратившись в «особый этнос», стало заветным желанием многих поморов. То есть

«семена сепаратизма» упали на хорошо подготовленную почву (см.: Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 3–17; Литературная газета. 2013. № 29. С. 12).

Примечательно, что инициаторами и организаторами борьбы за «поморскую идентичность» явились преимущественно лица, не связанные с настоящими поморами ни происхождением, ни местом жительства. Это были главным образом преподаватели местных ВУЗов, не блещущие, мягко говоря, познаниями в области истории и этнологии, но пользовавшиеся покровительством архангельской администрации и ощутимой поддержкой (как моральной, так и материальной) «арктических стран» и прежде всего – Норвегии. А в Москве их деятельность встретила полное одобрение «правозащитников» и ряда видных деятелей «несистемной» («белоленточной») оппозиции...

Причины такой поддержки лежат на поверхности. По словам А.С. Ципко, либералы начала 1990-х гг. были убеждены, «что и русское православие, и русское государственничество, и русские духовные ценности несовместимы с идеей демократии и свободы личности» (Литературная газета. 2011. № 50). И, видимо, потому в те времена, как заметил писатель И. Волгин, считалось «быть сепаратистом почетно, быть государственным ретроградно» (Комсомольская правда. 26.11.91).

С тех пор взгляды большинства представителей нашей «радикал-демократии» по «русскому вопросу» не претерпели принципиальных изменений, а лишь находили всё новых и новых сторонников. Известный культуролог И.Г. Яковенко, опираясь на мнение одного из ныне малоизвестных этнографов (Д.К. Зеленина), высказанное в 20-х гг. XX века и опровергнутое последующими исследованиями, пришел к заключению, что лишь по недоразумению русские считаются одним народом. «На самом деле», они, оказывается, состоят по меньшей мере из двух, издавна противостоящих друг другу этносов – северорусского («окающего») и южно-русского («акающего»). А потому-де весьма вероятен скорый распад России – как на северный и южный регионы, так и отделение от нее прочих: казачьего, сибирского, петербургско-новгородского, поволжского, северокавказского, и это, «если отрешиться от имперской паранойи», надо будет признать отвечающим нашим национальным интересам (Независимая газета. Приложение «НГ-сценарии». 1999. № 10).

А.А. Широпаев – поэт, публицист, позиционирующий себя как идеолог западного пути развития, предлагает русским «стать новым народом». Для этого, по Широпаеву, надо «прежде всего снять ментальную установку на “великую страну” с центром в Москве» и пойти на «создание в составе федерации нескольких, предположительно семи русских республик на основе регионального и субэтнического самосознания». Широпаев допускает, что «в перспективе это приведет к возникновению даже нескольких русских политических наций», но, по его мнению, такое решение «русского вопроса» будет иметь сугубо позитивные последствия, поскольку предполагает «развитие и укрепление либеральной демократии и гражданского общества», означая «западный цивилизационный выбор», который и поможет нам «стать достойной частью цивилизованного мира» (Литературная газета. 2012. № 52).

Однако многим поборникам «западного пути» свойственны гораздо более радикальные взгляды. Так, Валерия Новодворская будущее России связывала «со снижением тотальной мощи государства, с дальнейшей

дезинтеграцией территории» и с образованием на месте России множества небольших государств, в которых «национал-патриотам» станет негде «разгуляться» и которые будут легче поворачиваться «к солнцу мондиализма» (см: Вдовин А.И. Российская нация. М., 1996. С. 178).

Валерий Панюшкин убежден, что «всем на свете стало бы легче, если бы русская нация прекратилась. Самим русским стало бы легче, если бы завтра не надо было больше складывать собою национальное государство, а можно было бы превратиться в малый народ наподобие води, хантов или аварцев» (URL: http://stihiya.org>news_1235.html).

А в апреле 2018 г. в Вильнюсе на очередном форуме движения «Свободная Россия», объединяющем столпы российского либерализма из «несистемной оппозиции», вопрос о будущем расчленении нашей страны уже рассматривался как нечто не подлежащее сомнению. При этом Гарри Каспаров призывал «демократически настроенных россиян» отнестись к планам развала своей страны с пониманием и ссылаясь на примеры из новейшей истории: дважды – в 1917 и 1991 гг. – крушение авторитарного режима в России сопровождалось ее разрушением, а потому во имя нового торжества демократии надо-де быть готовыми опять принести свою страну в жертву. А вот Аркадий Бабченко в своей реплике относительно уготованного России будущего был более конкретен и откровенен: «Для меня самым оптимальным вариантом на месте этого гигантского кровавого монстра было бы 10 удельных княжеств, которые занимались бы внутренними разборками, которые бы там воевали друг с другом, а дальше, за поребрик, больше бы не лезли. Вот меня бы это устроило вполне. После этого я бы закончил свою оппозиционную военно-корреспондентскую деятельность». (<https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/04122017>).

Подведем некоторые итоги своих наблюдений. Вряд ли сторонники превращения России в конгломерат мелких «суверенных» государств настолько наивны, чтобы всерьез рассчитывать на получение в них министерских портфелей, и вряд ли идеологов распада России вообще интересуют судьбы тех, кто при реализации сепаратистских идей окажутся гражданами «новых независимых республик». Судя по всему, главное в этих планах – желание поскорее, любой ценой покончить с «русским великодержавным шовинизмом» (вспомним В. Новодворскую): не будет «великой державы», не будет и производного от нее «изма», а раздробление сил «идейного противника» облегчит радикальную «либерализацию всей страны». Трудно ведь, согласиться, одним махом «реформировать» эту такую громадину. И разделение русского народа на несколько «самостоятельных этносов» было бы для либеральных «реформаторов» весьма кстати. Что же касается России, то, как мы видели, сама по себе она не является для нашей «радикал-демократии» самостоятельной ценностью, как не являлась ею столетие назад и для нашей «социал-демократии» – для тех, кто относился к своей стране как к «охапке хвороста для костра мировой революции».

Хотелось бы надеяться, что власти предрасположенные у нас будущее России видят по-другому...

Николай НИКИТИН,
Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

«Древо Выживания»: как уцелеть вепсским деревням в проблемном районе Вологодчины?

Видимо, только с помощью фестиваля вепсской культуры. Который третий год подряд обходит вепсское национальное поселение стороной.

Вепсы – финно-угорский народ, с древнейшего времени проживающий на территории России и ассимилировавшийся с русским народом, сохранив при этом свою культуру и язык. Впрочем, сейчас их культура и особенно язык, внесённый в Красную книгу языков, находятся на грани исчезновения – по понятным экономическим и социальным причинам: вымирание деревень, где живут вепсы, уход молодёжи с мест исторической родины, в которых только и может концентрироваться культура этого малого народа, постепенное растворение в массе российского населения и забвение национальных корней. По крайней мере, так это обстоит в Вологодской области (ещё вепсы живут, преимущественно, в Ленинградской области и в Карелии). От описанной печальной ситуации защищены разве что вепсы республики Карелия – хотя бы потому, что это республика, а не малень-

кие национальные поселения, и изучение вепсского языка и культуры закреплено в университетах, в специальных финно-угорских школах – да в конце концов, на территории республики с 94-го по 2005-й год существовала целая вепсская волость (разделённая, правда, впоследствии на четыре меньших по значению объекта). На Вологодчине вепсская культура чувствует себя не настолько уверенно. А язык вепсов, приобретший письменность только в прошлом веке, давно не производит новых слов – сверх исторического запаса лексики, связанного с природой и бытом, – и калькирует русские слова. Что, впрочем, не отменяет его своеобразия и грамматического богатства: один только мужской род – зато, к примеру, 18 падежей. Язык созвучен с финским, но обладает меньшим количеством дифтонгов и вообще гласных, более отрывист. О вепсах знают в Европе: в Финлян-

дии, контакты с которой налажены через Карелию, в Венгрии, в Эстонии, а также в Норвегии и других скандинавских странах.

Добираться до вологодских вепсов даже в пределах области – сложно. Из родного Череповца я три часа ехал на «бла-бла-каре» до Бабаево. Это центр Бабаевского района, в котором у нас и живут вепсы. В Бабаево я четыре часа ждал автобуса до деревни Панкратово, входящей в Тимошинское вепское национальное поселение, бывшее Куйское. Жители поселения чаще называют его по старой памяти Куей, поскольку деревня Тимошино никогда, по их мнению, не была близка к вепсам и стала административным центром чисто механически, а не органически; в нынешнем руководстве поселения вепсов, что предсказуемо, почти нет. Жителей во всём поселении из 39 деревень – человек двести. Автобус до Куи шёл ещё примерно три часа. Там меня встретила Наталья Николаевна Быстрова, заведующая местной библиотеки. Она и организовала мне встречу с теми, кто сейчас занимается вепской культурой в поселении, а также предоставила ночлег.

– Вепсы появились на территории России ещё в 10–12 веках, – рассказала Ольга Васильевна Балабан, преподавательница вепского и английского языков в школе Тимошинского поселения. – Конфликтов со славянским населением у них не было – по крайней мере, история таких случаев не сохранила. Занимались вепсы охотой – на бобра, северного оленя, кабана, дося – рыболовством, разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней. Практиковали железодельное ремесло. У нас в поселении ещё помнят про кузнеца Игната Калинина, который сам варил железо из болотных руд в деревне Большое Заболотье, ныне просто Заболотье. По поводу охоты: был у нас охотник Егор Гордеевич Баринов, убивший 39 медведей. При помощи рогатины и ножа. Про него ходит легенда: последней была убита медведица, и после этого Егору Гордеевичу как-то раз приснились брошенные медвежата. Подумал он над этим сном – и перестал заниматься охотой. Вообще, вепсы очень любят лес. В наших древних верованиях главное мифологическое существо – это Хозяин леса, Мецижанд по-вепски. Вся

Ольга БАЛАБАН

система верований построена вокруг этого существа. Также у вепсов сильны пастушьи верования и обычаи – отмечу, что среди пастухов у нас всегда было много женщин. Вепсы трудолюбивы, терпеливы – ну кто как, конечно, есть и взрывного характера люди. Про нас издревле ходит поговорка: «Вепс родился с топором за пазухой». Хорошие столяры и плотники, мастера плетения корзин, изготовления самоваров. Есть вепская технология изготовления лодок-долблёнок из цельного дерева, которой мы тоже всегда славились. Я говорю «мы», потому что даже сейчас мы тут все в поселении, наверно, в той или иной степени вепсы по крови. Из музыкального фольклора у нас сохранились частушки и колыбельные – на нашем языке, но с русской мелодикой. Есть вепский парный танец «ланчик». Иногда в нём участвуют по восемь пар «мужчина-женщина», но это уже сложная групповая хореография, мы сейчас редко такое делаем. Из сохранившихся до сих пор обрядов и обычаев могу назвать причитания. Плакальщица, вопреки названию, не плачет на похоронах, её глаза сухи – но причитает так сильно и надрывно, что иногда её причитания останавливают, просто чтобы у женщины не прихватило сердце. Также интересный обряд, пастуший – «обход». Для начала на верёвке завязывается несколько узелков, и с этой верёвкой обходят стадо, чтобы оно не разбредалось и было в сохранности. А в процессе обхода пастух сам придумывает детали обряда, которые у каждого свои.

– У вепсов было три периода национального подъёма в их истории, – рассказала Людмила Николаевна Загуляева, учитель географии и директор ресурсного центра

Людмила ЗАГУЛЯЕВА

по сохранению вепского языка. – Сначала – предреволюционный, когда был издан первый русско-чудский словарь. Потом – на заре Советского Союза, когда молодая советская власть уделяла много внимания

малым народам. При Сталине политика поменялась, и о вепсах надолго забыли – хотя, в силу отдалённости от центра, в школах на территории нынешнего поселения преподавание в первых трёх классах шло на вепском языке до 1939 года.

– Что удивительно, вепская письменность, – добавила Ольга Васильевна, – появилась только в 30-х годах, до этого язык был сугубо устным и сохранялся благодаря географической обособленности вепсов и интенсивной передаче обрядов от поколения к поколению.

– Вспомнили о вепсах в конце 80-х, – продолжила Людмила Николаевна. – Благодаря тому, что Виктор Константинович Яшев, писатель и общественный деятель, уроженец деревни Никонова Гора Бабаевского района, написал письмо о том, что вепсы как народ находятся на грани исчезновения, на советское радио, подписавшись «Виктор Вепс». После этого власти обратили внимание на культуру народа, и в 1986 году был проведён первый вепский национальный праздник в деревне Пондала: выступали музыкальные коллективы, на речном берегу варили традиционную вепскую уху.

– В 80-х же и началась вепская литература, – добавила Наталья Николаевна Быстрова, – появились авторы – такие, как пи-

Наталья БЫСТРОВА

сатель и краевед Рюрик Лонин, Вячеслав Сидоров. Более современные авторы, писавшие как на вепском, так и на русском – писатель Анатолий Петухов, поэт Николай Абрамов – и, конечно, Надежда Григорьевна Зайцева, сделавшая огромный вклад в современную вепскую культуру – не только своим художественным творчеством, но трудами в сфере учебной и детской литературы.

– В 2009 году, – продолжила Людмила Николаевна Загуляева, – было создано наше Куйское поселение, впоследствии Тимошинское. В 2009-м же нашими усилиями – я имею в виду коллектив школы, всех

этих женщин, с которыми вы сейчас разговариваете, и не только их – были налажены культурные связи с республикой Карелией, которая помогла нам провести на нашей территории краеведческий этнокультурный лагерь. Нам, конечно, помогали с карельской стороны – такие люди, как, опять же, Надежда Зайцева или Зинаида Строгальщикова. Надо признать, что только после того, как на нашей территории началось серьёзное культурное движение, организованное по нашей инициативе, при поддержке соседнего региона, – только после этого Вологодская область, её руководство обратило на нас должное внимание. В 2016 мы создали на базе нашей Куйской школы ресурсный центр по сохранению вепского языка, директором которого я являюсь. Опять же, после этого на нас обратил внимание наш район, и был создан координационный совет по сохранению вепской территории.

– Несмотря на то, что вепская культура сейчас находится на грани исчезновения, – рассказала Наталья Николаевна Быстрова, – появилась надежда: вепским языком, например, интересуются наши гости из Петербурга, берут платные уроки. Но слова Людмилы Николаевны о том, что область не очень-то нами занимается, справедливы. Ни область, по большому счёту, ни район. Сейчас у нас в поселении, представьте себе, нет врача. Прежний врач уехала помогать родителям, а нового до сих пор не нашлось. И что, спрашивается, делать, если вдруг с кем-то что-то случилось? Человека с сильным недомоганием или даже с сердечным приступом приходится везти в Тимошино, срочно выискивая, кто из жителей поселения готов с этим помочь. А стариков у нас много, и дети есть. Вот так, живём без врача. И ещё мы теперь остались без своего национального фестиваля.

Да, вот уже третий год жители Тимошинского поселения лишены возможности представлять свою культуру: ежегодный вепский фестиваль «Древо жизни», с 1986 года проводившийся поочерёдно то в этих местах, то на Пяж-озере, где находится ещё одно национальное поселение, областная власть теперь решила проводить исключительно на удобной для себя площадке. Властям приглянулось Пяж-озеро. На вопросы жителей Куи – «почему теперь без нас?» – были приведены буквально следующие аргументы: у вас губернатору вертолёт посадить негде, и площадка у вас плохая – недострой тут какой-то стоит, кусты какие-то. Имеется в виду берег Чёрного озера, который спускается к воде практически как концертный зал; незаконченную дере-

вянную постройку и кусты, кстати, можно убрать, если привлечь местных жителей, вполне готовых этим заняться. Площадку, на которой фестиваль отлично проходил много лет, не сложно привести в идеальное состояние. Вертолёт, скорее всего, тоже найдётся, куда посадить. Хотя... нет, это из разряда утопии: чтобы губернатор Вологодской области Олег Кувшинников проехался на машине по глубинам Бабаевского района с их грунтовыми дорогами, которые после каждого дождя размывает в кашу.

Такая же, в общем-то, утопия – ждать, что губернатор, побывав наконец-то в глубинах своей зоны ответственности, сразу же займётся глубокими местными проблемами: дорогами, зарплатами и ценами на еду и дрова. Одно время местный предприниматель, жалея вепсов, продавал жителям дрова тысяч по 6 рублей за лесовоз (дров там примерно на зиму). Разумеется, это постепенно перестало устраивать и его, и его партнёров, и конкурентов, потому с грядущей зимы лесовоз дров будет стоить примерно 15 тысяч. Понятно, что какой-нибудь вепсской бабушке придётся ещё заплатить соседу за то, чтобы он эти дрова наколот – а часть дров окажется гнилой изнутри. Вообще-то, вепсам до сих пор полагаются бесплатные дрова – то есть, они имеют право добывать их, понемножку вырубая лес самостоятельно – право есть, но реализовать его не дают самые обычные бюрократически-административные препоны – и, видимо, интересы предпринимателей, занимающихся тут лесозаготовками с разрешения властей. Право есть в законодательстве, но никто его никому просто так не даст. Разве что жителю поселения, сумевшему доказать, что он вепс, предоставив все необходимые бумаги о себе и предках, – выделяют участок леса где-нибудь за болотом, откуда ничего не вывезти (а вепсская пенсия, полагающаяся только тем, кто не менее двух лет живёт на территории поселения, аналогично легка на словах его руководства – и труднодостижима в реальности). Цены на еду – та же тема: продукты тут продают несколько обосновавшихся ИП, конкуренции практически никакой – потому и накручивают за транспортные издержки. Везут, судя по всему, не из Бабаево, а подальше, поскольку в районном центре тоже одни ИП. Государственные магазины по типу «сельпо» закрываются за убыточностью. Хлеб у частников стоит 36 рублей, молоко – за 50; этим ценам порой удивляются приезжие что с Питера, что с Москвы. А зарплаты в этих местах не Бог весть какие: учитель в школе получает около 11 тысяч, единственная более-менее доходная работа – на лесозаготовках.

Вообще, 11 тысяч – это знакомая цифра для всего огромного Бабаевского района, протянувшегося у самой границы с Ленинградской областью и управляемого из маленького городка Бабаево с населением в 11 тысяч человек – по сути, посёлка городского типа, ставшего городом потому, что у района должен быть центр. И в довершение – в Тимошинском поселении сейчас нет своего врача. Что напрягает местных жителей ещё сильнее, чем цены, зарплаты, дороги и невозможность получить законные льготы и поддержку от государства.

Жители Тимошинского поселения не ждут от губернатора, который тут практически не бывает, немедленных решений по зарплатам и ценам на товары первой необходимости. Да и какие решения, когда лес и еда уже «раскиданы» по предпринимателям, которым надо зарабатывать, а зарплаты учителей, не пошедших, как можно догадаться, в бизнес, таковы, каковы есть. Люди ждут для начала хотя бы того, что губернатор найдёт, где посадить вертолёт, и посмотрит на здешний уровень жизни – и поймёт, что без вепского национального фестиваля в этих местах станет совсем печально (и да, скажет, кому надо, чтобы нашёл наконец для Куи сельского врача). Фестиваль – единственный повод хоть как-то наладить тут инфраструктуру, привлечь туристов, занять местное население в организационных работах, которые принесут ему лишнюю копейку. Фестиваль – пока что единственная связь поселения с областью и страной. И, кстати говоря, на «Древе жизни» в Куе всегда звучали песни на вепском языке – в отличие от последних мероприятий на Пяж-озере, имеющих всё меньше отношения к аутентичной вепсской культуре.

Об этом навряд ли скажет областная пресса, боясь выступить поперёк областной власти, которая, в свою очередь, так же предпочитает избегать самостоятельных решений – но всё-таки: похоже, фестиваль уже три года не проводят в Куе ровно потому, что это один из самых проблемных участков одного из самых проблемных районов Вологодчины, и обращать на него внимание губернатор не готов. Ибо здесь интересы малого народа, желающего полноправно представлять свою национальную культуру, неразрывно связаны с базовым вопросом выживания северных российских деревень, продолжающих вымирать из-за малых заработков, высоких цен и вызванного этим оттока молодёжи. 200 человек на 39 населённых пунктов – цифры говорят сами за себя.

Николай ВАСИЛЬЕВ

Олег ХИМАНЫЧ, морской историк

ХРУЩЁВ, ФИДЕЛЬ И ДВАЖДЫ ДОРОГИЕ СЕВЕРЯНЕ

**Как мурманчане «обгоняли Америку по молоку и мясу»,
а северодвинцы вместе с ними едва не лишились надбавок
к зарплате...**

Начну с факта не очень приятного, а для части столичной пишущей братии позорного – постоянно путают Североморск, что на Кольском полуострове, с нашим Северодвинском, что в устье Двины. Не знаю причины – провалы в памяти интервьюируемых лиц или неуспеваемость журналистов по предмету географии Отечества на пару с дремучим непрофессионализмом, но только в этом году «Вечерний Северодвинск» вынужден был дважды напоминать московским коллегам: Североморск и Северодвинск – далеко не одно и то же.

В последний раз дезинформация «проскочила» в рассказе о визите Фиделя Кастро в нашу страну летом 1962 года. Столичные товарищи утверждали, что тогда лидер кубинской революции якобы побывал в Северодвинске и даже посетил здесь одну из наших подводных лодок. Неправда! Фидель Кастро никогда не посещал нашего города, а если и спускался в отсек к советским подводникам, то не в Северодвинске, а в Североморске – на главной базе флота.

А перед этим он побывал ещё и в Мурманске, причём, не один, а с Никитой Сергеевичем Хрущёвым – 1-м секретарём ЦК КПСС и председателем Совета Министров СССР. Потом Никита Сергеевич, но уже без Фиделя Кастро, сначала отбыл из Мурманска на полярную базу подлодок в Гремихе, чтобы приветствовать экипаж атомной лодки К-3, достигшей района Северного полюса, а затем из Гремихи на ракетном крейсере «Грозный» он направился в Северодвинск...

Разного рода легенды (близкие к реальности и не очень) о том визите Никиты Сергеевича на Север живут в народе и передаются из уст в уста. Более того – поскольку фотографировать высокого гостя в те дни никто не запрещал, во многих семейных альбомах северян есть снимки с моментами той поездки Никиты Сергеевича. О некоторых из них и расскажем...

Поросята на корме

Первый случай произошёл в Мурманске. Мне он знаком со слов ветерана тралового флота Владимира Красильникова...

– Никита Сергеевич Хрущёв приехал в Мурманск, чтобы встретить здесь Фиделя Кастро. Но перед этим, он решил посетить нашу новую промысловую плавбазу «Атлантика», которая как раз стояла в рыбном порту. В её экипаже был бывший фронтовик Иван Михайлович Ульянов – Герой Советского Союза – «укупорщик» по штатному судовому расписанию. Селёдку с траулеров на плавбазы в то время принимали в бочках с первичным рассолом. На плавбазе их раскупоривали, сливали первичный рассол и заливали новым. Этим Иван Михайлович занимался. Но поскольку он не только бочки укупоривал, но сначала ещё и раскупоривал, то числили мы его просто бондарем...

И вот Никита Сергеевич прибыл на судно. Конечно, с ним были не только официальные лица, но и «люди в серых плащах», которые ещё рано утром всех членов экипажа «Атлантики», кроме стоящих на вахте, выпроводили в цех рыбокомбината на причале порта. А Иван Михайлович после своей вахты спал в запертой внутри каюте, и команды к сходу людей на берег не слышал...

Ещё скажу, на юте нашей «Атлантики» из досок был сооружён... свинарник. Мы брали в совхозе «Полярный» трёх-четырёх маленьких поросят, кормили их отходами с камбуза, и они вырастали до 70-80 килограммов. Дело было стоящим, ведь мясо шло на корабельный камбуз. Но утром того памятного дня команду выгнали на берег, и убирать свинарник было некому...

Погода была отличная, Хрущёв знакомился с «Атлантикой», и всё шло по плану, когда неожиданно потянул ветерок с кормы. Никита Сергеевич, услышал специфический запах, сразу перестал слушать речи сопровождающего и устремился на ют. А за ним поспешили и все официальные лица...

Фидель Кастро после посещения подводной лодки в Североморске. Фотохроника ТАСС

Никита Хрущёв в мурманском рыбном порту, 1962 год.
Фото из архива Олега Химаныча

Никита Хрущёв и Николай Шипунов в салоне архангельского теплохода М0-257. Фото из архива Олега Химаныча

В это же время Иван Михайлович Ульянов проснулся и вышел на палубу. Здесь его остановил «человек в сером плаще»:

– Идите в каюту и не высовывайтесь, здесь мероприятие...

Иван Михайлович вернулся, надел пиджак со звездой Героя Советского Союза и колодками своих боевых наград, и уже уверенно двинулся в направлении кормы. Чекисты при виде пиджака Ивана Михайловича только рты раскрыли!

А Никите Сергеевичу не повезло – он в нашем свиномарнике запачкался навозом, и когда вышел оттуда, то сразу вопрос капитану:

– Кто ухаживает за этим чудом?

Капитан представил:

– Ульянов Иван Михайлович...

Капитан не слукавил: у нас не было штатных «свиноводов», и матросы работали в свиномарнике добровольно, но по графику, а в тот день как раз была очередь Ивана Михайловича...

Тут руководитель советского государства искренне расчувствовался и публично отметил важность происходящего: вот, мол, Герой Советского Союза, причём, с фамилией вождя мирового пролетариата, понимает важность вопроса, как нам обогнать Америку по молоку и мясу...

Не знаю, появилась ли тогда фотография Никиты Сергеевича и Николая Михайловича в мурманской «Полярной правде», но то, что они, будучи вместе на «Атлантике», фотографировались, хорошо помню.

Кстати, говорят, у Никиты Сергеевича после блужданий по судовому свиномарнику, шляпа оказалась надетой задом наперед. Видимо, она слетела у него там, в полутьме помещения, а он потом её надел, но не так, как нужно...

Был такой Герой...

Признаться, услышав рассказ Владимира Красильникова, я решил удостовериться – уж не напутал ли он чего? Смутила же меня награда Ульянова – Герой Советского Союза и вдруг – матрос-бондарь на промысловой плавбазе? Навёл справки – нет, всё верно: Ульянов Иван Михайлович родился в 1914 году. Воспитывался в детском доме. В РККА с 1936 года, участник советско-финской войны – разведчик 168-го

полка 24-й стрелковой дивизии. Проник в расположение врага, уничтожил две его огневые точки и захватил пленного, от которого получены ценные сведения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1940 года Ивану Михайловичу присвоено звание Героя Советского Союза. В 1941 году он окончил курсы младших лейтенантов и участвовал в Великой

Отечественной. В 1946 году ушёл в запас в звании майора. Жил в Мурманске. До ухода на пенсию работал в объединении «Севрыбхолодфлот». Скончался в феврале 1986 года. Похоронен в Мурманске.

Кастро на подлодке

В те же дни лидеру кубинской революции Фиделю Кастро решили показать советскую подводную лодку. Конечно, одну из самых совершенных, какие на тот час имелись. Правда, не атомную лодку, а дизель-электрическую, но зато с баллистическими ракетами. Этот корабль 629 проекта, в самом деле, построили труженики Северодвинска. Её моряки подарили Фиделю Кастро не только матросскую бескозырку, но и шапку-ушанку с красной звёздочкой. Высокий гость, надо сказать, очень гордился этим подарком, и на многих фото официальной хроники тех дней был запечатлён именно во флотской ушанке.

А когда буквально через несколько месяцев, в октябре 1962 года разразился Карибский кризис, наши дипломаты убеждали Фиделя Кастро, мол, американскую блокаду вокруг Кубы рвут советские подлодки, одну из которых, он видел в Североморске. В реальности же на помощь Кубе тогда ушли совсем другие корабли Северного флота – соединение больших торпедных подлодок проекта 641А, имевших к Северодвинску лишь косвенное отношение.

Дважды дорогие северяне...

В Северодвинск Никита Сергеевич, как уже упоминалось, прибыл на ракетном крейсере «Грозный». По его трапу он сошёл на причал верфи, которая строила атомную лодку К-3, успешно достигшую района Северного полюса. Здесь Хрущёва встречали высокие чины партийного аппарата и руководители главных предприятий города. Тогда же прямо на причале симпатичная комсо-

На причале Северодвинска Никите Сергеевичу вручили букет цветов. Фото Юрия Лаврова

Никита Хрущёв в Северодвинске. Справа – директор Севмашпредприятия Евгений Егоров. На дальнем плане – министр обороны СССР, маршал Родион Малиновский. Фото Юрия Лаврова

молка преподнесла вождю букет цветов. И тут едва не произошёл масштабный конфуз. Незадолго до приезда Хрущёва Постановлением правительства СССР труженикам Северодвинска решили оформить так называемые «северные надбавки» к зарплате. Как назло, ошарашенный букетом Никита Сергеевич, случайно увидел на соседнем угольном причале загорающих под солнцем женщин-маларов, которые вышли из цеха в обеденный перерыв. Погода в тот день, действительно, стояла на редкость жаркая, говорили, чуть ли не единственный раз в том ненастном году. Тогда Никита Сергеевич, скорее в шутку, чем всерьёз, заметил, мол, мы вам «северные» решили платить, а у вас, оказывается, погода, как в Крыму... При этой фразе вождя толпу встречающих лиц из местного руководства прошиб холодный пот и заколотил озноб!

Вероятно, то же самое испытали и руководители Мурманска и области за сутки до этого, ведь, как рассказывают, очевидцы, своё выступление перед трудящимися столицы Заполярья Никита Сергеевич начал с фразы «Здравствуйте, *дважды дорогие* мурманчане!», прозрачно намекнув на всё те же «северные надбавки», которые незадолго до его визита ввело правительство.

Коммунальный поворот

После Северодвинска Никита Сергеевич проследовал в Архангельск. Это был первый визит главы государства в областной город едва ли не со времён Петра I. Архангельск к началу шестидесятых практически являлся сплошь деревянным, состоял в основном из бревенчатых домов, лежнёвок, дощатых мостовых, почти не знал асфальта и централизованного водопровода. Летом же более всего маяты горожанам доставляла ливневая и отхожая канализация. Часто её заменяли широкие уличные канавы, по которым зловонные массы, стекали в Северную Двину. И вот, чтобы гость не разглядел этого безобразия, ему предложили осмотреть город с реки, и для прогулки специально приготовили новейший пассажирский теплоход – М0-257. Не тут-то! Именно с палубы теплохода зоркий глаз Хрущёва и узрел канализационные «проспекты» Архангельска. Говорят, за них Никита Сергеевич очень жёстко «журил» областное руководство, но, правда, одной руганью не ограничился и тогда же велел выделить средства на обустройство города. Сегодня некоторые краеведы убе-

ждены, именно с этого момента берёт начало история централизованного коммунального хозяйства Архангельска...

Загадка мастера Шипунова

На том самом новом речном теплоходе М0-257, который предоставили архангельские власти для речной прогулки Никиты Сергеевича, оказался и персонаж из Северодвинска – Николай Константинович Шипунов – очень известный человек, правда, известный не в Архангельске, а в Северодвинске. Николая Константиновича здесь знали, как ветерана главной корабельной верфи города, где он начинал ещё в 1939 году бригадиром большой бригады сборщиков, а впоследствии работал мастером на производстве, начальником участка. И, в самом деле, трудился он, как принято говорить – на славу. Но вместе с тем, была у него и другая широкая слава – искусного изобретателя ненормативной лексики, когда выражал он свои мысли с непременным и обильным её употреблением, хотя и без какой-либо злобы, а так – для связки слов в предложении...

Так вот, по какой из причин в тот памятный день мастер Шипунов из Северодвинска оказался в Архангельске, да ещё и в ближайшем окружении главы государства, неизвестно. Одни говорят, что Николая Константиновича представили Никите Сергеевичу в группе лучших людей области для награждения. Другие утверждают, что Хрущёв обратил внимание на Шипунова, ещё в Северодвинске и тогда же позвал с собой в Архангельск. Вот только чем обратил на себя внимание?! Искусством ненормативной лексики – известно же, что и Никита Сергеевич за словом в карман никогда не лез? Хотя вряд ли! Очень злые и завистливые языки в те дни тоже чесались – мол, Шипунов привлёк внимание Хрущёва своим отсутствием шевелюры на голове...

Как бы то ни было, а фотоснимок сохранился до нашего времени: рукопожатие Никиты Сергеевича и Николая Константиновича в носовом салоне архангельского теплохода М0-257...

***

«О, сколько нам открытий чудных готовит»... популярная советская история Севера шестидесятых!

г. СЕВЕРОДВИНСК

«О, пожелтевшие листы в стенах старинных библиотек»... В гумилёвских строках с непривычным для наших дней ударением на «о» – и восхищение мудростью, собранной на бесконечных стеллажах, и предвкушение неожиданных находок, позволяющих вдруг приоткрыть давным-давно и накрепко захлопнувшееся «окно» в минувшее. Раскрывая старинный фолиант, никогда не сможешь угадать, чем удивит тебя книга – дарственной ли надписью автора, причудливым ли сюжетом экслибриса или отзывами современников на полях. Карандашными пометками оказались испещрены и листы трёхтомного «Путешествия вокруг света...» Ивана Федоровича Крузенштерна, возглавлявшего в начале XIX века первую кругосветную экспедицию русских моряков.

Эти три тома, случайно заказанные из хранилища в библиотеке Московского Государственного университета имени М.В.Ломоносова на Моховой, понадобились мне для пустяковой сверки цитат, но старинные замечания на полях, сделанные неведомым читателем, показали вдруг столь занятными, что вскоре я, забыв изначальную затею, увлекся поиском новых рукописных строк.

Рука неведомого комментатора носилась по обочинам печатного текста стремительно, словно чайка над штормовыми волнами. Это и понятно, так как записки мореплавателей два столетия назад обыкновенно читали с карандашом в руке, не скупясь на эмоции. Многие берега далёких континентов и архипелагов не видывали еще маячных башен, уходящие в неведомое капитаны знать не знали самого слова «лоция», а более или менее точные по тем временам карты не видывали печатного станка и хранились в адмиралтейских архивах под величайшим зачастую секретом. По всему по этому водители фрегатов, шлюпов и пакетботов вчитывались в тексты не только ради развлечения, но прежде всего пытались побольше выведать о каверзах течений в неведомых проливах, про удобные якорные стоянки да о коварстве ветров. Любопытство «сухопутных крыс» не уступало прагматизму «морских волков». О телепутешествиях поговорил Юрия Сенкевича или о подводных телепрогулках Кусто не успел ещё помечтать не появившийся на свет Жюль Верн. Так что описания странствий были единственным достоверным источником сведений о мало изведанном мире.

Комментатора трёхтомника к сонму несведущих отнести было нельзя. Он проявлял редкостное знакомство с корабельными порядками и с землями, близ которых шелестели паруса крузенштерновской «Надежды» и «Невы» под командованием Юрия Лисянского. Вот комментатор одобрительно подчёркивает строчки с описанием опыта натуралиста Лангсдорфа, решившего разобраться, с чего это вдруг морская вода начинает светиться во тьме. Педантичный немец процедил воду и обнаружил, что влага в сосуде погасла, зато заискрилась материя, которую он использовал в качестве фильтра. Сейчас никого не нужно убеждать, что всему причиной фосфоресцирующий планктон или микроводоросли, но в ту пору отнюдь не было с этим ясности. Или другая морская легенда. Считалось, что океанская роса способна окрашивать канаты и парусину. Крузенштерн решил сам проверить истинность легенд, оставил на палубе платок, но «...перемен в цвете не оказалось». Неведомый читатель пишет на полях: «Истинно старинные рассказы».

А вот Крузенштерн упоминает о появлении в Охотске парусника Российско-Американской компании «Константин», пришедшего с Алеутских островов (!) через девять месяцев после отбытия в рейс. Нехватка воды в бочках вынудила корабль идти в Петропавловскую гавань (как тогда именовался современный Петропавловск-Камчатский), потом, по уверению штурмана Потапова, жестокие бури заставили экипаж зимовать в Авачинской бухте Камчатки... Читатель-оппонент желчно пишет по этому поводу: «Капитан Крузенштерн, будучи хорошим наблюдателем светил небесных, есть дурной замечатель дел человеческих, он верит всему на честное слово, а я знаю дело достоверно. Потапов был плут, готовый в неудаче своих предприятий обвинить не только бочки, но и самого Бога!».

Олег ДЗЮБА

Тайна двух капитанов

Вице-адмирал
Василий
Михайлович
Головнин.
Портрет работы
Л. Д. Блинова.
1885.

Иван Федорович
Крузенштерн

...Камчатку внимательный читатель и пристрастный критик явно знал не по наслышке и без оглядки на авторитет Крузенштерна поправляет его даже в мелочах: Иван Федорович утверждает, что бухту Раковую назвали так из-за обилия в ней раковин. Анонимный комментатор не без скрытого язвения поправляет: моллюски к этому вкладу в топонимику отношения не имели, а вот морские раки – то бишь крабы – в заливчике водились в избытке. Капитана «Надежды» в этом случае подвело незнание тонкостей русского языка: всё ж таки он был не природным русаком, а принадлежал к знатному шведскому роду. Язык Ломоносова он скорее всего познал уже в Морском корпусе, изучил его на совесть, но не со всеми нюансами совладал.

А вот другая несущественная в наши

дни, но крайне многозначительная во времена оны ремарка. Бичом мореплавателей тогда была нехватка витаминов, о которых, впрочем, никто ничего не слыхивал, зато последствия, именуемые цингой, сказывались в каждом плавании. Учёные лекари и доморощенные знахари однако же уже слыхивали о целебных свойствах огородной и дикой съедобной зелени. Недаром же Крузенштерн запасся на Камчатке солёной черемшой. По этому поводу в книге упоминается, что эта разновидной дикого чеснока помогает многим больным быстро отойти от цинги в Охотске. Оппонент лаконичен и категоричен во мнении: «В Охотске нет черемши!» Замечание выдаёт бывалого моряка, но притом человека, не вполне осведомлённого в сухопутных реалиях. Охотская гавань, о которой идёт речь, действительно

расположена – чему я сам свидетель – на унылых и бесплодных землях. Владения песка и гальки, впрочем, не безбрежны. Неподалёку начинается и тянется на тысячи километров тайга, где всевозможных даров дальневосточной природы в избытке, но знать о них мог лишь постоянно обитающий там житель. Моряки же выдвигали только лагуну с коварнейшими течениями, давшими повод предшественнику Крузенштерна в этих водах Гавриилу Сарычеву отозваться об Охотском порте, как о худшем на свете.

...Сообразив с некоторым запозданием, что этих замечаний, уточнений, пояснений современника Крузенштерна, кроме их автора и меня самого, никто за два столетия не читал, я было и думать забыл о том, по какому поводу решил пролистать записки первого русского «плователя вокруг света», увлекшись поиском новых и новых следов безмолвного диалога тех, кто морскую славу России создавал и укреплял.

...Крузенштерн сетует на западные ветры, досаждавшие экспедиции у южной оконечности Америки. Стихия не отпустила «Надежду» и «Неву» в Тихий океан, выталкивая корабли обратно в Атлантику, и доказывала, что «дерзновенно... полагаться на всегдашнее благоприятство ветра». Карандашные строчки иронизируют: «А особенно у мыса Горна уж слишком дерзновенно». Комментатор или запамятовал о том, что читает книгу очевидца-первопроходца, не имевшего в России предшественников, или безоговорочно считает себя ровней капитану «Надежды»... Кстати сказать, название южной оконечности Огненной земли Крузенштерн пишет по-немецки «Кап-Горн». Анонимный критик раздражённо пишет по этому поводу: «То есть по-русски сказать до мыса Горна».

Далее следует прямое указание на собственные заслуги анонима: Крузенштерн припоминает злоключения одного английского капитана, который так и не смог миновать Огненную землю проливом Дрейка и повернул корабль к южному острию Африканского континента – мысу Доброй Надежды. Иными словами, англичанину ещё раз пришлось пересечь Атлантику, а потом ещё и Индийский океан! Здесь же пометка: «Самое то же и со мной случилось в 1808 году».

210 лет назад, а именно столько годин утекло до наших дней после названной приблизительной даты, в мире много интересного творилось. О европейских делах можно сказать словами Пушкина «Тряслися грозно Пиренеи!» Император Наполеон затеял континентальную блокаду, согнал с испанского трона тамошнюю ветвь Бурбонов

и вместо них усадил на престол в Мадриде своего брата Жозефа, не подозревая, что тем приближает шахматную партию своей карьеры к гибельному эндшпилю. Испанцы бунтовали и партизанили, предвосхищая деяния Василисы Кожиной и Дениса Давыдова. В Австралии тоже замятежничали, правда, не из-за иноземного вмешательства, а после губернаторского запрета выдавать батрацкие заработки ромом... Вдали от всей этой суеты сует один-единственный русский парусник под Адриевским флагом пытался обогнуть мыс Горн – им был шлюп «Диана» под командованием Василия Михайловича Головнина. Неужели пометки принадлежат самому Головнину? Или кому-то из его офицеров?

В любом случае круг претендентов с каждой страницей сужается. Вот ещё шажок к расшифровке: Крузенштерн рассказывает, что в Сангарском проливе, разделяющем японские острова Хоккайдо и Хонсю, «...стремление воды не может быть... менее 4-х миль в час»: «Капитан Бротон /Брутон/, один известный европеец, прошедший сим проливом, нашёл на середине онога весьма сильное течение. Как он сам, так и все, следовавшие за ним суда, держали в проливе очень близко к берегу для того, чтобы не попасть в средину струи течения». Здесь же многозначительная пометка: «Японцы нам сказывали, что иначе нельзя пройти сим проливом к W как идучи близ берегов». Выходит, заочный собеседник Крузенштерна вёл беседу о тонкостях навигации в прибрежных водах Страны восходящего солнца с самими подданными микадо и выведал очень и очень немаловажные сведения. Судите сами, четыре мили в час – это очень мало для современного автомобиля, но весьма неплохо для парусника начала XIX века. Знаменитый клипер «Катти Сарк» был способен разогнаться до 17 узлов, что равноценно 17 же милям, но всерьёз сравнивать его с «Надеждой» Крузенштерна или с «Дианой» Головнина всё равно, что сопоставлять скоростные возможности призового скакуна с крестьянской лошадкой. При слабом ветре одолеть такое встречное течение почти невозможно. Это в наши дни судовые двигатели справляются с подобным противодействием воды играючи. Мне доводилось дважды проходить Цугару, как именуется по-японски пролив, на борту большого морозильного траулера и каждый раз механики на вопрос о течениях только пожимали плечами, никаких указаний с мостика «прибавить газка» не поступало. А вот в описываемые годы несведущий капитан рисковал, так сказать, потоптаться на месте.

...Наконец, несколькими страницами далее находится окончательное и притом трагикомичное подтверждение «головнинской» версии. Крузенштерн крепко понимало пьянство корабельного слесаря, он даже собирался отправить незадачливого подчинённого с Камчатки в Петербург посуху, но тот убедил капитана, что «...*хочет лучше умереть, оставаясь со своими товарищами... причём клятвенно уверял... что всемерно будет воздерживаться от горячительных напитков*». Рядом с этими сетованиями карандашная приписка: «*Видно, слесаря везде пьяницы! И наш Раздобурдин никак не мог умудриться, чтобы не быть ежедневно пьяным на берегу!*»

В те времена к описаниям странствий непременно прилагали список всех участников экспедиции. Через полчаса мне приносят из хранилища тома записок Головнина. В давнем прижизненном фолианте среди членов экипажа и впрямь числился слесарь Дмитрий Раздобурдин. А вот в относительно недавнем переиздании отыскивается фотокопия рукописи капитана «Дианы». Почерк совпадает в мельчайших деталях! Наконец под кожей переплёта труда капитана «Надежды» я обнаруживаю не замеченную сразу бумажную обложку с надписью «*Василию Михайловичу Головнину от сочинителя*»...

Вряд ли найдётся в анналах истории нашего флота мореплавателю, о котором написано столько же, сколько о Головнине. Романы, беллетризованные биографии, пересказы его собственных книг плюс к тому сами издания и переиздания головнинских сочинений. А ему было о чём писать. Волонтёрство на английском флоте в пору блокады наполеоновской Франции, когда легендарный адмирал Нельсон не оставил без похвалы способного русского моряка. Потом кругосветка на «Диане» и приключения, приключения, приключения...

Вчерашние союзники-англичане захватывают «Диану» в гавани Кейптауна в том самом 1808 году, когда шторма развернули его от мыса Горн к Африке. Через восемь с лишним месяцев он исхитряется поднять паруса, ускользнуть из ловушки и затеряться в океане. Потом зимовка на Камчатке и долгие поездки на собаках по дикому полуострову. До возвращения домой предстоит ещё исследовать воды близ Курильских островов. И вновь плен – теперь уже японский. Три без малого года вынужденного изучения закрытого для европейцев архипелага. Затем сухопутное возвращение в Петербург и сенсационная книга о почти неведомой миру стране Ниппон!..

Славы и приключений уже хватало на десяток человеческих судеб, но в августе 1817 года Головнин вновь во главе кругосветной экспедиции на шлюпе «Камчатка». Между датами начал двух его кругосветок десятилетие, поэтому «круглым» годовщинам стартов плаваний суждено отмечаться парами. Очевидно, что, готовясь ко второй «кругосветке», он внимательнейше проштудировал записки своего предшественника. Увы, вчитываясь в его заочный диалог с Крузенштерном, то и дело ловишь себя на мысли, что творившееся два столетия назад кажется подозрительно знакомым.

Крузенштерн сетует на то, что приказчики Российско-Американской компании заботятся о своей только выгоде, а не о «пользе человечества», надеется на людей «честных и бескорыстных». Головнин гневно: «*А где их взять? У нас и в судьи нельзя таких набрать, не токмо в приказчики!*»

Крузенштерн о жизни на Алеутских островах: «*Год от году уменьшающееся число островитян и бедное состояние всех там живущих доказывает неоспоримо, что со времен овладения россиянами управляли оными люди, ревновавшие единственно выгоде компании, или, лучше сказать, своей собственной*». Головнин: «*По всему видно, что правительство не читало сей книги, иначе взяты были бы какие-нибудь меры к искоренению зла! Впрочем, чему дивиться? Мы и под носом у себя не видим, что делается, взгляните на сие скопище нечестивцев и мздоимцев, на с...*» (Разгадать многоточие Головнина нелегко. Слишком много вариантов напрашивается, однако уж очень похоже, что мореплавателю имел в виду то ли «самодержцев», то ли «слуг самодержцев», а может быть «сукиных сынов»? – О.Д.).

Крузенштерн: «*Предназначенный жребием препроводить всю жизнь свою или многие годы в дальней стране (Камчатке – О.Д.), в суровом климате, где царствует бедность, имеет право на некоторое за то вознаграждение. Да и само человечество требует принятия всех мер к сохранению здоровья и к избавлению от преждевременной смерти людей, служащих обществу*». Головнин: «*У нас и в Кронштадте в 25 вёрстах от царя люди мрут от голоду и холоду, сочинитель хочет обратить внимание правительства за 13 тысяч вёрст!*»

Крузенштерн: «*Худой офицер, присланный в Камчатку, на неограниченное время, не имея никакой надежды выехать оттуда, ни мало не печётся себя исправить... Слава всей нации может в таких отдалённых краях страдать от таковых людей, несущих имя Российского Офицера. О здеш-*

них лекарях сказать можно почти то же... Важнейшая обязанность врача должна состоять в том, чтоб разъезжать по своим округам для подавания везде нужной помощи, а сим самым можно было удобнее и скорее приобретать разные сведения, касающиеся до естественного состояния сей страны».

Головнин: «Они и ныне разъезжают. Только не для врачевания камчадал, а для сбора с них соборей!».

Крузенштерн: «Чрезмерное отдаление Камчатки от... благоустроенных мест России и настоящая её бедность суть виною, что от ней распространилась слишком дурная слава. Даже самое имя Камчатка выговаривается со страхом и ужасом»...

Головнин: «Да и немудрено! Было время, что и имя Петропавловской крепости проносилось со страхом и ужасом! Ведь депот не свой брат!».

Крузенштерн называет два сахалинских мыса в честь императриц в надежде, что «украсятся и расцветут сии дикие и бесплодные места именами... любезными россиянину».

Головин иронично: «Правда, только украсятся ли имена сии дикими и бесплодными местами». Зато, когда Крузенштерн называет мыс именем первопроходца Приамурья Ерофея Хабарова, «...для сохранения в памяти предприимчивого и искусного россиянина», Головнин с одобрительно констатирует: «Память людей таких должно сохранять для потомков»!

Великим капитанам, однако же, ничто человеческое не чуждо и в обнаруженном мной диалоге иной раз всплывают подробности, далёкие от хрестоматийного глянца. У Крузенштерна упоминается последний вечер перед отбытием с Камчатки, когда на берегу состоялось «пиршество», устроенное для экипажа «Надежды» губернатором Кошелевым. Головнин с сарказмом добавляет, что на празднестве «...автору досталась добрая оплеуха, а г. губернатор полетел вверх ногами – и всё это воспето стихами!» Теперь и не прознать достоверно ничего о приключившемся накануне отбытия из Петропавловской гавани скандале. Могу лишь смело сказать на опыте собственной двенадцатилетней камчатской жизни, что традиции шумных проводов, заложенные при Кошелеве и Крузенштерне, там не угасли до сих пор и умножаются по сей день!..

Но не веселием единым жив моряк. Вслед за прощальной гульбой пришёл черёд нового рывка в неведомое, когда пустота на географической карте могла в любой момент обернуться смертельным риском. Крузенштерн: «Положение наше было весьма не-

приятное, ибо мы находились близ опасных островов. Часто слышали мы шум разбивающихся волн, но не могли узнать, от буруна ли он, или от спорного течения происходит. В сем неприятном положении провели мы две ночи...» Головнин хладнокровно помечает: «Иногда можно отличить шум буруна».

Иные эмоции были бы явно не по делу. Люди знали, на что шли, и помощи ни от кого не ждали. Это вам не современные арктические авантюры, когда со льда Берингова пролива в любую минуту можно кликнуть спасательный вертолёт хоть с Чукотки, хоть с Аляски. Угоди «Надежда» на рифы, праху её капитана покоиться бы не в саркофаге под сводами Домского собора Таллинна, а на диком берегу необитаемого острова, либо и по давню раствориться в пучине морской. Другое дело, что близость братьев по разуму и соседей по планете не всегда была в радость, а запросто могла сулить беды, не уступающие опасностям от мелей и шквалов.

Крузенштерн на подходе к Макао: «В пять часов вечера увидели мы многочисленную флотилию, состоящую, как казалось, из 300 судов, стоящих на якоре. Мы почли оные рыбацкими и прошли мимо...». В порту надеждынцев однако же уверили, что Фортуну пронесла их мимо пиратской «эскадры», нападавшей на всех, кто за себя постоять не в силах. Незадолго до появления русских моряков в этих водах китайские пираты захватили американский парусник и два португальских, истребив при этом всех, кто не захотел перейти под флаги азиатских «флибустьеров». Шутить с ними не стоило, ибо на малых суденышках умещалось не менее 40-50 пиратов, а на больших – до двухсот головорезов при 10-20 орудиях. Национальность и подданство, впрочем, роли особой не играли. Манеры, так сказать, просвещённых европейцев иной раз были немногим мягче нравов забубённых разбойничьих головушек с заплетёнными в косички чёрными волосами.

Крузенштерн: «Как скоро убрали мы паруса (на рейде Макао – О.Д.), то приехал к нам офицер с малого португальского военного судна о 12 пушках. Португалец, быв приведен ко мне в каюту, потребовал женевского вина. Я не знал, что делать: досадовать ли на его наглость, или оной смеяться, однако при сем том велел подать ему стакан горячего вина, которое хотя было и худо, но португалец хвалил его много...» Головнин: «И у нас на брандвахтах иногда так делается». Что тут добавить? Разве что вздохнуть: не только там, а всюду, всюду, всюду.

Чиновники Поднебесной тоже не сахар. Крузенштерн: *«В устье, которое защищает обыкновенно двумя батареями без пушек, приезжают обыкновенно на пришедшее судно два мандарина для разведания о грузе... На английский бриг явились также мандарины. На вопрос их, в чём состоит груз судна, ответил капитан показанием им ядра пушечного, после чего они удалились».*

Головнин: *«Поступок, достойный храбрых английских мореходцев! С китайцами так и надобно обходиться».* Сам Крузенштерн позднее выбирался из Кантона (современного Гуанчжоу) подобным примерно образом, поскольку береговые чиновники ни в какую не желали дозволить погрузку чая, полученного в обмен на меха, доставленные в трюмах «Надежды» из Русской Америки». А уйти восвояси без чайного груза Крузенштерн себе позволить не мог. Поступить так означало признать бесплодной и бессмысленной самую идею установления надёжного мореходного сообщения между российскими колониями в Америке и крупнейшим торговым центром на Тихом океане, каковым являлся тогда Кантон.

Иван Федорович побывал в этом знаменитом порту во время службы на английском флоте и по возвращении на родину не жалел усилий, доказывая выгоды прямой торговли с Китаем по морю в дополнение к давно освоенному русскими купцами торговому пути через забайкальскую Кяхту. *«Все роды звериных мехов, а особливо прекрасных морских бобров, сделались для изнеженных Китайцев необходимою потребностью. При малейшем уменьшении теплоты воздуха переменяют они своё платье и даже в Кантоне, лежащем почти под самым тропиком, носят зимою шубы. Итак торг пушным товаром мог бы приносить Российским купцам и ещё гораздо большую выгоду, если бы правительство подкрепило их и спомоществовало к построению судов надёжнейших, которые управлялись бы искусными начальниками»*, – писал он в предисловии к труду о кругосветке, суммируя в нём свои тщания по продвижению отважной идеи.

К несчастью, меха сами по себе с неба не падают, их добыть надо. А здесь-то немалая, а может быть и львиная доля приходилась на сибирские и дальневосточные племена, именно пушниной платившие ясак, как тогда именовали налог, собираемый с аборигенов «государевыми людьми». Заготовленные сверх тогдашних норм драгоценные шкурки соболей, лисиц, песцов и прочих носителей дорогого меха северяне могли продавать по своему усмотрению, хотя выбор по малолетству скупщиков был

невелик. Контроля за этими пушными пиратами было маловато и зачастую творили они, что хотели, безбожно спаивая падких и слабых на огненную воду северян тем более, поговорка «Бог высоко, а царь далеко» на Камчатке всегда воспринималась буквально.

Гигантские расстояния, смазывали любые попытки местного начальства обуздать безудержные аппетиты местных с позволения сказать коммерсантов, беззастенчиво и безжалостно обиравших аборигенов. Крузенштерн, не скрывая горечи, пишет: *«Сей образ промысла купцов в Камчатке всегда был терпим. Но когда усмотрено было, что они умели договорить камчадалов до того, что сии не могли иногда платить даже и ясака своего, то и постановлено было, чтоб купцы не начинали своего годового разезда прежде 1 марта, в которое время принесена должна быть в казну подать мягкой рухлядь. Ныне злоупотребление сие пресечено... не позволяется им более производить продажу горячих напитков упомянутым образом, который приносил им великую выгоду, а камчадалам причинял крайнее разорение и гибель».*

Головнин в отношении подобного запрета купцам перехватывать ясачные меха в свою пользу далёк от иллюзий: *«При нас вот как делалось: купец прежде подкупит начальника дать ему билеты на проезд по Камчатке будто бы по каким-нибудь делам, а потом уже, под защито правительства обирает камчадал, как ему угодно!»*

Духовные лица порой не уступали в этом отношении светским. Крузенштерн: *«Настоящее состояние духовенства в Камчатке есть предмет не недостойный внимания. Мне удалось видеть только двух священников, Большерецкого и Петропавловского, первый приехал в Петропавловск скоро по прибытии нашем с весьма дорогим пушным товаром, и по продаже оногo домой отправился; и так я не могу ничего сказать о его поведении: но о последнем узнали мы, что он делает своему состоянию великое поношение. Сказывают, что камчатские священники вообще не лучше поведением своим Петропавловского, а потому и нетерпимы камчадалами».* Головнин ядовито замечает: *«А где он взял сей дорогой товар? Вот и пример его поведения!»*

Но... вернёмся в Китай: *«Если бы торг Россиян с Кантоном утвердился, чего ожидать, кажется, не невозможно; в таком случае привоз в Россию дешёвого чая мог бы сделаться благотворением для недостаточных жителей сего государства, которые привыкнув мало помалу к сему здоровому напитку, вероятно, начали*

бы употреблять менее вина горячего... – не без наивности надеялся Крузенштерн, – Российские провинции изобилуют мёдом, который заменяет весьма удобно употребление при чае сахара. Российский народ может привыкнуть скоро к чаю, который кажется быть по его вкусу, как то испытал я на корабле своём. Служители «Надежды», включая многих, отказались все о своей порции французской водки и арраку, чтобы получить только вместо того порцию чаю»...

Головнин же в «чайном» отношении куда менее оптимистичен, приближаясь в сомнениях к скепсису: *«Кому верить? Что один называет здоровым напитком, другой именует сущим ядом!»*.

Споры о пользе или вреде чая давно утихли, пьём его без малейшей опаски, хотя получаем желанные вяленые листья из Китая или Индии не в обмен на пушнину, а благодаря неутолённой потребности не слишком жалующих друг друга великих государств в российском оружии.

Не обошлось в Макао и без голландцев, общего языка с ними Крузенштерн не нашёл и отпустил несколько шпилек в адрес выходцев из тюльпановой страны. Обижаться было из-за чего. Англичане не поскупились и познакомили Ивана Фёдоровича со своими мореходными картами, а голландцы делиться драгоценной навигационной информацией не пожелали, поэтому в вечность на страницах описания странствий не попали. Зато британский капитан Макинтош удостоился похвал автора и зацепился таким образом в истории. Головнин отпустил по этому поводу чеканный афоризм: *«Эгоизм, сия главная пружина человечески деяний»*.

С эгоизмом и у русских моряков всё было в порядке. Убедиться в этом Крузенштерну довелось на пути в Петербург, когда в апреле 1806 года близ острова Святой Елены (восемью годами позднее сюда угодит в ссылку сам Наполеон) вахтенные заметили два корабля. Первый сочли за «Неву», которую потеряли из виду в мыса Доброй Надежды и по заблаговременной договорённости ожидали увидеть именно здесь. Парусник, приятый за «Неву», однако скрылся за волнами и увидеть второй шлюп экспедиции Крузенштерну довелось только в Кронштадте.

Лисянский писал впоследствии, что припасов на «Неве» хватало на три месяца, а посему он решил направиться прямо в Англию, так как подобное *«...отважное предприятие доставит нам большую честь, ибо еще ни один мореплаватель не отважился на столь далекий путь, не заходя куда-нибудь для отдохновения... Единст-*

венно сожалел об одном, что таковое наше путешествие должно разлучить нас с кораблем «Надеждою», но что делать? Имея случай доказать свету, что мы заслуживаем в полной мере ту доверенность, какую отечество нам оказало, нельзя было не пожертвовать сим удовольствием». Рекорд Лисянского – 142 дня без захода в порты – морское министерство сочло вполне достойным поводом для отступления от договоренности, однако уловка капитана «Невы» стоила Крузенштерну приоритета! Будучи во главе экспедиции и удостоившись памятника в Санкт-Петербурге с гордой надписью на пьедестале «Первый плаватель вокруг света», Крузенштерн, однако же, привёл свой корабль домой вторым. Лавры «русского Эль Кано» – легендарного баска, завершившего дебютную кругосветку землян после гибели Магеллана, – у него, по сути дела, перехватил Лисянский! Головнин был явно того же мнения, пронизательно отозвавшись о современных ему страстях: *«Нева» была у себя на уме!»*

...Вчитываясь в пожелтевшие страницы, убеждаешься, что мир и тогда уже был кое в чём достаточно тесен. В Китае Крузенштерн обзавёлся книгой английского капитана Броутона, которая перед отплытием «Надежды» из Санкт-Петербурга... ещё не вышла из печати. Броутон несколькими годами ранее пытался найти гипотетический тогда пролив между Сахалином и Евразией. Тем же занимался и Крузенштерн, так что броутоновы записки подоспели вовремя.

Козырной картой противников существования пролива были наблюдения Лаперуза, безуспешно искавшего тот же проход, надеясь побыстрее достичь Камчатки. Лаперуз вел свои фрегаты «Буссоль» и «Астролябия» на север, пока позволяла глубина, и на 51 параллели решил в конце концов, что находится в заливе не имеющем выхода в Охотское море. На берегу французы пытались мимикой, жестами и рисунками объясниться с аборигенами. Один из островитян провёл некую черту *«через это, что Сахалин соединяется с Татарию (Евразией – О.Д.) узким перешейком...»* Это «свидетельство» вкупе с уменьшением глубины и отсутствием течения склонило Лаперуза к убеждению, что впереди его ждёт твердь земная в виде песчаного перешейка.

Крузенштерн из полученной в Китае книги выяснил, что Броутон прошёл на восемь миль дальше Лаперуза и тоже счёл, что угодил в предел «великого залива Татарию». Наблюдения самого Крузенштерна вполне совпали с данными предшественни-

ков. Осторожный Иван Фёдорович всё же избежал категоричности и предположил, что Сахалин был некогда островом, но с течением времён пески, приносимые Амуром, соединили его с континентом. Головнин оказался резче в суждениях, приписав тут же, что «*река Амур никогда ни для кого не может быть полезна как морская пристань*». Что ж, от неверных суждений даже гении своего дела никогда не застрахованы. Четыре первопроходца угодили в западню одной и той же ошибки, причём ни одному из них не довелось узнать о своей неправоте. Лаперуз сгинул в Тихом океане и следы его отыскивались лишь в третьем десятилетии XIX века. Головнин умер от холеры летом 1831 года, а Крузенштерн ушёл из жизни всего за два года до первого плавания Геннадия Невельского, который всё же провёл свой транспорт «Байкал» неведомым для предшественников проливом в 1848 году и удостоился таким образом высшей чести для любого моряка, оставив свое имя на карте. Отмечу при том, что Невельской учился в Морском корпусе в пору директорства там Крузенштерна. Доживи Иван Фёдорович до возвращения Невельского и он вполне мог бы пойти по стопам Василия Жуковского, подарившего Александру Пушкину портрет с надписью «Победившему ученику от побеждённого учителя»!

Как ни печально, а многие современники наши искренно убеждены, что творцом замысла плаванья вокруг света в Русскую Америку был Николай Резанов, воспетый Андреем Вознесенским в известной поэме «Юнона и Авось» и одноимённом либретто рок-оперы. Подлинные заслуги Крузенштерна оказались таким образом принесены в жертву романтического, но весьма недостоверного замысла. Что поделаешь, если патина таланта накрепко прикипает к истине и оную презрительно искажает.

Рассказ о заочном диалоге двух великих капитанов я завершу ещё одним – маленьким! – путешествием по титульному листу и форзацу крузенштерновского труда, чтобы разобраться, каким же образом оказался трёхтомник в библиотеке МГУ имени М.В.Ломоносова. Судя по экслибрису сына мореплавателя, бывшего одно время министром просвещения при императоре Александре II, книги хранились в родовой усадьбе Головниных. Имение это в селе Гулынки Рязанской губернии вслед за революцией 1917 года было разграблено и вообще сведено с лица земли. Но фамильная библиотека на самокрутки всё же не пошла, а была вовремя вывезена в столицу и влилась в фонды библиотеки Московского университета. Трёхтомник Крузенштерна при этом ка-

ким-то образом сбился с общего книжного пути и, как убеждают оттиски штампов, в 30-е годы попал в каталог «Международной книги», занимавшейся продажей раритетных изданий за границу. Книжки с такой родословной могли бы лишиться хладнокровия даже хранителей Библиотеки Конгресса США или Британского музея, но вместо этого, к счастью, угодили в библиотеку ТАСС, в которой задержались на двадцать лет и в 1955 году перебрались в библиотеку МГУ имени М.В.Ломоносова. Где им, надо полагать, и пребывать до скончания веков или читающей публики, что, впрочем, одно и то же. Рискну предположить, что карандашную скоропись на полях за годы перемещений во времени и в пространстве никто до меня прочитать не удосужился.

Множество неведомых доселе берегов нанёс на карты Василий Михайлович Головнин, но ни разу не оставил на них своего имени, хотя, будучи первооткрывателем, имел на это полное право. К счастью, его похвальную, но всё же чрезмерную скромность потомки сочли возможным не воспринимать как руководство к действию. Мне доводилось прилетать на остров Кунашир в аэропорт посёлка Головнина, любоваться вулканом Головнина на тех же Южных Курилах, проходить проливом Головнина из Тихого океана в Охотское море между островами Райкоке и Матуа. Есть гора Головнина и на Камчатке, которую он трижды навещал. Любопытно, что в третий визит Головнин доставил своему другу начальнику Камчатки Петру Рикорду, вызволившему Василия Михайловича из японской неволи, рояль для его жены. Выходит, что первые фортепьянные аккорды на российских тихоокеанских берегах прозвучали тоже благодаря Головнину. А о главной своей заслуге он вскользь упомянул в ещё одном примечании к труду Крузенштерна. Иван Фёдорович писал, что, видно, изумятся европейские картографы, получив ценнейшие сведения о неведомых землях и морях «*от... народа, от коего, может быть, совсем того не ожидали*». По этому поводу Головнин приписал: «*Не ожидали, однако и имели право ожидать!*»

А без финальной цитаты все же не обойтись. Размышляя о миссии первооткрывателя, Крузенштерн писал: «*Мореходец должен поставить себе законом, чтобы возможно не приближаться к путевым линиям своих предшественников... Я старался следовать сему правилу, сколько позволяли обстоятельства*». И Головнин, столько раз не соглашавшийся с автором записок, стремительным своим почерком подтвердил: «*Правда!*»

Землячество «Северное притяжение» организовало поездку-ретро в Магадан для тех, кто провёл когда-то годы, как пелось в одной песенке, «на далёком Севере, где эскимосы бегали». Посетить, так сказать, малую родину, подышать терпким воздухом студёного Охотского моря, вспомнить былое, оценить перемены... Вояж, за исключением экскурсионной программы, предлагался за свой счёт, но привлекалочка заключалась в том, авиабилеты, за которые многие колымчане, жаждущие провести отпуск «на материке», платили по 100-120 тысяч «туда-обратно», нам обошлись в льготные 14 тысяч. Почувствуйте разницу!

«Добровольцами» руководили Степан Арменакович

Наконец я вижу в иллюминаторе цепляющие за сердце пейзажи – поросшие стлаником сопки с пятнами нетающего снега в распадках, извилистые нитки рек и речушек, листовничные долины с медалями озёр, в которых наверняка полно хариуса...

В аэропорту нам вручают значки-снежинки «Северное притяжение», и наш автобус катит в город, находящийся в 48-ми километрах (до спрямления дороги аэропорт считался «56-м километром»).

Первые впечатления обескураживают: листовница по обочинам так буйно разрослась, что зажимает дорогу, как в сказке, плотной изумрудной стеной. А ведь во времена

Борис САВЧЕНКО

МАГАДАН, ИЮЛЬ И СОПКА КРУТАЯ

Азнаурьян и Надежда Михайловна Папп (в прошлом «отцы города»), не теряющие генетической связи со столицей колымского края и поныне. Как, впрочем, и многие из тех, кто согласился лететь за тридевять земель, несмотря на пенсионный возраст. Ведь даже судя по списку группы, где имела графа «потребность в жилье», большинство указало: «семья» или «друзья». И только двое местом проживания определили гостиницу «ВМ Центральная» – С.Азнаурьян (статус обязывал) и ваш покорный слуга, у которого родных на Севере уже не оказалось.

Группа собралась замечательная. Личности неординарные. Например, 87-летняя Анна Дмитриевна Нутзэтэргынэ (фамилия в переводе с чукотского означает «бегущая по тундре») – бывший председатель Чукотского окрисполкома и член Президиума Верховного Совета СССР (её сопровождала киногруппа, снимавшая фильм о выдающихся женщинах Чукотки). Или Камилль Козаев – архитектор, соавтор (с Э. Неизвестным) «Маски скорби». Или д.г.н. Владимир Куторгин, начинавший свой профессиональный путь в Магаданском горном техникуме. Дочь репрессированного писателя Бориса Лесняка Т.Симонова. В конце концов и автор этих строк с призрачным званием «известный литератор». Говорить обо всех – места не хватит.

Семичасовой перелет на «Боинге», вмещающем 500 пассажиров – томительный и нудный, весь интерес сосредотачивается на табло монитора, где над бескрайними просторами родины еле движется крошечный самолётик, мелькают параметры высоты, скорости, километража, а из-за горизонта выплывают названия, остающихся внизу городов: Пермь... Норильск... Якутск...

Дальстрою на всём протяжении трассы лес вырубил под корень – древесина шла на строительство барачков, для нужд шахт, а зимой и на костры, чтоб элементарно согреться. Так что до самого Магадана я с трудом ориентировался, где какой попадался посёлок: Уптар, Снежка, Аэропорт 13-й км., Дукча. И вот с последнего подъёма уже встречают нас символы Магадана: стела с датой основания, скульптурная группа оленей, открывается просторная панорама города – дыхание моё перехватывает. А в душе зазвенела старая песенка: «Позади Москва-река, где ж ты, Якиманка? Здравствуй, город Магадан и речка Магаданка...»

Город наполовину накрыт туманом, похожим на лагерное одеяло. В его серых ключьях просматривается справа силуэт «Маски скорби», а слева от проспекта – самой длинной улицы в России – сияют золотые купола кафедрального Свято-Троицкого собора, замыкает горизонт ажурная телевышка. Море забытых чувств обуревает меня, и я, несмотря на дикую усталость, устроившись в отеле, тороплюсь пройти по улицам моей молодости. Перед выходом спрашиваю у девушки на ресепшн, что значат первые буквы в названии гостиницы «ВМ Центральная»? Вечерний Магадан? – «Не-е, – отвечает. – Великий Магадан!» – «Ах, великий?! Ну да, звучит. Как я сразу не сообразил».

На проспекте Ленина, как в аэродинамической трубе, гудит промозглый ветер. При температуре воздуха +12 (во второй половине июля!) – ощущение жуткого дискомфорта. До упора поднимаю «молнию» на пуховике и буром пружинчатом ветре к телевышке, откуда здесь как бы всему начало. Надо мной жалостливо кричат чайки. Впереди просматривается серое в барашках море.

Поглядываю по сторонам и с горечью констатирую, что Магадан в гляцевых альбомах, коих у меня десяток, и Магадан в натуре – две большие разницы. Даже вдоль главной улицы – обшарпанные, с побитой временем лепниной, унылые строения, напрочь утратившие шарм 60-70 годов. Почти всюду в первых этажах вместо окон пробиты двери – так расплодилось, видимо, в «лихие 90-е» фирмы и фирмочки с громкими вывесками: «Русское золото», «Русское пиво», «Серебро Магадана», магазинчики, где не повернёшься – с приставками «супер», рестораны с претензиями на иностранца: «Торади», «Стейк хаус», «Воки-токи», «Суши-оки». А народу – никого! Улицы пустынные. Какая-то странная помесь «города Зеро» и города Арбатова (из Ильфа и Петрова). Почти через дом – какой-нибудь банк. На месте популярного магазина «Полярный» – банк, гостиницы «Магадан» – банк, книжного магазина «Знание» – банк. Скажете: всё течёт, всё изменяется. Кому какое дело, что в квартире твоей любимой девушки (господи, когда это было) обосновался «Билайн», а весь этаж по Ленина, 7, где мы гуляли у приятеля с Мишей Шуфутинским (и такое бывало), игравшим и певшим в ресторане «Северный», заняла адвокатская контора? Новосёлы воспринимают город таким, какой он есть. Пусть так. Тогда, как понимать, что снесены исторически знаковые дома Магадана: старый телеграф, Дом пионеров, ателье «Огонёк», клуб ВСО, тот же «Северный», et cetera? Знаменитый «фестивальный дом», получивший своё название за нарядный праздничный вид, превратился в некое подобие затрапезного общежития 20-х годов прошлого века. Серобуромалиновая штукатурка (цвет после «ремонта»!?) давно облупилась, балконы «трассовскими» жильцами застеклены всяк на свой лад и захламлены. Некоторые улицы (например, Парковая) страдают ужасающей эклектикой новых строений. Такое впечатление, что в городе отсутствует архитектурный надзор.

На перекрестке улиц Ленина и Маркса (б.Сталина) каждый дом «с историей», там давно пора установить мемориальные доски. Вот здесь жил Цареградский, руководитель первых геологоразведочных экспедиций на Колыму. На

месте нестандартной пятиэтажки, где сейчас обитают важные чиновники, стоял особняк первого руководителя Дальстроя Э.Берзина (позже там поселился И.Никишов). Напротив находилась бессмысленно снесённая Первая школа, построенная по утверждённому Крупской проекту, где преподавала Е.Гинзбург и учился её сын, будущий писатель В.Аксёнов. Есть много других мест, где не помешали бы памятные доски (здание Маглага, «дом Васькова», «телеграф» и т.д.). На здании театра я увидел только две доски, посвящённые не так давно ушедшим н.а. России В.Барляеву и заслуженному художнику РСФСР В.Мягкову. Позвольте, в театре же задолго до них работали такие мастера, как режиссёр Л.Варпаховский, актёры Г.Жжёнов, Ю.Кольцов (Розенштраух), А.Демич, В.Шульгин, балерины Н.Гамилтон и К.Шахт, музыканты Э.Рознер, А.Шварцбург, А.Дзыгар, художники В.Шухаев, Л.Вегенер, В.Антощенко-Оленев, И.Шерман, литработники В.Португалов и А.Школьник... Список длинный.

В том, что в Магадане чувствуется безразличие к его культуре, мы убедились и на следующее утро, когда нас привезли на сопку Крутую к «Маске скорби». Бедный соавтор мемориала Камилль Козаев. Как он страдальчески загрустнул при виде своего детища. Всё архитектурное пространство основательно заросло стлаником и лиственницей, капитально извратив первоначальный вид памятника жертвам репрессий, и само творение Э.Неизвестного вблизи уже не просматривается в полном объёме. Сам монумент покрашен в какой-то несурзанный цвет, что в корне противоречило замыслу скульптора. По идее Неизвестного, «Маска» должна сохранять вид чистого бетона, без изменения цвета и полировки, и производить впечатление вырвавшего из земных недр человеческого горя.

К счастью, К.Козаев нашёл полное понимание у нового главы региона – врио губернатора области Сергея Носова. Сергей Константинович вместе с архитектором осмотрел сооружение и сказал: «Это место не должно вызывать ощущения с точки зрения ухоженности. Необходимо подготовить дизайн-проект реконструкции комплекса, а также

самой «Маски Скорби». Требуется дальнейшее развитие, чтобы в будущем связать здесь всё воедино с другим мемориальным проектом по восстановлению транзитной тюрьмы. «Маска Скорби» важна не только для Магаданской области, но и для страны. Это самая большая скульптура Эрнста Неизвестного, и мы заинтересованы в её сохранении. Разумеется, все работы должны быть проведены под контролем Камиля Козаева».

Из-за восьмичасовой разницы во времени спалось мне плохо. Проснулся среди ночи – комната залита тусклым жёлтым светом. Отодвинул оконную штору – в слабом тумане горят гроздь ярких фонарей на проспекте. Улица пуста, ни души. Напротив, через дорогу, странный дом пяти этажей с потухшими окнами. Наверху герб с развёрнутыми гипсовыми знамёнами. Пригляделся. Оказалось, дом завешан фасадным грязно-зелёным баннером, на котором нарисованы фиолетовые окна и парадный вход с балюстрадой. Так по идее он должен выглядеть после реставрации, но у собственника, говорят, нет денег, и пугающий вид рушащего дома вызывает ассоциацию опять-таки с «городом Зеро».

Утром мы с С.Азнаурьяном наведались в музей-квартиру Вадима Козина, где я вручил директору Вере Ильиничне Смирновой имевшийся у меня дневники великого певца. И между прочим подарил ей и Степану Арменаковичу только что вышедшие наборы открыток моих акварелей. Ставя автографы, шутя пожаловался, что ручка плохо пишет, хоть бы кто новую подарил. Каково же было моё изумление, когда перед самым отъездом из Магадана Азнаурьян собрал у автобуса и провожающих и отъезжающих и в «торжественной обстановке» вручил мне авторучку с прозрачным корпусом, заполненным под завязку блёстками сусального золота. Ну, писал я когда-то позолоченным пером, но чтоб такое – впервые видел! «А оно настоящее? – не поверил я. – В аэропорту не тормознут?» – «Фирма гарантирует. Это концерн Арбат».

После музея Козина я продолжил прогулку по заповедным местам молодости. Остановился у строго по архитектуре здания ещё сталинских времён. Здесь когда-то помещались научные институты – сначала СВКНИИ, потом – ИБПС, и в обоих я работал.

В связи с последним – Институтом биологических проблем Севера сразу вспомнил одну историю. Согласно проведённым исследованиям Магаданская область в 2016 году стала самым пьющим (не воду, разумеется) регионом страны. Открыли Америку! Да алкоголизм здесь испокон веку был самой острой социальной проблемой. Особенно страдало производство от похмельного синдрома трудящихся. Понедельник и вторник в рабочей неделе – пропащие дни. В этих условиях Совмин СССР в строгой секретности поручил трём НИИ разработать некий антиалкогольный напиток. В проекте приняли участие учёные Приморья (в т.ч. ИБПС) и Кахетии. В результате был создан экстракт «каприм» (Кахетия+Приморье), способный резко уменьшить патологическое влечение к алкоголю. На основе «каприма» выпустили опытную партию водки «Золотое руно», и несколько тысяч бутылок отправили в Магадан. Так сказать для негласной проверки одного из наиболее проблемных районов Колымы.

Результаты превзошли ожидания: «опохмелка» уменьшилась на 30%. Снизились и тяга к спиртному, и количество травм на производстве, прогулов, поломок техники и т.д. К сожалению, в 1985 году созрел закон «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Помните такой? Мне рассказывали, когда представитель области вошёл в кабинет Е.Лигачёва с предложением о промышленном выпуске

«Золотого руна», Секретарь ЦК КПСС просто заорал: «Какое ещё «Золотое руно»?! Мы алкоголизм запрещаем, а вы тут новую водку суёте!»

Да, были времена – прошли былинные. Ни были, ни эпосов, ни эпопей...

А ветер по-прежнему остервенело хлещет по лицу, словно взбесился. Я всё же нашёл в себе силы снова подняться к телевизшке. Почему? На телевидении работала ведущей информационных программ Ксения З. – первая красавица города и по совместительству... моя внучка. По жизни вышло так, что я не поддерживал никаких отношений ни с ней, ни тем более с её матерью. Покинув Магадан, я расстался и со своим бесшабашным прошлым. Так, раз в год или в два короткие поздравления по имейлу. А тут совесть что ли заела. Приехал на неделю в Магадан и не увидать воочию Ксюшу, которую до этого лицезрел лишь на экране – «ну не будь таким жестоким...»

Сел на скамейку рядом с входом в телецентр и, уткнув нос в пуховик, минут двадцать размышлял – звонить или нет. Всё-таки позвонил. «Алло?» – услышал её голос. Музыка! Даже волнение прошибло. «Здравствуй, Ксюша. Вот уже полчаса мёрзну на скамейке, жду, может, ты выйдешь...» – «Кто это?» Когда я назвал себя, возникла пауза, сменившаяся радостным (не фальшивым) удивлением: «Это вы?! Ой, здравствуйте!» И потом: «Но вы немного опоздали» – «Опоздал? Почему?» – «Я уже живу в Москве». Вот те на, как обухом. Звоню как бы из Москвы в Магадан, а из Магадана соединяюсь опять с Москвой.

Дальнейший разговор не представляет интереса, стало очень грустно. Был позыв увидеться – и пропал, в Москве, знаю, такого желания уже не возникнет.

Перекусил в «Пельменной» (там раньше был антикварный магазин). Отведал пельменей с кижучем, запил брусничным морсом, который бы в Москве сошёл за 100-процентный сок.

После обеда – «встреча с читателями» в областной библиотеке. Презентация книг московских авторов, живших когда-то в Магадане. Но в наличии из столичных литераторов оказался я один. Кто-то не приехал по причине возраста, их творчество представляли родственники. Без хвастовства замечу, что мою книгу «Прошлое в тонах перламутра» расхватали, как горячие пирожки. Честно говоря, не ожидал – книжка почти трёхлетней давности. Но вот в Магадан она не попала.

Ещё одну тоскливую ноту в картину дня внесла беседа с руководителем областного отделения СП России Валерием Фатеевым. Писательская организация насчитывает всего 9 членов (может, для Магадана и это много), половина из которых глубоко пенсионного возраста. Своего издательства, конечно, нет. Процветает только независимое, коммерческое – «Охотник». Так что выпустить книгу можно только за свой счёт. С большим напрягом выходят журнал «Колымские просторы» и альманах «На Севере дальнем». Но тут каждый раз надо вымалывать у городского начальства деньги. Фатеев со смехом рассказывал мне, как его объявляли чуть ли не в федеральный розыск из-за 30 тысяч задолженности по коммунальным платежам. И ещё нюанс. В областном центре «Литературную Россию» получает только библиотека, и один экземпляр по договорённости даёт Фатееву.

А вообще, просматривая местную печать, у меня сложилось двоякое впечатление. С одной стороны, город находится почти на грани банкротства, и среди множества проблем облупившиеся фасады домов кажутся мелочью по сравнению с тем, что начинает рушиться автодорога из морпорта в Магадан. В прямом смысле это единственная

артерия, по которой идёт снабжение всей Колымы. А денег на её реконструкцию пока нет. С другой стороны, имеются и позитивные примеры. Ухоженный парк, в котором есть, где отдохнуть и старому и малому, а в наше пребывание открыли оригинальную Японскую аллею с настоящим бамбуком. При поддержке мэра города Юрия Гришана нашли средства для возведения мемориала «Хачкар» – символа дружбы армянского и российского народов. Любопытно, что в праздничной программе «С днём рождения, любимый город» выступала певица из страны Восходящего солнца Миюки Исибаси, исполнявшая Козинские романсы на японском языке.

Но опять к проблемам. Который год на всех уровнях идут разговоры о снижении авиатарифов для магаданцев, желающих отправиться в отпуск. Но воз и ныне там. Льготные тарифы периодически выделяются, но это сущие крохи – говорят, их расхватают ещё весной в течение часа!

Теперь всплыла и новая для Магадана проблема – экологическое загрязнение Нагаевской бухты, на дне которой ржавеют два десятка затонувших когда-то судов, списанные подводные лодки, неизвестное количество машин горе-рыбаков. Суда, как известно, содержат неизвлекаемые остатки ГСМ, это – «отложенная опасность» и в час «икс» может случиться непредвиденная катастрофа. А Нагаевская бухта – это водоём высшей категории рыбохозяйственного водопользования: в нём нагуливаются лососи и сельдь, обитают корюшка, навага и другие виды рыб.

Остаётся только пожелать новому главе региона Сергею Константиновичу Носову, с которым состоялась встреча нашей группы, как можно скорее справиться с этим ворохом проблем. Слава Богу, отгребели все эти футбольные фанфары, и власть наконец сподобится обратить должное внимание на

уникальную по всем параметрам область, население которой неуклонно сокращается (с 500 тысяч в 70-80 гг. до нынешних 140 тысяч). Может быть, лучше провести железную дорогу в Магадан, нежели строить мост на Сахалин, природные ресурсы которого не идут ни в какое сравнение с несметными богатствами Северо-Востока?

Состоялись ещё интересные поездки на Ольское побережье (с рыбалкой и ухой) и в глубинку, конкретно в посёлок Палатка (в 82 км от города). В Палатке живёт известный предприниматель Сан Саныч (так его называют жители) Басанский. Удивительный человек. Занимаясь бизнесом, никогда не забывает о благотворительности. Обустроил родной посёлок так, что он стал лучшим на Колыме. А я скажу, что по красоте и ухоженности такое селение вряд ли сыскать и в европейской части России. Построил два храма: каменный – в Палатке и из даурской лиственницы – на Оле. Причём с новейшими технологиями: батюшки запускают звонницы с помощью мобильных. Кстати, моя эксклюзивная авторучка тоже выпущена принадлежащим Басанскому концерном «Арбат». Не оскудела колымская земля на щедрых людей.

Прощаясь с Магаданом, хотел увезти с собой частичку незабвенной прошлой жизни, а взял полкило икры да немного золота. Драгметалл содержался в пробирке с песком, купленной в «Сувенирах». Надпись на флакончике гласила «Песок Колымы. Содержание золота 0,000001 гр.» Да ещё прихватил несколько веток смолистого стланика с сопки Крутой. Теперь этот душистый букет стоит на моём столе и заставляет сжиматься сердце.

МАГАДАН – МОСКВА

Юрий ПАХОМОВ

Банька по-чёрному

1

Несколько месяцев, проведенных в следственном изоляторе, сделали из Дениса Серегина другого человека. И хотя на суде его оправдали, внутренне он надломился, утратил интерес к жизни, погас. Больше всего Серегина угнетала мысль, что предала его и подставила жена. Денис давно крутился в бизнесе, понимал, что чаще всего так и бывает, но представить себе не мог, что подобное может случиться с ним, предпринимателем опытным, осторожным и жестким.

Жена с любовником успели скрыться за границей, теперь за сладкой парочкой охотился Интерпол, и судьба их была предрешена: арест, депортация, длительный срок. Все это ничуть не трогало Серегина, он точно одеревенел, ему, коренному москвичу, вдруг опротивела столица, он возненавидел свою квартиру в элитном доме на Хамовническом Валу, где каждая деталь напоминала о Марине и постельное белье еще хранило запах её духов.

Засевшая внутри тоска напоминала зубную боль, нескончаемую и нудную. Его му-

чили сны, в которых постоянно присутствовала Марина. Скорее, даже не сны, а яркие, с реалистическими подробностями видения из того времени, когда жена любила его, — так, по крайней мере, ему казалось. Нередко Денис просыпался с мокрым от слез лицом и весь день был угрюм и раздражителен.

Еще в следственном изоляторе Серегин много раз прокручивал сложившуюся ситуацию, но так и не понял, как он мог лохануться, не почувствовать опасность. Да, он любил Марину, а любовь, как известно, слепа.

Денис даже внешне изменился, поблек, постарел, ходил шаркающей походкой, утратил интерес к работе. Ему казалось, что сотрудники компании шепчутся за его спиной, он был убежден, что они знали о готовящейся подставе, но молчали, а значит, участвовали в предательстве. И все чаще ему в голову приходила мысль продать компанию, уйти из бизнеса, уехать куда-нибудь. И чем дальше, тем лучше.

Как-то вечером позвонил Трапезников:

- Ты что притих? В себя приходишь?
- В себя, Игорек, я уже никогда не приду.
- Так все плохо?
- Хуже некуда. Подумываю бросить все, продать бизнес и уехать. Я ведь звонить тебе собирался, посоветоваться нужно.
- Ты где сейчас?
- Дома. Если так можно сказать.
- Буду минут через сорок. Выпивка есть?
- Что угодно. А вот с едой...
- Захватчу.

Трапезникова Денис знал с давней поры, когда они, оба провинциалы, студентами по ночам вкалывали в автосервисе. Мыли машины, ковырялись в двигателях. Одно время вместе снимали комнату, куда в первый раз пришла Марина, да и стала похаживать, а Игорек в это время болтался по ветреной весенней Москве. Все переменялось, когда родители Марины попали на Кутузовском в ДТП, их «Хонду» так расплющило, что тела пришлось извлекать с использованием спецтехники. Марина стала богатой невестой – отсюда и бизнес. Игорек, дипломник юрфака, тогда очень помог ей. Был он в ту пору тощ, вихраст и говорил, по-поморски растягивая слова. А потом случилось чудо: паренек из деревни, затерянной на побережье Белого моря, вдруг попер, о нем заговорили, как о звезде адвокатуры, он удачно женился и владел нынче крупной адвокатской конторой с офисом на Сретенке. Был так же худ, только стригся теперь в модном салоне, да и костюмчик носил купленный не иначе, как в Лондоне, в дорогом магазине.

Друзья устроились на кухне за современным, но удобным столиком. Стойка бара отливала начищенной корабельной медью, а люстра, тоже под медь, напоминала инопланетный космический аппарат. Третье кольцо пролегалo рядом, но дорогушие стеклопакеты не пропускали звуков.

– Водилу я отпустил, так что можем оторваться по полной. Потом вызову такси.

– Ты без охраны?

– Охрана – чепуха. От хулиганов. Серьезные люди, если захотят, все рано завалят. К тому же у меня есть клиенты в большом авторитете. Вряд ли кто-нибудь захочет с ними ссориться.

– Маргарита твои заходы терпит?

– Маргарита – женщина. У нас, поморов, женщин уважают, любят, но они знают, кто в доме хозяин. Главное – не давать повода, а я не даю. Ладно, разливай и излагай, только правду, как на сеансе у психоаналитика.

Игорь мог спокойно одолеть бутылку водки, но теперь пил только три рюмки, не больше. Слушал внимательно, подперев ку-

лаком подбородок. По мере того, как Денис выговаривался, на душе у него становилось спокойней, но чувство безысходности сохранилось, ушло куда-то внутрь. Сигаретный дым вытягивался вентилятором, за окном потемнело, мириады огоньков неслись в желтом пространстве третьей кольцевой дороги.

– Продать раскрученный бизнес, прости меня, глупость. Без этой работы ты не сможешь жить, окончательно соскользнешь в депрессию, – сказал Трапезников. – А вот взять академический отпуск, скажем, месяца на три, разумно. Надежного заместителя я тебе подберу, не обдерет и на жизнь твою покушаться не будет. Гарантирую. А коли не прокатит, тогда продашь дело. Хочешь уехать, могу местечко посоветовать. Тебе сейчас не Мадагаскар нужен, не Южная Америка с пампасами, ты по планете изрядно прокатился, а родных российских окраин не знаешь. Поезжай-ка, друг, в мою деревню, есть такое становище на южном берегу Белого моря – Снежница. У меня там дом родительский, еще дед ставил. Я ведь не в Ницце отдыхаю, не на Азорских островах, а там, в родной деревне, душу лечу, на просторах, на рыбацких тонях, в лесах. Вся городская короста отходит. Ты не подумай, я не из любителей щи лаптем хлебать, я комфорт люблю. В доме ремонт сделал, итальянская сантехника, душ, септик, а вот печи менять не стал, потому как их гении придумали. Мастеров из Архангельска выписывал. У меня катер, надувная резиновая лодка, вездеход. За домом приглядывает мужичок из поморов – квинтэссенция человеческой мудрости. Жизнь помора сурова, оттого и народ бесхитростный, светлый, ветрами выдубленный. А морошка, а грибы? Барахла с собой не бери, чтобы не выделяться, мы с тобой одного роста, да и сложением схожи. Подберешь себе охотничий костюм. Все фирменное, финское. Снежница в переводе с поморского означает чистый ручей, что бьет весной из-под снега. А через месяц, даст Бог, я к тебе присоединюсь. Порыбачим.

И Денис как-то сразу согласился, ожил, будто ему свежую кровь перелили. Через две недели, завершив дела, выехал в Архангельск. Выбрал не самолёт, а поезд, чтобы под перестук колес ещё раз все обдумать и взвесить.

2

Денис и вспомнить не мог, когда в последний раз ездил поездом, разве что за рубежом. Летал самолетами: быстро, удобно, без хлопот. Ему нравился рваный ритм

аэропортов, отлаженный сервис, магазины «Дьюти фри», буфеты. Со временем исчезло представление о пространстве, оно измерялось чередой завтраков и обедов на борту.

Поезд на Архангельск тащился медленно, казалось, он останавливается у каждого столба, а пейзаж за окном не менялся: тронутые желтизной леса, ускользящие просеки, поля, взгорки, рощицы. Вагон был старым, в нем что-то дребезжало, ухало, а то вдруг начинало ритмично перестукивать, в туалете так мотало, что приходилось держаться за ручки. В поезде отсутствовал вагон-ресторан, его заменил буфет с продуктами сомнительного качества. Денис ограничился бутербродами с сыром и пивом. И все это напоминало студенческие времена, когда ездили веселыми компаниями, шум, смех, розыгрыши, гитарные переборы, ожидание удачи, счастья. Бизнес с его предельно деловым, рассчитанным стилем, иссушал душу, отгораживал от дорожных впечатлений и случайного общения.

За Вологдой пошли сумрачные леса, стали чаще греметь под колесами мосты над черными, напоминающими рвы реками. Денис никогда не был на Русском Севере, по делам фирмы ему приходилось летать в Финляндию, Швецию, Норвегию, но это был ухоженный, цивилизованный Север, когда в голову не придет бросить в кусты бутылку, а пейзажи напоминают прилизанные фотографии. В купе «люкс» он был один, народ предпочитал ездить в обычных вагонах. Там кипела жизнь, чуждая Серёгину, и пассажиры были ему чужды, непонятны. Наверное, в каком-нибудь парижском экспрессе он чувствовал бы себя уверенней.

На вокзале в Архангельске его встречал старый знакомый Трапезникова – некто Галузов Валерий Иванович, человек лет пятидесяти, без особых примет, с закрытым, точно с опущенной шторкой лицом.

– Вы Серёгин? – спросил он, подхватив сумки Дениса. – Вот и ладненько. Сейчас позавтракаем в кафе и на аэродром. – Галузов улыбнулся, шторка с лица опала, и на Дениса брызнуло синью бесхитростных глаз.

Валерий Иванович загрузил сумки Дениса в багажник подержанного «Опеля» и спросил:

– В Архангельске прежде дак бывать приходилось?

– Нет.

– Жаль. У прежнего-то города было лицо, а теперь, как у всех... Высотки эти... Набережные остались да Чумбаровка, на ней дома деревянного зодчества, отреставрированные, но не то. Живую душу у го-

рода вынули. Огорчительно это, – Галузов вздохнул и умолк.

Завтракали в симпатичном кафе в центре.

... «Опель», оставив позади центр, мчался по бесконечному мосту, с которого открылся вид на Двину, потом пошли дома, в основном новострой. Пейзаж не согревал душу, вроде и август, и зелень, а все же холодно и как-то дико. Денис не понимал, откуда это ощущение. В зале ожидания местного аэропорта на скамейках сидели пассажиры, почему-то в основном женщины и подростки.

– А что за самолет летит до Снежницы? – спросил Серёгин.

– «Аннушка». Там другому борту и не сесть. Взлетно-посадочная полоса – скошенный луг. «Аннушка» в случае чего и на забережье сядет, хотя риск есть, можно на топляк налететь.

– Что за «Аннушка»?

– Ан-2, биплан.

– Так ему лет пятьдесят. Я такие самолёты только в кино видел.

– Поболее пятидесяти будет. А что? Двигатель с одного борта на другой переставил и вперед. Народ-то не нарадуется. Раньше дак как? На парходах, самоходных баржах добирались. А здесь, на южном берегу, морской театр сложный. Мели, карги да банки. Пассажиров к судам на карбасах и моторках подвозили. Морока. А ежели ветерок, скажем, шелонник дунет? Судно ждать не будет, себе дороже. «Аннушка» – большой прогресс: час – и ты в Архангельске. Да, вот еще что. На аэродроме в Снежнице вас встретит Егорыч – Степан Егорович Белозеров, он за избой Трапезникова приглядывает, живет в ней. Изба-то без жильцов быстро сгниёт. Игорь Федорович своих корней не теряет, каждое лето в Снежницу поспеиват. Хоть и ненадолго. Все работа проклятушая. А ведь всех денег-то не заработаешь, только сгоришь и истаешь. Трапезников в Снежнице человек уважаемый, спонсор, как теперь говорят, на свои средства церковь Петра и Павла возвел. Батюшка иеромонах Антоний в ней нынче служит. Народ к нему потянулся, молодежь на проповеди ходит.

– А сколько в Снежнице населения?

– Зимой человек двести. Летом больше, туристы эти...

Через полчаса объявили посадку. Пассажиры неспешно расселись в автобусе, с ним, Серёгиным, выходило двенадцать человек. «Аннушка» вид имела праздничный и ненадежный, что-то вроде музейного экспоната. Из дверцы выглянул пилот, совсем мальчишка, в белой рубашке с галстуком, стал принимать поклажу и рассаживать

пассажиров. Серегин поднялся на борт последним, ему досталась скамеечка у самой дверцы.

– Прошу пристегнуть ремни, а то ведь может и болтануть, – ломким голосом возвестил пилот и улыбнулся, обнажив младенчески розовые дёсны.

Биплан как-то незаметно оторвался от бетонки и стал набирать высоту. Впрочем, высота относительная – всё видно чётко, с подробностями: леса, рассеченные дорогами, многочисленные озера, рыжие, напоминающие пахоту болотные хляби. И все пространство вокруг было заполнено серебристым светом, водная гладь отражала небо, а от россыпи изб и хозяйственных построек на берегу веяло древностью, первобытностью. Вот такой Серёгина и встретила Снежница. «Аннушка», старчески заворчав, села на скошенный луг, двигатель вырубил, погас свист лопасти винта, и наступила тишина, какой Серёгин, дитя мегаполиса, никогда не слышал. Показалось, что деревню с её окрестностями накрыло гигантским прозрачным колпаком, чтобы не проникали сторонние звуки.

3

Самолёт встречали человек тридцать. Одни прилетели, другие собирались улететь в Архангельск. Видно, прилет самолета в Снежницу – событие. Среди людей носились собаки. Неподалеку от бревенчатого здания аэропорта стоял странный автомобильчик, уменьшенная копия боевой машины пехоты на шести колесах с открытым верхом. От автомобиля к Серёгину косяком шел бородатый старик.

– Ну-ну! – загромыхал он баском. – По одежде вижу: не наш, не деревенский и не из туристов. Значит, Денис Николаевич, свет Серёгин. Мне уж обзвонились, разве что губернатор указания не дал. А мы без указаний друзей привечаем дак. Сумки кинь в кузовок да садись рядышком. С погодкой тебе повезло, дождик брызнул, а потом солнышко. Радуга была – давно не наблюдал. Видать, Господь тебя отметил. Садись, что стоишь. Сейчас с ветерком помчимся, только держись. Величать меня Степан Егорович, лучше попросту – Егорыч.

Серегин с любопытством оглядел вездеход. Вместо баранки руль, как у мотоцикла, управление – проще некуда, и всё с умом. Машина, скорее всего, американская и, возможно, военная.

Степан Егорович так лихо рванул с места, что Серегин едва язык не прикусил. Справа, за оконечностью взлетно-посадочной полосы вспучился холм, поросший смешанным

подлеском, мелькнул дом, выкрашенный в салатный цвет, видно, школа или что-то в этом роде, затем по обе стороны деревенской улицы пошли избы на высоких фундаментах, одноэтажные и двухэтажные, а море блестело, стоял штиль. Слева проплыла церковка, небольшая, радостная, выкрашенная в разные цвета, да и избы были двух – а то и трехцветные, нижний этаж зеленый и желтый, а верхний – красный. Вездеход рыкнул и остановился у штакетника. За палисадником с кустами смородины возвышался домина, чудо поморской архитектуры, с пристройками, большими и малыми оконцами, высоким крыльцом.

– Вот мы и дома, Николаич! – Старик легко, не по-стариковски, взошёл по крутым ступенькам, распахнул дверь в застекленные сени, дальше – ещё лестница, автоматом зажглась лампочка, высветив просторный коридор.

– Помещу я тебя в светёлку, как велено. Удобства по коридору налево третья дверь, там все, как в городе. Заходи, только голову береги, проем двери низок для сохранения тепла, с непривычки можно и лоб расшибить. Устраивайся, а уж потом завтракать будем.

– Спасибо, Егорыч. Я в Архангельске завтракал.

– Ну и ладненько. С обеда начнем. У меня уха из озёрной рыбы своего улова... Это я тебе скажу... Да под водочку... А пока сходи погуляй. Я тебе одежду подобрал, все новое. – Старик остро глянул на Серёгина и неожиданно спросил:

– Слышь, а ты часом не болен? Вид у тебя смурной.

– Так... Устал немного.

Светёлка Серегину глянулась. Три окна, и все на море, из мебели – стенка под орех, две старинные кровати с шарами на спинках, крепкий, срубленный на столетия стол, на стенах с веселыми обоями фотографии стариков и старух, в углу темная икона с ликом Николая Чудотворца. Сквозь кисею занавески виден был двор с огородом, серыми хозяйственными постройками, у штакетника, отделяющего двор от прибрежной полосы, справа от калитки тускло отсвечивала надувная резиновая лодка.

Денис распаковал сумки, достал новый норвежский свитер, купленный в Осло, бросил на кровать – нужно подарить старику, у него свитер штопанный. Переделся в охотничий костюм, натянул удобные легкие берцы. Во дворе пахло зелению, смородиновым листом. Солнце тянулось к зениту, высвечивая ярко раскрашенные избы, а море осталось прежним, неподвижным, угрюмым, даже скорые чайки

не оживляли его. Увязая в песке, Серёгин пошел вдоль уреза воды, начинался отлив, пласты ламинарий издавали сладковатый лекарственный запах. Рыбачьи килеватые лодки замерли на берегу, принайтованные канатами к обрезкам брёвен, вкопанных торчком в песок, на бревнах – гладкие, обтесанные рукоятки. Такими вот ручными лебёдками, должно быть, и сто и двести лет назад поморы выволакивали на берег свои тяжёлые лодки.

Денис сел на выброшенный морем ящик и долго сидел, глядя на море, на чаек, что кружили над сетями, натянутыми на четыре кола. Мыс изгибался, образуя залив, за ним в сизой дымке проступала земля, вроде как остров. Тишина давила.

«Зачем я здесь?», – подумал Серёгин, ощущая знобкий страх оттого, что, как ему показалось, кто-то смотрит ему в спину, обернулся: у покосившегося забора в инвалидной коляске сидел старик в кожанке, седая, с прозеленью борода кольцами лежала на груди, жёлтое, в глубоких морщинах лицо было неподвижно, а глаза, ястребиные, зоркие, глядели прямо на Дениса.

– Уж не гость ли ты Трапезникова, паренек? – сипло спросил старик.

– Гость.

– Это хорошо. Погуляй, погуляй... А лучше вертайся в избу да водки выпей, тоска-кручина да болезнь и отойдут.

«Они что, здесь все колдуны, что ли? И дед про болезнь», – подумал Денис, шагая к избе Трапезникова. Гулять расхотелось. И пока шел, чувствовал взгляд старика, будто тот пальцем ему в спину уперся. А в просторной кухне с небольшим оконцем был уже накрыт стол: семга, нарезанная крупными пластинами, винегрет, жареная рыба под зеленью, грибы и картошка.

– Ко времени ты, Николаич, ко времени... Уха-то подходит. Выпьем, закусим, и в самый раз будет, – ласково сказал Егорыч. – Я магазинной водки не потребляю, из нефти её цедают, поганцы, народ травят, я свою гоню да на клюкве настаиваю. Ум не пропьёшь, да и голова не болит.

Выпили, закусили, помолчали. Серегин, перебивая страх, испытанный там, на берегу моря, спросил:

– Я старика видел в инвалидной коляске. Кто это?

– А-а, то Зосима. Зверобой. Вскоре после войны под лед провалился, ноги отморозил. Ему их и отняли.

– Да у него вроде как ноги есть.

– Не-е, то он култышки в валенки сунул

– Как же он живёт?

– За ним невестка ходит. Сына-то море взяло. А старик особый – фокусник.

– Это как?

– Взглядом коробок спичек по столу движет. Вот те крест, сам видел. Лучший в деревне столяр был. Бывалоча, протезы водрузит и к верстаку. Тем и жил. Сейчас стар стал, не ходит.

– Как вообще вы здесь живете?

– А хорошо живем. По-божески... Не то что в городе-то. Три года назад со старухой продали свою избу да переехали к сыну в Архангельск, и на тебе, с невесткой не ужились. Всё ей ни так и ни эдак. Хотели вернуться в Снежницу, а куда? Денежки-то утекли. Вот тут-то Игорь Фёдорович и поселил нас в своей избе, комнат там немеряно. Две баньки, лодки да эта финская тарахтелка, по болотам скачет, а ежели на транец подвесной мотор укрепить – и вообще крейсер. Вот мы и ожили. А тут беда, Настасьюшка, – Егорыч всхлипнул, – как в родную деревню вернулась, вскоре и отошла. Не-е-т, родные места покидать нельзя, где жил, там и помирай.

– Вы совсем один?

– Как же такое? Я ить в деревне живу, кажный, кто мимо идет, всяко заглянет, без стакана воды не оставит. Это в городе вы соседей не знаете, а у нас тут все – родня.

– Зимой тоскливо, наверное?

– За работой, какая тоска? Дело-то всегда найдётся. Давай Настасьюшку помянем, хорошая старуха была. А уж в молодости... Наравне с мужиками на тоне ворочала да на зверобойке. Хорошо жили. Давай, не чокайся... Царствие ей небесное. Когда мне поговорить прижмет, я на погост иду и с ней советуюсь...

После третьего стаканчика Серегин вдруг опьянел, язык поплыл, в сон его потянуло.

Егорыч с тревогой глянул на него:

– Ты пойдешь, вздремни, Николаич. С устатку, видать, повело. Приляг в светелке-то, а я баньку по-черному приготовлю. Душу тебе лечить надобно, вот что.

Спал Серёгин не более часа, проснулся, сел на кровати, озираясь, отдернул занавеску, глянул в окно: море и небо были одного цвета, стального, горизонт исчез, казалось, и дом, и хозяйственные постройки замерли на краю обрыва. За ним – пустота. Схватил морской бинокль, лежащий на столе, глянул – оптика только усилила жутковатое впечатление. И тут его обдало холодом: по краю обрыва рывками, подскакивая на черных пластинах водорослей, катил Зосима и в его сгорбленной фигуре, была какая-то необъяснимая целеустремленность. Ветерок трепал его бороду. С того момента, как самолет сел на скошенный луг, Серегин перестал думать о своих бедах. Следственный

изолятор с его тоской, мерзкими запахами, предательство Марины – всё отошло, сгнуло под влиянием новых впечатлений, а тут вновь накатило. День еще не кончился, а ему казалось, что он живет в Снежнице уже давно – месяцы, годы.

Зосима на коляске исчез. А пустота за окном звала, манила. И Денис впервые за свои сорок пять лет впервые подумал о смерти, она представилась ему вот такой же голубоватой пустошью, за которой ничего нет. Ничего.

Путаясь в рукавах и брючинах, Серёгин торопливо оделся, вышел во двор. В небе скользили чайки, с севера надвигалась туча. В голове было ясно, будто и не пил ничего, подпер дверь колом – замков в деревне ни у кого не было – и пошёл пройтись. За ним тут же увязались две собаки и, виляя хвостами, повели его, точно знали, куда он идёт.

В этот предвечерний час люди, сделав домашние дела, шли в центр деревни, кто в магазин, кто в клуб, где, судя по афишке на столбе, должен состояться концерт художественной самодеятельности. И были все они светловолосые, голубоглазые, приветливо здоровались с Серёгиным, как со старым знакомцем. Деревня лежала в низине, прикрытая от северо-западных ветров холмом, огражденным по гребню высоким плетнем. Оттуда из-за холма полыхало, било закатное зарево, на фоне которого вдруг возникли черные силуэты лошадей – целый табун. Казалось, они несутся не по гребню холма, а по небу. И оттуда, с неба, слышалось ржание лошадей. Серёгин замер, провожая табун взглядом. А мимо шли и шли деревенские жители, мужчины, женщины, дети и все с улыбкой кланялись ему.

«Господи, да что это за люди, – потрясённо подумал Денис, – а может, это пришельцы, инопланетяне? Или люди, забытые посреди веков, как пишут в фантастических романах? Живут без суеты, просто и чисто. На кой черт им гарнитуры за сто пятьдесят тысяч евро? Или последняя модель «Мерседеса» с откидным верхом? Зачем? Здесь, на холодных берегах холодного моря, люди продолжают жить по Христовым заповедям. Подумать только, деревня не знает замков. Если дверь подперта колом, значит, хозяина нет дома, и никто ничего не возьмет. В деревне слышно ржание лошадей. Бред, паранойя. А может, это он, Серёгин, пришелец с другой планеты? За горами и лесами, одышливо вздыхая, крутится планета, на которой иная жизнь, там люди равнодушны друг к другу, их главная цель – деньги. На той планете любовники подкладывают в автомобили бомбы, жены са-

жают мужей в тюрьму, любовь подменена механическим актом, а дети с сорванными тормозами легко убивают родителей. А он, Денис Серёгин, разве не так жил? Жил, не задумываясь о последствиях, даже ходил в церковь, ставил у образов свечи, не веря в Бога, так, стоял с пустой душой, отдавая дань моде, еще одной тусовке. И скорее всего, так и будет жить дальше...

4

– Ну что, погулял? – спросил Степан Егорович. – А клюковка-то, тю-тю, выветрилась. И голова не болит. А теперь банька... В обычной бане попарился, хорошо, да и только. А вот хмару с души снять можно лишь в старинной бане, бане по-чёрному, вроде как беса из себя изгоняешь. Вышел из баньки, поцеловал образ и спать, а поутру встал другим человеком. Обновлённым. Нынче по-черному редко кто парится, умельцев натопить да подготовить баню – единицы. Старые-то померли, а молодым не интересно. А готовить баню с головой нужно, да помолясь, а то угоришь. В былые времена бабы только в банях по-черному и рожали. Остуженных, дак. Дитя и роженицы здоровенькие, никаких инфекций. Учёные подтвердили – факт. Это ныне рожать в Архангельск летают, а то и в Москву, а нет вспомнить дедовский опыт. Да-а. Ты давай-ка собирайся, милок. Банька в самый раз. У тебя на душе тяжесть враз отойдёт, рассосётся. А завтрава сходи в церкву, Антоний служить будет, постой, послушай. Ну, иди, Христос с тобой.

Уже легли сумерки, и лишь над морем догорал закат. Стоял отлив, море пошло полосами – светлые, где проступали карги да отмели, темные – над приглубым местом. Баня была темна, только в оконце дрожал свет, будто глаз помаргивал, и казалось, она живёт, вроде некоего существа, и прежде чем распахнуть тяжелую дверь, Серёгин помимо воли перекрестился. Тусклая электрическая лампочка была единственным предметом нынешнего времени. В этом древнем капище стены были черны, а полки отмыты, выскоблены и, казалось, светились в сумраке. Живое, ароматное, как травяной настой, тепло приняло Дениса, и он впервые за многие трудные месяцы вздохнул полной грудью. И мыло, и берёзовые веники – всё было припасено, но Серёгин лишь окатил себя ледяной водой и лег на полок, вбирая в себя целебное тепло, чувствуя, как отпускает боль внутри. И ему показалось, что баня тронулась с места и тихо поплыла по штилевому, мерцающему морю.

По следам экспедиции Амундсена

Начну с пояснения для читателей столь уважаемого журнала как «Мир Севера», что судебная медицина — это наука, изучающая вопросы медицинского и биологического характера, которые возникают в практической деятельности органов следствия и суда. Но встречаются ситуации, когда не следователь или судья обращается за помощью к судебным медикам. Такие ситуации не так уж часты, за ними, как правило, стоят события прошлого, иной раз они связаны с увлекательным историческим, археологическим, научным или литературным поиском. «Загадки, гипотезы, поиски доказательств, неожиданные препятствия, пафос открытия — всё это может составить увлекательный сюжет независимо от того, в какой области науки ведётся исследование». Эти слова Ираклия Андроникова в определённой мере относятся и к этому материалу, рассказывающему о малоизвестных страницах, связанных с полярной экспедицией великого исследователя Севера Руаля Амундсена.

В здании Российского центра судебной медицины, расположенного в центре Москвы трудятся не рядовые судебные медики, а наиболее квалифицированные из них — доктора и кандидаты наук, ставшие видными специалистами в тех разделах науки, которым они посвятили свою жизнь.

Именно сюда летом 1983 года (тогда Центральный научно-исследовательский институт судебной медицины) привезли для исследования не совсем обычные объекты, запакованные в картонную коробку, перевязанную шпагатом, с фиолетовым оттиском печати: «Исполком Диксонского районного совета народных депутатов Таймырского автономного округа». А через несколько месяцев — 30 декабря 1983 года была поставлена точка в акте судебно-медицинской экспертизы № 1036. Закончилось скрупулёзное, кропотливое исследование, приоткрывшее тайну одного из самых драматических событий, случившихся несколько десятилетий назад в Арктике.

Мой близкий товарищ, заведующий медико-криминалистическим отделом Института, доктор медицинских наук Виктор Звягин познакомил меня с заключением редкой экспертизы. Оно занимало 41 страницу машинописного текста, не считая графиков, схем, таблиц и 29 фотоснимков. В те годы да и сейчас Виктор Николаевич занимается сложным разделом медицины — судебно-медицинской остеологией (остеология — наука изучающая строение костной ткани).

— Начало этой истории уходит к 1918 году, когда знаменитый полярный исследователь норвежец Руаль Амундсен на шхуне «Мод» задумал добраться до Северного полюса, — рассказывает Виктор Николаевич. Он берёт с полки географический атлас, открывает его. Палец упирается в Северный Ледовитый океан рядом с Новосибирскими островами и медленно движется вверх к Полюсу. — Норвежец решил дойти до Чукотского моря, вмерзнуть в лёд, затем, покинув судно, попытаться на собачьих упряжках достигнуть цели. Дерзкий, исполненный великого мужества план...

Биография Амундсена свидетельствует, что к 1918 году он стал всемирно известной личностью. За его плечами было несколько полярных экспедиций. В 1911 году он первый из людей достиг Южного полюса. Плавание на корабле «Мод» стало его очередным дальним маршрутом. Но Арктика внесла в его планы свои коррективы.

Шхуна вмерзает в лёд неподалёку от мыса Челюскин. Надвигается зима. Немногочисленный экипаж Амундсена, состоящий из опытных людей, не теряя времени, приступает к астрономическим и метеорологическим исследованиям. Накапливается ценнейший научный материал, сам Амундсен пишет книгу об экспедиции. Однако впереди долгий полярный дрейф и полная неизвестность.

С наступлением полярного дня, весной 1919

года, Амундсен решает отправить в Норвегию собранные материалы, почту, сообщение о положении корабля и свои дальнейшие планы. Ближайшая точка, откуда можно передать радиограмму, – остров Диксон.

«Путь туда, около 900 километров, безусловно, самый безопасный и, вероятно, может быть проделан в относительно короткое время. Путь на Диксон я считаю самым безопасным ввиду того, что на этом расстоянии имеются три склада». Эти слова Амундсена из книги «Моя жизнь» свидетельствуют о том, что он тщательно продумал детали будущего перехода. Но посланцы руководителя экспедиции Пауль Кнутсен и Питер Тессем до места назначения не дошли...

II

В любой экспертизе, проводимой судебными медиками, есть вводный раздел – «Обстоятельства дела». Именно на обстоятельствах случившегося базируются исследования. Это, образно говоря, фундамент на котором строится экспертиза. По экспертизе № 1036 обстоятельства дела заняли семь страниц машинописного текста.

Приведу выдержку из отношения отдела науки журнала «Вокруг света» на имя руководства Института судебной медицины: «Осенью 1919 года Пауль Кнутсен (1889 г. р.) и Питер Тессем (1875 г.р.) – члены норвежской полярной экспедиции Руаля Амундсена на судне «Мод» вдоль Северного морского пути – должны были доставить почту и научные материалы с места зимовки судна у восточного побережья п-ова Таймыр на радиостанцию Диксон. Один из участников этого похода пропал без вести, а другой погиб в трёх километрах от полярной станции п-ова Диксон. Останки погибшего (скелет человека) в 1922 году нашла экспедиция Н.Н. Урванцева, но никаких документов, удостоверяющих его личность, не обнаружила. Были найдены только часы с дарственной надписью Тессему и у пояса на ремешке – обручальное кольцо с надписью на норвежском языке «Твоя Паулина» (жена Тессема). Исходя из этих находок, было решено, что погибший и есть Тессем. Норвежские и некоторые советские исследователи Арктики впоследствии неоднократно высказывали обоснованное сомнение в том, что возле Диксона погиб именно Тессем...»

Трагедия, случившаяся с двумя норвежцами, уже многие годы привлекает внимание полярных историков и исследователей, географов, криминалистов. Однако, прежде чем перейти к сути экспертизы, вернёмся на несколько десятилетий назад, чтобы объяснить по возможности обстоятельства дела, и раскрыть скобки над сухим текстом отношения.

Летом 1920 года из Норвегии на поиски пропавших вышла шхуна «Хеймен» во главе с капитаном Якобсеном. Корабль дошёл до Диксона, двинулся дальше, но был остановлен тяжёлыми льдами. Тогда-то норвежцы обратились к советскому правительству с просьбой о помощи.

Выбор, павший на знатока Таймыра Никифора Бегичева, не был случайным. Русский моряк, полярный путешественник, он ещё в 1900–1902 годах участвовал в знаменитой полярной экспедиции Э.В. Толля. В июле 1921 года

Бегичев со своими товарищами и норвежцы с «Хеймена» Л.Якобсен и А.Карлсен дошли на оленьих упряжках до мыса Вильда. Тут их ждала неожиданная находка: в консервной банке была обнаружена записка Кнутсена и Тессема на бланке экспедиции: «Два человека экспедиции «Мод», путешествуя с собаками и санями, прибыли сюда 10 ноября 1919 года. Мы нашли склад провизии, сложенный в этом месте, в разбросанном состоянии... Мы продвинули склад припасов дальше на берег, приблизительно на 25 ярдов, и пополнили наши запасы провизии на 20 дней. У нас всё в порядке, и мы собираемся уходить в порт Диксон сегодня. Ноябрь 15-го, 1919 г. Питер Л.Тессем, Пауль Кнутсен».

Экспедиция, находившаяся на верном пути, продолжала поиски. Через две недели, 10 августа, Бегичев, продвигаясь вдоль побережья, на мысе Земляном обнаружил следы стоянки и большого костра. Среди найденных предметов – два ножа, множество пряжек от одежды, гвозди, сломанные очки, несколько стреляных гильз, обгоревшие кости. «Мы заключили, – пишет в дневнике Н.Бегичев, – что это кости погибшего спутника Амундсена, т.е. одного из тех, которых разыскиваем. Полагаем, что во время путешествия пешком в тёмную пору и при таких морозах и пургах они сбились с пути... Один из них умер, а другой товарищ его, ввиду того что похоронить его не было никакой возможности, дабы не растаскали труп звери, видимо, сжёг его на костре».

Останки Бегичев со своими спутниками захоронили, поставив на месте стоянки опознавательный знак. Все найденные предметы они захватили с собой и вернулись на Диксон.

Следующим летом, в 1922 году, молодой полярный исследователь и геолог Н.Н. Урванцев вместе с четырьмя спутниками, среди которых в качестве проводника был и неуёмный Бегичев, решил пройти на лодке по реке Пясине. Девятого августа, следуя вдоль берега, они обнаружили в 90 километрах от Диксона разорванные записные книжки, тетради и документы на английском языке. Неподалеку от этого места в куче плавника экспедиция нашла два пакета, зашитых в непромокаемую материю. На одном была надпись: «Господину Леону Амундсену, Христиания. Почта, рукописи, фотографии, карты, зарисовки».

Кроме пакетов были найдены и другие предметы: русские и норвежские деньги, документы Тессема, визитные карточки Р.Амундсена, испорченные компас и теодолит, мелкие вещи. Через три дня к найденному добавились две пары норвежских лыж фирмы «Хаген» и обрывки спального мешка. 1 сентября 1922 года сделана последняя, самая главная находка: всего в трёх километрах от Диксона были обнаружены останки человека – вероятно, одного из норвежцев.

Вот как описывает это событие в своём дневнике Н.Н. Урванцев: «Человек лежал на высоком берегу метрах в четырёх от воды, был одет в две егерские фуфайки, синюю фланелевую рубашку с карманами. Всё заправлено в меховые штаны, стянутые кожаным корсажем, пришитым к штанам. Шапки на голове нет. На правой ноге – остатки меховой обуви из нерпы... В карманах фланеле-

вой рубашки были найдены патроны к винтовке, коробка спичек, перочинный нож и маленькие ножницы. Документов не было. Около пояса лежали металлические часы карманного размера. На ремешке у пояса висели свисток и обручальное кольцо с гравировкой на внутренней стороне: «Твоя Паулина». Ни лыж, ни винтовки поблизости не оказалось. Погибший лежал навзничь на земле, но сразу под его ногами уже шёл гладкий каменный склон. Руки были вытянуты вдоль тела, левая нога прямая, правая немного согнута».

Как Урванцев, так и другие исследователи, а различных догадок высказывалось множество, полагали, что поначалу путь Тессема и Кнутсена с упряжкой из пяти собак шел без особых осложнений. Но после того как был пройден мыс Вильда, начались неприятности. Что-то случается с Кнутсеном, он умирает. И Тессем сжигает тело погибшего товарища. Сам он продолжает идти один в тяжелейших условиях полярной ночи. Затем, вероятно, заболевают и погибают собаки. Тессем обеспечивает сохранность почты, предполагая вернуться за ней, и, собрав последние силы, начинает заключительный, самый тяжёлый отрезок пути. Лыжи ему теперь вряд ли нужны, так как движение по прибрежной полосе затруднено мелкими реками и ручьями. Он оставляет их в избушке вместе со спальным мешком. До Диксона ему остаётся идти всего три километра, наверное, он уже видит огни станции, высокую мачту... Тессем торопится. На каменном ровном склоне его подводят сапоги с гладкой подошвой, изготовленные из шерсти нерпы. Поскользнувшись, он падает и получает травму головы, возможно, сотрясение мозга. Для обессиленного тяжёлым переходом человека этого

вполне достаточно. Оказавшись в беспомощном, не исключено – бессознательном состоянии, он либо замерзает, либо умирает от травмы.

Останки погибшего, по свидетельству Урванцева, были положены в ящик, обложены камнями и захоронены на невысоком холме. Рядом поставили столб с памятной доской. В 1924 году матросы с норвежского судна «Веслекар» добавили к столбу деревянный крест. В 1958 году останки перенесли на верх мыса, и над могилой был воздвигнут скромный памятник в виде цельной гранитной глыбы с надписью на русском и норвежском языках: «Тессем. Норвежский моряк, член экспедиции «Мод». Погиб в 1920 г.».

III

– Большинство исследователей и историков Арктики считали, что до полярной станции не дошёл именно Тессем, – комментирует эти события Виктор Николаевич Звягин. – Однако, как уже случилось не раз в подобных ситуациях, у них нашлись оппоненты, высказавшие свою точку зрения.

В.Н. Звягин показал мне перевод статьи из норвежской биографической энциклопедии о Тессеме, написанной в 1969 году известным норвежским учёным С.Рихтером. Автор, используя дневники Н.Н. Урванцева, в частности, пишет: «Поскольку кольцо принадлежало Тессему, русские дали заключение, что погиб он. Но кольцо висело на поясе. Кажется маловероятным, чтобы Тессем снял обручальное кольцо и поместил его таким образом. Более

Питер Тессем

Пауль Кнутсен

вероятным представлялся бы такой ход событий: Тессем умер около мыса Приметного, а его товарищ снял с него кольцо и повесил себе на пояс, чтобы вместе с часами вернуть семье умершего. В таком случае тот, кто в одиночестве с трудом добрался до пролива и у самой цели встретил смерть, – Кнутсен...»

– Версия Рихтера подкреплялась двумя важными обстоятельствами, – продолжал Виктор Николаевич. – Давним норвежским обычаем, согласно которому обручальное кольцо никогда не снимается с руки живого человека, и тем, что Тессем оставил в складе у реки вместе с почтой свои личные документы. Иными словами, норвежский учёный «поменял» местами обгоревшие останки, найденные Н.Бегичевым, и те, что обнаружила годом спустя экспедиция Н.Н. Урванцева.

После опубликования статьи С.Рихтера прошло несколько лет. Трагическая судьба Пауля Кнутсена и Питера Тессема по-прежнему продолжала волновать исследователей. Серьёзный вклад в разгадку тайны внесли в 1973 году члены пятой научно-спортивной экспедиции «Комсомольская правда», во главе с Дмитрием Шпаро. В 1982 году вышла прекрасно иллюстрированная книга Д.Шпаро и А.Шумилова «Три загадки Арктики», в которой авторы возвращаются к версиям о погибших норвежцах. Одна из глав названа предельно конкретно: «Как мы искали могилу Кнутсена в 1973 году».

«Перед отлётом в Арктику мы побывали в Ленинграде у гидрографа В.А. Троицкого, много лет проработавшего на Диксоне, – пишут Д.Шпаро и А.Шумилов. – Владилен Александрович высказал в разговоре мнение, которое показалось нам почти кошунственным: «Я думаю, что могила Кнутсена находится не на мысе Приметный, а значительно западнее – на косе между морем и озером Заливное. Я думаю, Бегичев просто ошибся».

Д.Шпаро и его товарищи нашли место, описанное Бегичевым, – остатки кострища и несколько мелких костей. Однако результат анализа, проведённого позднее в Москве, был категоричен: кости не принадлежат человеку. Ничего существенного не удалось обнаружить и западнее этого места.

Между тем ещё Н.Н. Урванцев в дневниковых записях, а позднее в книге «Таймыр – край мой Северный» высказал мысль, что Никифор Бегичев 10 августа 1921 года нашёл не стоянку норвежцев, а следы исчезнувшей в 1912 году полярной экспедиции В.А. Русанова, дрейфовавшей в восточной части Карского моря на судне «Геркулес».

Вернувшись из Арктики в 1974 году, Д.Шпаро тщательно проанализировал предметы, найденные Бегичевым. Подробное описание их, к счастью, сохранилось в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР, а у ветерана полярной авиации М.И. Шевелёва среди множества фотографий нашёлся редкий, уникальный снимок этих предметов. Это описание и снимок сравнивались с предметами, принадлежавшими экспедиции Русанова, – они хранятся в Ленинградском музее Арктики и Антарктики (следы пребывания экспедиции Русанова на островах в Карском море были обнаружены в 1934 году). Среди этих предметов – медные патроны от винтовки, французская монета, охотничьи патроны, металлические пуговицы, различные пряжки и крючки от одежды. Размеры, форма, способ изготовления, другие признаки многих вещей совпали.

С другой стороны, отдельные предметы казались абсолютно ненужными в условиях ночного перехода Тессема и Кнутсена (стекла от дымчатых очков, лодочный багор,

используемый при движении на собачьей упряжке, и т.п.). Вот заключительный абзац седьмой главы книги Д.Шпаро и В.Шумилова (глава называется «Норвежские моряки или экипаж «Геркулеса?»): «Подведём итог: Н.А. Бегичев и Л.Якобсен обнаружили в 1921 году не могилу Кнутсена, как считалось до самого последнего времени, а лагерь русановцев... Хочется надеяться, что дальнейшие поиски и в таймырской тундре, и в тихих залах отечественных архивов, и в Норвегии окончательно прояснят историю героического путешествия Питера Тессема и Пауля Кнутсена. Героического путешествия и трагической смерти».

IV

Теперь самое время вернуться к картонной коробке, доставленной в Институт судебной медицины с Диксона. В ней под несколькими слоями бумаги, тщательно обложенные ватой, находились останки скелета человека: череп с нижней челюстью, кости верхних и нижних конечностей, позвоночный столб, таз, ключицы, лопатки, ребра.

Прежде чем попасть в институт, эти объекты проделали длинный и сложный путь. В середине июня 1983 года представительная комиссия, в которую входили В.Н. Звягин, действительный член географического общества СССР Д.А. Алексеев и заслуженный юрист РСФСР, прокурор-криминалист Б.А. Пискарёв, в присутствии зампреда исполкома Диксонского райсовета В.Д. Лещенкова, в соответствии с официальным письмом Норвежского института полярных исследований произвела эксгумацию останков, захороненных в 1922 году экспедицией Н.Н. Урванцева, с последующим перезахоронением в 1958 году.

Судебным медикам теперь уже с помощью апробированных научных методик предстояло ответить на вопрос многолетней давности: чьи это останки – Тессема или Кнутсена?

Ныне исследование останков производится экспертами в целях определения расы, возраста, пола, роста человека (если лицо, которому они принадлежали, неизвестно), а также для отождествления личности, то есть установления конкретного лица. По изменению костей можно также ориентировочно определить, какими заболеваниями страдал человек, были ли у него травмы и повреждения, а по черепу и прижизненным фотографиям произвести сложную идентификационную медико-криминалистическую экспертизу методом фотосовмещения. Наконец, по черепу эксперт может вместе со скульптором и художником по методу профессора М.М. Герасимова воссоздать черты лица неизвестного.

В судебно-медицинской практике и литературе есть примеры, свидетельствующие о том, что экспертам доводилось иметь дело с весьма давними захоронениями. Так, в 1968 году специальная комиссия Института судебной медицины исследовала останки царя Ивана IV – Грозного (1530–1584), его сыновей – царевича Ивана (1554–1584) и царя Фёдора (1557–1598), а так же князя Михаила Скопина-Шуйского (1586–1610) – все они были захоронены в Архангельском соборе Московского Кремля.

Заведующая кафедрой судебной медицины Горьковского медицинского института профессор А.П. Загрядская рассказывала мне о перезахоронении и исследовании останков Кузьмы Минина, которые ныне покоятся на территории Нижегородского Кремля. Доктор

медицинских наук А.Ф. Рубежанский, директор Днепропетровского исторического музея А.Ф. Ватченко и Л.П. Крылова в журнале «Судебно-медицинская экспертиза» сообщили об исследовании останков кошевого атамана Запорожской Сечи Ивана Дмитриевича Сирко, умершего в преклонном возрасте в 1680 году. Оно производилось ввиду необходимости перезахоронения: на Днепре велись ирригационные работы, и могила оказалась под угрозой разрушения.

Более четверти века назад, когда в 91-м году под Екатеринбургом обнаружили останки императорской семьи, В.Звягин вошёл в состав Правительственной судебно-медицинскую комиссию по их идентификации. В работе над «Экспертизой века» москвичам помогала вся Россия – эксперты Екатеринбурга, Воронежа, Санкт-Петербурга, Саратова. Высокий класс российской судебной медицины в дальнейшем был подтверждён при контрольных исследованиях экспертами – учёными из США, Англии, Японии, Германии.

– Я был счастлив, вспоминает Виктор Николаевич, – что наши усилия не напрасны, радовался за тех, кто долгими вечерами, по ночам, трудились в лабораториях. Ведь долгих два года волею губернатора Э.Россея, останки не отдавали из Екатеринбурга. Судмедэксперты, мотались туда – сюда, сменив налаженный быт на гостиницы, поезда и самолеты. Ну а в 2007 году обнаружили предполагаемые останки ещё двух членов царской семьи – царевича Алексея и его сестры великой княжны Марии, которые тоже были идентифицированы.

Наконец, можно упомянуть об экспертизе костных останков великого князя Андрея Боголюбского – сына Юрия Долгорукого. Князь был убит в 1174 году в результате боярского заговора в селе Боголюбово, под Владимиром. Потом в Успенском соборе Владимира верующим несколько веков демонстрировались его «святые мощи». В 1935 году останки князя Андрея были исследованы в рентгено-антропологической лаборатории в Ленинграде, а по черепу профессор М.М. Герасимов воссоздал скульптурный портрет выдающейся личности русской истории. Последняя точка в исследованиях останков А. Боголюбского была поставлена в 2007 году опять-таки В.Звягиным, после того, как кости скелета князя были извлечены из усыпальницы Успенского собора во Владимире.

В.Звягин так прокомментировал их результаты:

– Если исходить из внешности Боголюбского по М. Герасимову, Михаил Михайлович во многом оказался прав. Но наука не стоит на месте. В его времена вообще не существовало методики определения расы по черепу. По расовым признакам череп Боголюбского относится не к монголоидной расе, а к чистому европеоиду. Внешне это был мужчина средне-европейского типа, ростом около 170–172 см, крепкого телосложения. Эдакий мужик из владимирской или ярославской губернии, который сейчас не привлекал бы внимания и его можно было бы встретить в любом людном месте...

Таким образом, уже в те годы, как и сейчас, российская судебная медицина накопила солидный научный потенциал, позволяющий правильно и квалифицированно исследовать костные останки любой категории сложности. Центром такого рода экспертиз ныне является медико-криминалистический отдел идентификации личности Российского центра судебной медицины, возглавляемый

В.Н. Звягиным.

В любой экспертизе не может быть мелочей, но особенно – если это экспертиза высшей категории сложности. А именно такой, скажем без преувеличения, была экспертиза № 1036, которую предстояло выполнить тогда молодому профессору В.Звягину и его коллегам – старшему научному сотруднику, кандидату медицинских наук В.И. Иванову и судмедэксперту отдела Э.И. Хомяковой. Все известные данные необходимо было проанализировать, изучить в строгой последовательности.

В частности, были известны некоторые биографические данные П.Кнутсена и П.Тессема. Сорокачетырёхлетний Питер Тессем считался опытным моряком, ещё в 1903–1905 гг. он участвовал в полярной экспедиции, пытавшейся от Земли Франца-Иосифа достичь Северного Полюса. Плотник по профессии, мастер на все руки, он, по свидетельству Р.Амундсена, проявил себя с самой лучшей стороны. Его спутнику Паулю Кнутсену к моменту начала плавания на «Мод» исполнилось тридцать лет. Он матросом ходил к берегам Америки и Африки, потом окончил штурманское училище. В 1915 году Кнутсен участвовал в поисках, пропавших без вести экспедиций В.А. Русанова и Г.Л. Брусилова на шхуне «Эклипс» под командованием Отто Свердруп. Был отличным пловцом и лыжником, во время дрейфа «Мод» совершил три санных путешествия.

В распоряжении экспертов оказались фотографии норвежцев: П.Тессема – датированные 1903–1905 и 1918–1919 гг., П. Кнутсена – 1918–1919 гг. Часть из них была представлена в СССР архивом Норвежского института полярных исследований.

В семидесятых годах заведующая лабораторией Института этнографии АН СССР, кандидат биологических наук Г.В. Лебединская и начальник отдела биологических и специальных исследований ВНИИ МВД СССР, доктор медицинских наук М.В. Кисин, по просьбе экспедиции «Комсомольской правды», произвели сравнительное исследование фотоснимков П.Кнутсена и П.Тессема и редкой

фотографии 1922 года, запечатлевшей останки неизвестного, обнаруженные Н.Н. Урванцевым. На фотографии особенно хорошо заметен череп. Вот какие выводы сделали ученые: «Представленные фотографии скелета и черепа не дают достаточной информации о признаках лица погибшего, однако позволяют ориентировочно судить об общей характеристике лба, скул и некоторых пропорций лицевого отдела... Сопоставление признаков лица погибшего, которые могут быть определены по имеющимся фотоснимкам черепа, с признаками, отображёнными на фотографиях Тессема и Кнутсена, позволяет высказать следующее предположение: погибший вряд ли мог быть Кнутсеном; не исключено, что им является Тессем... Более определённое решение вопроса о личности погибшего может быть достигнуто лишь непосредственным исследованием черепа и подлинников прижизненных фотоснимков Кнутсена и Тессема. Особенно существенные данные для идентификации личности погибшего могут быть почерпнуты из материалов, характеризующих стоматологический статус».

Итак, мнение двух ученых говорило в пользу П.Тессема. Но существовала и другая, противоположная точка зрения. Несколько лет спустя В.Н. Звягин также сравнивал фотопортреты норвежцев с изображением черепа неизвестного. Он пришёл к таким выводам:

1. «Возможность принадлежности костных останков П.Кнутсену не исключена.

2. Несоответствие ракурсов черепа и портрета П.Тессема исключает возможность сравнительного исследования.

3. Для полноценного судебно-медицинского заключения по данному факту требуется: а) исследование скелетированных останков неизвестного; б) наличие других прижизненных фотоизображений П.Кнутсена и П.Тессема, а также данных о их возрасте, росте и других физических особенностях».

После этого всем «заинтересованным лицам» стало понятно, что лишь исследование подлинных эксгумированных костей вместе с фотографиями поможет внести ясность в многочисленные версии и мнения, выдвигавшиеся отечественными и зарубежными учёными.

Нельзя не упомянуть ещё об одной экспертизе. В то время, когда исследовались останки, доставленные с Диксона в Москву, опытный криминалист из Магадана, Заслуженный юрист РСФСР Б.А. Пискарев и судмедэксперт Магаданского областного бюро, кандидат медицинских наук Г.С. Белобородов произвели анализ двух фотоснимков П.Тессема и П.Кнутсена. Волею обстоятельств, что случается весьма редко, снимки, сделанные летом 1918 года, запечатлели двух товарищей на шхуне «Мод» с одной точки. При этом прекрасно просматривались спасательный круг рядом с ними и около десятка досок палубного настила, что навело на мысль использовать эти предметы в качестве масштабных ориентиров для определения роста обоих норвежцев. Данные о диаметре круга (70 см) и ширине корабельной доски (12 см) были сообщены из эстонского морского музея. По способу прямых антропометрических измерений рост П.Тессема был определён криминалистом и медиком в пределах 158 см, а П.Кнутсена – 165 см.

В Москве в процессе исследования останков с точностью до долей миллиметра были измерены кости верхних и нижних конечностей. По их длине, исходя из совокупности табличных данных, полученных учёными, определили рост лица, которому принадлежали останки, – в пределах 156 сантиметров.

Куда более сложным оказалось установление возраста. Пока ещё в распоряжении медиков нет такого простого и надёжного метода, как, например, у ботаников. Общеизвестно, что по поперечному срезу ствола можно с точностью до года установить возраст дерева. А применительно к определению возраста человека существуют десятки методик, позволяющие экспертам решать этот вопрос лишь с какой-то долей вероятности. Общепринятой является точка зрения, что в основу решения этого вопроса должна ложиться комплексная оценка изменения костей, зубов и т.д. Исходя из такой оценки возраст останков, обнаруженных Н.Н. Урванцевым, укладывался в пределы сорока лет, с возможными отклонениями в сторону его завышения или занижения на пять лет.

V

Не так просто спустя многие годы собрать нужную и достоверную информацию о людях. Даже о таких известных личностях, как Кнутсен и Тессем, ставших в маленькой Норвегии национальными героями. И собирать пришлось по крупицам.

Через несколько лет после плавания на «Мод» вышла книга Р.Амундсена «Моя жизнь» (позднее она была переведена на десятки языков мира), в которой руководитель

экспедиции не мог не коснуться мотивов, побудивших его отпустить двух моряков в опасный многокилометровый путь. И почему именно их, а не других членов своего экипажа. Как свидетельствует Амундсен, П.Тессем «страдал хроническими головными болями и очень хотел вернуться на родину. Поэтому я, не задумываясь, отпустил его... Я даже обрадовался этой возможности отправить почту».

Спутником Тессема стал П.Кнутсен – отличный спортсмен, лыжник и пловец, обладавший опытом длительных санных переходов. Не исключено, что сам Амундсен, видя недомогания Питера, дал ему в спутники именно этого человека – молодого, сильного и выносливого.

Мемуары великого норвежца натолкнули В.Н. Звягина на дерзкую мысль искать на костях скелета неизвестного следы заболеваний. Если они действительно существуют, будет доказано, что останки принадлежат именно Тессему. Вот строки из заключения экспертов: «...свод черепа с наличием седловидной деформации, теменные кости позади венечного шва резко сужены, верхушечная область и теменные бугры резко выбухают. Отмечается истончение костей, лобные пазухи пневмотизированы слабо. Данные особенности являются характерными для стреловидно-птерионной формы краниостеноза (преждевременного зарастания черепных швов. – *Авт.*), возникающего в детстве, т.е. до окончания роста мозга, выражающегося деформацией черепа и симптоматикой повышенного внутричерепного давления. Заболевание обычно сопровождается хроническими головными болями».

Выявленная патология костей черепа объясняла такой важный клинический симптом, как постоянные головные боли у Тессема, о которых упоминал Амундсен. Серьёзные изменения были установлены и при изучении позвоночника. Так, последний (пятый по счёту) поясничный позвонок оказался сращённым с крестцом, а у краёв ряда позвонков имелись грубые разрастания костной ткани. При жизни такие недуги (по медицинской терминологии – сакрализация и спондилоартроз) обычно осложняются радикулитом, проявляющимся характерными приступами острой боли, ограничением движений в нижних конечностях и позвоночнике.

Определённую долю ценной информации дало исследование зубов. Оказалось, что шесть из них были удалены незадолго до смерти. На семи сохранившихся зубах имелись следы врачебных вмешательств по поводу запущенного кариеса с использованием серебряных амальгамовых пломб. Состояние зубного аппарата свидетельствовало, что покойный, по-видимому, страдал нарушением обмена веществ, возможно, авитаминозом. Наконец, была выявлена травма лица в виде перелома носовой кости и резкого искривления носовой перегородки. Это, несомненно, вызывало затруднение носового дыхания, особенно при значительной физической нагрузке, не могло не сказываться на здоровье в условиях Арктики, всегда предъявлявшей человеку жёсткие, экстремальные требования.

На одном из этапов исследования были проанализированы черты внешности П.Тессема и П.Кнутсена по имеющимся фотоснимкам и черепу неизвестного по так называемому методу словесного портрета, детально разработанному криминалистами. Вспомним, что Г.В. Лебединская и М.В. Кисин, а позднее В.Н. Звягин пытались использовать лишь фотоснимок черепа, найденного в 1922 году, что не позволило им прийти к твёрдым выводам. Теперь же имелись и фотоснимки норвежцев, и череп неизвестного. Это позволило экспертам произвести сравнение по

ряду важных деталей внешности, таких, как форма лица и выраженность его отдельных элементов – глаз, носа, губ, подбородка и т.п. Анализ по 29 основным признакам показал, что череп, доставленный с Диксона, обладал значительным сходством с фотоизображением Питера Тессема, тогда как принадлежность его Паулю Кнутсену полностью исключалась.

Ещё до того, как начал исследоваться череп, В.Н. Звягин обратил внимание на небольшой участок его, на котором вместе с грунтом сохранились частицы, напоминающие по внешнему виду остатки волос. Они были с предосторожностью изъяты, помещены в пакет из пергаментной бумаги и направлены в отдел по исследованию вещественных доказательств. Старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук Н.Н. Ачеркан выявила 15 обломков стержней волос, которые, судя по характеру отложения пигмента, принадлежали человеку с тёмно-русскими седеющими волосами. Это стало дополнительным «очком» в пользу Тессема. На фотографиях он выглядел темноволосым, тогда как молодой Кнутсен был ярко выраженным блондином.

VI

Последним звеном в установлении личности покойного явился результат анализа, проведённого методом фотосовмещения, разработанным в пятидесятых годах советскими судебными медиками. Суть метода состоит в том, что на негативах фотопортрета предполагаемого человека и представленного черепа, снятых в одном масштабе и ракурсе, размечаются основные опознавательные точки лица, затем изображения накладываются одно на другое и получают фотоизображение, на котором контуры черепа как бы «впечатаны» в овал лица (если точки совмещаются).

Я рассматриваю фотографию под номером 29. Заметно точное соответствие размеров черепа неизвестного и лица Питера Тессема, совпадение их по всем опознавательным точкам.

Окончательные выводы экспертизы заняли около трёх страниц машинописного текста. Приведу лишь краткие выдержки из заключения – итога напряжённого четырёхмесячного труда:

«1. Костные останки принадлежат мужчине центрально-европейского типа европеоидной расы, ростом 156 см, грациального (тонкого) телосложения, в вероятном возрасте на момент смерти 40±5 лет...»

2. Учитывая совпадение признаков расы, пола, возраста, роста, тональности волос, сходство словесного портрета и масштабное соответствие размерных характеристик черт лица П.Тессема (на фотоснимках), с аналогичными особенностями представленного черепа, а также принимая во внимание свидетельства Р.Амундсена о хронических головных болях П.Тессема... полагаем, что исследованные останки могли принадлежать Питеру Тессему, 44 лет».

Каких-либо серьёзных заболеваний, повреждений, могущих привести к смерти, на останках Тессема выявлено не было. Однако отсутствие костных повреждений не исключало возможности получения черепно-мозговой травмы в виде ушиба или сотрясения мозга после неожиданного падения с крутого склона. В этом аспекте версия, выдвинутая ещё Н.Н. Урванцевым в его дневниковых записях, весьма убедительна и ныне разделяется подавляющим большинством исследователей. Вполне вероят-

но, что трагическому финалу способствовало стечение целого ряда обстоятельств, прежде всего таких, как бессознательное состояние пострадавшего, изнуренного длительным переходом человека и крайне низкая температура (от – 27 до – 39 градусов по Цельсию). Предположение Н.Н. Урванцева нашло неожиданное подтверждение в результате проведенного в НИИ судебной медицины спектрального исследования. На правой половине лицевой части черепа и на костях правого предплечья были выявлены участки интенсивно-зелёного прокрашивания с повышенным содержанием меди. Это указывало на длительный контакт головы и правой руки лежавшего с предметами, в состав которых входит медь. Такими предметами были, вероятнее всего, медные гильзы от винтовочных патронов, выпавшие из карманов куртки при падении человека на оледеневший склон.

В апреле 1984 года, получив заключение советских экспертов, директор Норвежского института полярных исследований О.Рогне выразил глубокую признательность всем, кто участвовал в этой работе.

Летом того же года Д.А. Алексеев, В.Н. Звягин и Б.А. Пискарев опять отправились на Диксон. Целью новой экспедиции было перезахоронение останков П.Тессема, а также проверка версии о том, что Бегичев на мысе Земляной обнаружил останки П.Кнутсена. Вот что рассказывал потом Виктор Николаевич Звягин:

– На пустынном берегу мыса Земляной, куда нас доставил вертолёт, мы обнаружили следы от очень давнего костра, а на глубине под ними два обугленных костных фрагмента. Последующие лабораторные исследования показали, что кости принадлежали собаке. Но посланцы Амундсена всё же побывали в этих местах. Об этом, прежде всего, свидетельствует их маршрут, следы костра, а также две металлические пряжки, которые когда-то нашёл Бегичев. Они аналогичны пряжкам, обнаруженным в захоронении П.Тессема. Не исключено, что норвежцы употребляли в пищу собачье мясо. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: для многих полярных экспедиций собаки служили не только средством передвижения, но и продовольствием в безвыходных ситуациях.

* * *

Итак, пока благодаря усилиям нескольких полярных экспедиций, коллективным исследованиям учёных, судебных медиков, криминалистов удалось идентифицировать личность лишь старшего участника перехода – Питера Тессема. Но остается надежда на то, что дальнейшие поиски вдоль побережья Таймыра когда-нибудь прояснят судьбу и второго посланца Амундсена – Пауля Кнутсена.

На визитной карточке Амундсена, найденной в 1922 году Н.Н. Урванцевым, рукой русского радиста Г.Олонкина – члена экспедиции норвежцев было написано: «Г-ну заведующему радиостанцией Диксон. Эта та телеграмма, которую прошу отправить по назначению при первой возможности. Если в телеграмме что-нибудь непонятно, то прошу за разъяснениями обратиться к г-ну Тессему». В наше время, как и в те далёкие годы, когда Г.Олонкин по велению сердца присоединился к Амундсену, русские исследователи, внесшие свой вклад в разгадку арктической Одиссеи, продолжили славные интернациональные традиции своего соотечественника.

Марк ФУРМАН,
Заслуженный врач РФ,
кандидат медицинских наук

г. ВЛАДИМИР

Алексей ПОЛУБОТА

За волшебным колобком НИКОЛАЯ ТРЯПКИНА

Калязин, Углич, Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Липин Бор, Вытегра, Лодейное поле, Старая Ладога, Валдай... Не правда ли, звучит, как музыка?! И это только знаковые города, а ещё десятки и сотни посёлков и деревень, а ещё – реки и озёра, большие и малые – Волга, Сиверское, Белое, Онего, Свирь, Волхов.

Всё это – вехи нашей поэтической поездки. Поэтической ещё и потому, что ездили мы не только посмотреть дивные красоты Русского Севера, но и по-новому прикоснуться к поэзии тех, кто эти красоты воспевал. Всю дорогу в нашей машине звучали их стихи.

*Я молился бы лику заката,
Тёмной роце, туману, ручьям,
Да тяжёлая дверь каземата
Не пускает к родимым полям –
Наглядеться на бора опушку,
Листопадом, смолой подышать,
Постучаться в лесную избушку,
Где за пряжею старится мать...
Не она ли за пряслом решётки
Ветровую свирелью поёт...
Вечер нишет янтарные чётки,
Красит золотом треснувший свод.*

Не раз в своём пути мы, как и некогда написавший эти строки Николай Клюев, видели янтарные чётки заката. И думалось,

что «тяжёлая дверь каземата», имя которому – цивилизация, закрывает от жителей мегаполисов многие простые чудеса жизни.

Мы – это участники клуба «Словороссия», члены Комиссии по сохранению творческого наследия Николая Тряпкина при Союзе писателей России. В год столетия со дня рождения Николая Ивановича нам хотелось, чтобы имя его прозвучало, вспомнилось на Русском Севере, откуда собственно и начинался Тряпкин как поэт. Вот как он сам писал об этом: «...И вот там-то, в этой маленькой северной деревнюшке, и началась моя биография. Коренной русский быт, коренное русское слово, коренные русские люди. Я сразу же почувствовал, что могу на что-то рассчитывать. У меня впервые открылись глаза на Россию и русскую поэзию, ибо увидел я это каким-то особым, «нутряным» зрением... И я впервые начал писать стихи, которые самого меня завораживали. Ничего подобного со мною никогда не случалось. Я как бы заново родился, или кто-то окатил меня волшебной влагой...».

До Архангельщины, где молодой Николай Тряпкин оказался в эвакуации во время Великой Отечественной войны, добраться нам не позволили обстоятельства. Но зато на Вологодчине, тоже не чуждой Николаю Ивановичу, состоялись два выступления, посвящённых памяти поэта – в Вологде, и в прионежской Вытегре, где нам удалось сделать небольшое открытие. Я не случайно выше вспомнил о Клюеве. Но – об этом чуть позже.

Итак, 7 августа мы оказались в Вологде, где в библиотеке №15 в старинном здании в самом центре города была анонсирована встреча, названная строкой из стихотворения Николая Тряпкина «Не скупы вологодцы на праздники». Помогли её организовать вологодские писатели – Наталья Мелёхина и Дмитрий Ермаков. Дмитрий, кроме прочего, взял на себя роль нашего

путеводителя (не очень люблю слово «экскурсовод») по Вологде, помог добраться до могилы Николая Михайловича Рубцова, за что ему отдельное большое спасибо. К слову сказать, я лично был на могиле этого большого поэта впервые. И почувствовал, что Николай Рубцов продолжает жить среди вологжан, и не только своими стихами. Когда у могилы я прочитал наизусть в «Минуты музыки печальной», к нам подошла жительница Вологды Александра. Она рассказала, что девочкой недолгое время была соседкой Рубцова, который называл её Санчиком. У неё отложилось в памяти, как «дядя Коля» собирал гостей – простых, не искушённых в литературе вологжан, и за портвейном читал им стихи. Тогда, в детстве, Санчик не придавала большого значения стихам «дяди Коли», а теперь вот Александра (отчества не запомнил, к сожалению) наведывается на могилу к поэту Николаю Рубцову, как к близкому человеку.

Литературная встреча в Вологде прошла камерно и душевно. Вот как об этом написали сами вологодские библиотекари: «7 августа в Вологде побывали участники клуба «Словороссия»: поэт и журналист, секретарь Союза писателей России Алексей Полубота (Москва), прозаик, член Союза писателей России Людмила Семёнова (Москва) и славист, кандидат филологических наук, доцент Горловского института иностранных языков (ДНР) Ольга Блюмина.

Гости посетили могилу поэта Николая Рубцова, а днём выступили в Библиотеке № 15, где познакомили вологжан со своим творчеством и творчеством выдающегося русского поэта Николая Ивановича Тряпкина.

Творческая встреча плавно перетекла в беседу за чашкой чая и душевным разговором о непростой жизни Донбасса, о таком простом, но одновременно сложном понятии «Родина», и, конечно, о творчестве и литературе».

Тема Донбасса, далёкого географически от Вологодчины не раз звучала во время нашей поездки. И не случайно. Жители Донбасса взяли за оружие в 2014 году, защищая своё право на родной язык и культуру. И в этом смысле сегодня они самые русские среди русских, поскольку показали свою готовность бороться и погибать за право носить это имя. А наша работа по сохранению творческого наследия Николая Ивановича Тряпкина – не что иное, как та же борьба, пусть и другими способами за русский язык и культуру.

Следующим важным пунктом нашей «тряпкинской экспедиции» стала Вытегра. Сама идея поездки в этот небольшой городок возникла вот почему. Несколько лет назад мурманский поэт Николай Колычев говорил мне о том, что Николай Тряпкин ездил в Вытегорский район и там ему удалось найти дом, где жила семья Николая Ключева. Никаких других данных о той поездке Тряпкина я отыскать пока не смог. У самого Николая Колычева подробней расспросить сразу не довелось, а потом уже стало невозможно – этот замечательный поэт умер больше года назад.

Косвенно на то, что Николай Тряпкин был на малой родине Николая Ключева, указывает стихотворение «Предание», посвящённое Николаю Ключеву.

...Теперь бы здесь да белый голубец,
Зелёный клён, да ковшик из бересты.
Сюда бы шли и старец, и юнец,
И грозный страж, и милые невесты.

Пускай придут – и вспомнить,
и почтить,
И зачерпнуть из древлего колодца...
Мы так его стараемся забыть –
И всё-таки забыть не удаётся.

Голубец на родине Николая Ключева давно уже появился, к слову сказать.

Елена ШИНКАРЧУК

Ну а документальное подтверждение пребывания Николая Тряпкина на родине тогда ещё полуопального Ключева нашла для нас сотрудница краеведческого музея Вытегры Елена Николаевна Шинкарчук. В газете «Красное знамя» от 28 августа 1976 года была опубликована заметка о том, что «известный поэт Николай Иванович Тряпкин... побывал на родине Ключева в дер. Желвачёво Макачевского сельсовета». В советское время к изданию книг подходили серьёзно. Николай Иванович был включён в редколлегия по изданию первого посмертного сборника Ключева и собирал сведения о нём.

Да, как я упомянул уже, голубец на условном месте захоронения родителей Ключева в Макачёво есть. И хоть и редко, но приходят сюда «и старец, и юнец». А дом родителей «крамольника из Олонца» стал ныне сельским клубом и библиотекой одновременно. Вот только останется ли жизнь в Макачёво, где стоит этот дом – большой вопрос, поскольку недавно здесь была «оптимизирована» школа.

Директор Макачевской библиотеки Татьяна Николаевна Дьякова спросила у нас: «Вы много ездите, везде так живёт матушка-деревня?». Трудно было найти обнадеживающие слова. Но сама Татьяна Дьякова сдаваться не собирается. Город ей не по нутру. Её семья недавно построила новый

Collage of newspaper clippings and text. Includes 'ЗА РЕЧЬМИ ПЛЕСАМИ...', 'ЗА МОРОШКОЙ, ЗА ЧЕРНИКОЙ...', 'Стихи о Николае Ключеве', and 'Вытегорский спиртзавод'. Contains various news items, poems, and administrative notices.

дом, а Татьяна собрала из старинных деталей деревянный станок для ткачества, и собирается овладеть этим старинным искусством. Её девиз – авось продержимся, а потом станет лучше.

Ну а в самой Вытегре в музее Николая Алексеевича Ключева прошла прекрасная душевная встреча. Снова предоставляю слово хозяевам: «Визит московских и донецких гостей в Вытегру был не случайным. Николай Иванович Тряпкина, чьё творчество неразрывно связано с глубинными корнями народной культуры, называют наследником поэтических традиций Николая Ключева. В 70-е годы XX века, когда имя нашего земляка было опутано паутиной сплетен и домыслов, Николай Иванович был одним из немногих, кто выступал в защиту поэта.

Сегодня творчество Николая Ключева постепенно обретает достойное его место в русской литературе. А вот имя Николая Тряпкина оказалось незаслуженно забытым. О своих усилиях, направленных на сохранение его поэтического наследия, рассказали гости... Конечно, звучали стихи самого поэта, в которых по мнению Юрия Кузнецова «всегда возникает ощущение ликующего полета». «От себя хочу сказать спасибо за знакомство с замечательным поэтом (услышала о нем впервые) и замечательными москвичами! Нередко в глубинке поругивают москвичей, дескать скупил все, но то не москвичи, то пена, а настоящие москвичи были у нас! Спасибо!» – таким мнением поделилась участница встречи Любовь Зырянцева.

От себя добавлю, что лирического настроения встрече добавили стихи вытегорских поэтов Алексея Землянина и Татьяны Мирчук.

Русский Север объял нас своими светлыми и совсем не студёными в эти дни августа просторами. На Андомском мысу Онего, откуда открывается почти морской могучий вид, сами собой всплывали в памяти строки Николая Тряпкина.

*Днём и ночью, снова днём и ночью
Подступают к сердцу те слова...
Да по всей Двине, по Заволочью
Раскидались песен острова.*

*И не нам менять сии скрижали –
По-иному, значит, не смогли...
Мы кошель на Вычегде связали,
А слова с Онеги принесли.*

*Принесли вот так – по вольной воле...
Да святятся снова те края!
И пускай на песельном приколе
Запоёт вся Ладога моя.*

*Да взревет над Свирью бор сосновый!
И тогда, не ведая преград,
Пусть пройдёт над нами стоветровый
Огневой всемирный листопад.*

*И возьму я посох свой дорожный,
И пойду весною в те концы.
И пускай с красою непреложной
Подступают к сердцу городцы.*

*Изопью воды у тех оконниц,
Чтобы в горле булькал соловей...
Снится Устюг, ласковый Олонец
И соцветья рубленых церквей.*

*И на крыльях славы и печали
Проплывут над нами журавли...
Мы кошель на Вычегде связали,
А слова с Онеги принесли.*

Участники поэтической встречи памяти Николая Тряпкина в музее Николая Ключева (г. Вытегра)

Владислав ПОПОВ

ОНИ СТОЯТ СРЕДИ НАС

Вот и кончилась наша экспедиция. Мы дома, а всё что-то не отпускает, всё видится Гайтоловский лес, слышатся голоса друзей. Закроешь глаза – и сразу утренний лес встаёт перед тобой, изморозь на синей палатке, первый бодрый стук топора и белый дым от первого в этот день костра.

А ночи? Горят в холодном Гайтоловском небе высокие яркие звёзды, и среди них одна переливается, скользит безмолвно, и только минуты через три плотный и густой звук – самолёт летит. И ты стоишь на дне осинового чащи и провожаешь его взглядом – и ведь не ведают они, летящие в блестящем самолёте к яркой и весёлой жизни, ничего о нас, затерянных на ночной земле, в сырых весенних рощах.

Утром мы пойдём к своей воронке, загудит, откачивая воду, жёлтая помпа, а потом и мы в эту воронку полезем. Нам помогают ребята из поискового отряда «Вель». Спасибо им. Вчера первого солдата из неё подняли, сегодня подымаем второго. Вот он – знак Гвардии, а рядом и второй, только от него одна завёртка осталась... По кусочкам, по малым частицам поднимаем солдата. Кости черепа как керамические осколки древней чаши. Рослый он был, сильный, ботинки у него 45 размера. Миномётчик, бог войны.

Приходит местный. Говорит, здесь на прорыв наши шли, напоролись на пулемётный огонь, и полегли многие. Вот до тех берёз полосой полегли. А тут и вправду, куда ни сунься, то противогаз, то подмётка, то ржавый остов «мосинки». И воронки, воронки повсюду, и мотки колючей проволоки.

– В воронках искать надо, – говорит местный. – Всех в воронки стаскивали. После войны и стаскивали. Я тогда малым был, но всё помню: с крючьями ходили, зацепят и в воронку стащат!

Он топчется, вздыхает:

– Поля здесь раньше были, поля, а сейчас такой лес вымахал! Вы по воронкам ищите, по воронкам!

Да мы и сами про то знаем.

И мы ищем по воронкам, под берёзами ищем, прокалываем щупами насыщенную водой землю. Звенит, гудит слева и справа «минник». Звякает о камень сапёрная лопатка. Топорщатся на щупах лохмотья прошлогодней листвы.

С нами четверо студентов из Дагестана. Две девушки и два парня. С удивлением они следят за нашей работой. Ещё вчера у них был шумный и яркий город Махачкала, горы, море, самолёт, Питер, а теперь – лес, вода, война. Командир обрадовался, сам за ними в аэропорт ездил. «Какие экскурсии? – возмущается. – В лес, в лес!» И тащит их, как Тарас Бульба своих сыновей в Запорожскую Сечь. И теперь радуется их страху и удивлению. А они неуверенно тычут щупом землю, боятся чёрных воронок, вертят ошеломлённо в руках ржавый осколок. А через день-два привыкают и тоже лезут в ледяную воду.

Девушек зовут Земфира и Айшат. Утром, прежде чем отправиться в лес, они долго и тщательно красятся. Подводят брови, чернят ресницы, красят губы, припу-

дравают щёки, расчёсывают густые тяжёлые волосы. Вздыхают, опаздывают. Такие восточные принцессы! Боятся костра, едкого дыма, с боязнью и любопытством заглядывают в закопчённый на огне котёл, где сыто пыхтит жаркая каша.

– Ешьте, ешьте! – говорит им, подбадривая, наш добрый кашевар Евгений Иванович. – Как поедите, так и поработаете!

Парни, Рустам и Абдула, осваиваются быстрее. Смеются. Чуть что, бегут, спрашивают, а это что?

– Это эфка! – небрежно отвечает бывалый Саша. – Она не опасна! Видишь, тут у неё пробка!

Наконец находят они обрывок ремня и ботинок, радуются, раздирают скобами болотную землю, а вдруг косточка?

– Новичкам везёт! – подначиваю я. Они оглядываются, вспыхивают в улыбке ровные белые зубы.

За две недели мы поднимаем 8 солдат. Среди них один становится именным: находится его солдатская фляжка с выцарапанным именем – Семёнов Е.П. В штабе будут искать информацию о нём, возможно, найдут и родственников...

Крайнего, 8-го, зацепили в районе Тортолово у ж/д насыпи. Мы достаём его из жёлтой вязкой глины. И кости солдата тоже жёлтые, мелкие, так и рассыпаются в руках, и оттого и страшно, и больно. А мимо гремят, летят поезда, и земля каждые 5 минут долго дрожит под нами. От гильз только затыльники остались, постучишь зелёной чашечкой о ладонь, и выслетется серыми комочками, как графит простого карандаша, насыревший порох. И пока копаем, а потом из котелка пьём чай, всё чудится нам, что не одни мы здесь, а есть и ещё кто-то, кто следит за нами. И я отчего-то представляю солдата, как стоит он под этой старой, разлапистой елью, где его и убили, и глядит, глядит долго, с тоской на гремящие прочь поезда. И в дорогу, домой, его тянет. И вот пришли мы, забрать его.

– Скажи, где твой медальон? – просит Саша. – Домой же поедешь!

Но молчит лес и только вздрагивает от дождевых капель.

В лагерь возвращаемся поздно. Темнеет скоро. За чаем Володя, подняв голову, прислушался:

– Это соловей?

– Соловей!

– Никогда соловья не слышал! А теперь услышал и не забуду!

Мы молчим, а он заливается самозабвенно над нами, трепещет, дрожит горлышком и вдруг щёлкает радостно и громко. И всё ярче разгорается костёр, всё ближе подступают деревья, и, быть может, те, кого мы ищем и поднимаем, сидят и стоят среди нас. Жизнь и смерть. Война и мир. Радость и боль. Рука об руку...

Кировский район Ленинградская область
урочище Гайтолово
Поисковый отряд «Факел»
Пинежского района Архангельской области

Александр БАЛТИН

РВЁТСЯ ВЕТЕР, И ДААЛЪ НЕУЧИСТА

НЕЖНЫЙ И МОЩНЫЙ МИР НИКОЛАЯ МОРДВИНОВА

Николай Егорович Мордвинов, некогда дебютировавший как поэт стихотворением «Мать» – исполненным напевной нежности, и сверкающим, как соболиное солнце Якутии, переводя основные романы Л.Толстого и М.Шолохова, увеличивал сокровищницу мирового духа, расширял литературные своды, давая якутам, соотечественникам своим, радость чужого света – света, что перетекая в якутский язык, становился своим...

Издавая в тридцатые годы циклы рассказов, очерков, публикуя повести и критические статьи, Мордвинов точно репетирует главное: грядущий роман-эпопею «Весенняя пора»; роман, который вобрал жизнь якутов от 10-х до 30-х годов: роман тяжести и нежности, где быт – более тяжёлый, чем наказание – круто перемалывает жизни малого народа, лучшие представители которого стремятся к солнцу, чей золочёный круг бывает в Якутии столь хладен; родовый, вековой уклад меняется, что проводит через стилистику романа постепенной гирляндой, чередой картин, яркость которых вновь вызывает в памяти снеговой, ядрёный сверк...

Слово Николая Мордвинова имело вес и значение – именно поэтому место его в истории культуры Якутии особенное, почётное, блестящее, славное...

АЛЬФА АЛЕКСЕЯ КУЛАКОВСКОГО

Первым быть трудно – отступление невозможно, а коли сделан шаг, нужно совершать дальнейшие.

Алексей Кулаковский написал первое в якутской литературе поэтическое творение «Закливание Баяная»...

Кулаковский путешествует по родной стороне именно как поэт и писатель, как просветитель, с по-хорошему хищным глазом – и глазомером, достаточно точным, чтобы создать поэмы «Портреты якуток», «Песня столетней старухи»...

...искры снега летят, и играют детишки; о! какой бы национальности ни были они – им необходимы игры, игрушки, как кванты роста, и то, что жизнь якуток трудна и тупа, отчасти искупается миром детей, миром будущего, грядущей щедростью неизвестного роста...

Олени мчат, и сверкают следы, как снега – или снега, как следы; столетняя старуха испол-

нит песню, где духовным молоком плеснёт Олонхо: великий эпос, имеющий столько вариантов, что не собрать все, сколько бы ни собирали.

Алексей Кулаковский пишет о тупой жестокости тойонов, о том, как тяжело жить... и не только женщинам, чьи портреты так замечательно, живо, выпукло он созидал словесно; он пишет публицистические статьи о необходимости сближения с Россией; и тень грядущего словосочетания (прекрасного словосочетания!) «дружба народов» возникает в его текстах...

Он был первым, и первенство это никакое время – будь создано из крепчайшего льда – не способно опровергнуть.

КРАСОТА И ПРАВДА ВИКТОРА КЕУЛЬКУТА

Олешек, Пастух, Поющая девушка...

Милые, тёплые названия – стихотворений, что пишет Виктор Кеулькут: пишет, представляя, живописуя, восторженно перевоссоздавая на бумаге свою Чукотку: чей холод лют и прекрасен, чьё солнце играет стальными отливками и рыжей желтизной.

Разумеется, Кеулькут родился в семье охотника-оленевода: собственно две эти профессии сливаются на Чукотке в одну; и если большинству сверстников мальчишки из села Туманское было суждено влиться в русло этой двойной профессии, то Виктор Кеулькут сделал шаг в сторону: он стал первым профессиональным чукотским поэтом.

Он учится – и изучает жизнь; он работает зоотехником, и служит в армии; он видит свинец и палки реальности, он чувствует её нежность и красоту и, дозируя всё это, наполняет свои стихи содержанием настолько необычным для русского сердца и слуха, что жизнь получает новые оттенки, если не краски.

Он учится – и изучает жизнь; он работает зоотехником, и служит в армии; он видит свинец и палки реальности, он чувствует её нежность и красоту и, дозируя всё это, наполняет свои стихи содержанием настолько необычным для русского сердца и слуха, что жизнь получает новые оттенки, если не краски.

В Магадане выходит сборник его стихов «Моя Чукотка» – билингва, переводы внутри которой на русский сделаны Л. Соловьёвой.

Грани и краски, оттенки и ракурсы: север дышит в стихах Кеулькута грозно и весело, и снова мчатся олени, и сверкает снег, чей дух извечно покровительствует чукчам, и улыбается отец-оленевад...

Кеулькут предстаёт добрым поэтом, но... до определённого предела: беспредельность доброты не реальна, ибо явь круто замешана на зле и несправедливости, и, сталкиваясь с таким замесом, необходимо протестовать, а слово протестное, как истинное оружие.

Остаётся добавить, что Кеулькут был составителем русско-чукотского разговорника: ТАК он высказался за свой народ, во многом настоль-

ко обделённый! И народ хранит его книги, как драгоценные сгустки красоты и правды.

ПЛАТОН ОЙУНСКИЙ – ЗАЧИНАТЕЛЬ НОВОГО ЯЗЫКА

Олонхо входит в детство каждого якута, переливаясь красками сюжетов и играя сокровенным ощущением собственного, для каждого мальчишки данного мифа, но Платон Ойунский уже с юности становится профессиональным олонхоустом, певцом, сказителем, чувствующим гораздо больше оттенков огромного эпоса.

Это значит, его олонхо – роднее родного, сюжеты множатся, ветвятся и соединяясь, и позже Платон Ойунский – уже признанный писатель – создаёт один из сводов олонхо: «Нюргун Боотур Стремительный».

Поразительно, как провидение выбирает одну фигуру – каплю народа, слишком удалённого от привычных центров культуры, – чтобы сконцентрировать в оной мощь фундаментальную с разнообразием возможностей.

Платон Ойунский был из первых советских якутских учёных: филолог, этнограф, фольклорист; он был большим поэтом и автором многих научных трудов, но главное всё же: эпос, тот эпос, без которого народ неполный.

...и взмывали ледяные стены, чтобы герои Айыы преодолевали их, и пел Ойунский славу героям, вычлняя главное в каждом кусочке мифа, в каждом из сегментов его ища те оттенки, которые, прикасаясь к теме всеобщности, подчёркивают именно свою, якутскую специфику.

Видел ли Ойунский части Мирового древа?

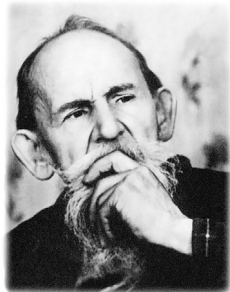
Выступающие из метафизических пластов жизни корни, что удерживают целые народы? Чаши ветвей, поднятые в небеса? Слышал ли хоры листьев?

Много тайн унесла гибель репрессированного Ойунского – но многое осталось в его трудах: трудах того, кто собственно и дал якутам их современный язык: а подобная миссия, обретая своё воплощение, возносит носителя её на такую высоту, что дух захватывает.

САМОРОДНЫЕ СКАЗЫ БОРИСА ШЕРГИНА

Сказ ветвится, покрываясь золотым, волшебным мхом самородных слов; сказ сверкает словосочетаниями, изъятими из древних языковых недр; высокие деревья сюжетов переплетаются ветвями, расцветая листьями мысли... Хотя нет! Мысль – скорее почва, давшая общий рост чудесным вещам Шергина.

Записи архангельских старин, некогда напетых матерью, составили ожерелье его первой книги; и то, что Шергин-сказитель стал известен раньше Шергина-писателя, вполне обосновано: учитывая генетические дали, родовые корни.

И вдруг – после торжественной печали высоких старин – резкий и острый переход к перчёному, озорному, грубовато-простецкому юмору «Шиша Московского», где сочный язык плутовской сатиры сочится различными соками и играет красочными разводами.

А потом косный и колоритный мещанский Архангельск был плотно вмещён в «Архангельские новеллы»...

Ах, куда как жестока купецкая любовь, а «гистории» странствий овеваны терпким благоуханием жизни; и первые три книги Шергина суммируют фольклор Архангельского края; чтобы дальше шла мысль народного сказителя, охватывая новые пласты яви; чтобы буйно распустились «Поморщина-корабельщина», и спросла якобы обнаруженная Шергиным хроника Соловецкого монастыря...

Буйно и страстно, весело и горько, для народа – и из народа; смесь, языковая пестрота – множество характеристик подойдёт к языковому чуду, явленному Борисом Шергиным.

ОБЭРИУТЫ И Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

1

Шикарная, смертельная, пышная, коварная, великолепная игра обэриутов!

Язык, во многом определяющий человека, терпит любые эксперименты на бумаге – требуя порой в расплату живые судьбы.

Объединение реального искусства предпочитало ирреальность: иначе не отразить происходящие – зримо и исподволь – процессы в обществе.

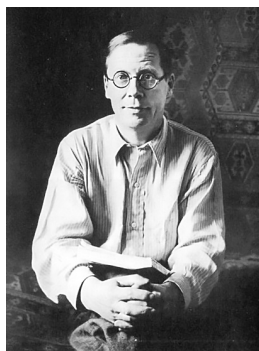
Грядущее безвестно: оно, накапливаясь, может обрушиться погребаящей под собой лавиной; но пока...

О! пока щедрость «Столбцов» Заболоцкого плетётся из таких созвучий, что дух захватывает.

Мир должен быть обновлён, слово должно быть обновлено, метафора должна засиять: омыто, не так, как было раньше.

И в «Столбцах» всё это ликует и играет в избытке.

Хармс выращивал, кропотливо и терпеливо, зёрна абсурда, и всходы покачивались, отливая разными тонами, во многом опережая Франца Кафку, ничего не знавшего о русском эксперименте.

И фантазировал, закручивая алогичные образы, Введенский, сочетал мысль и метафизику, усаживая на стул большой аул.

Как это? Хотелось спросить.

А так!

Коли электрон ведёт себя, как частица и волна, почему бы языковым электронам не брать с него пример?

Кванты языка, электроны речи, раблезианский карнавал оной... Следует культивировать абсурд, алогизм, гротеск – и действительность, подражая, увлекается игрой, превращая судьбы поэтов в гротеск, в кошмар, в абсурд...

...Николай Заболоцкий выжил – ради великолепной ясности поздних своих стихов и грандиозной пирамиды переводов.

2

Верёвочными лестницами закрученные «Столбцы» – или впрямь столпы новой поэтической верой?

...ибо вера в силу слова, живущая в сознаниях и сердцах большинства поэтов, воистину религиозна, и как культовые строения выглядят совершенно различно, даже в пределах одной конфессии, так и храмины книг могут предлагать разные формы восприятия яви.

В данном случае, как в «Столбцах»: щедро-игровой, отчасти абсурдной, с янтарным блеском метафоры, с часто алогичными связями внутри стиха.

Жизнь, казалось, далека от каверз: жизнь, связанная с речью, избыточна, примет игру, впитает её, поймёт, оценит...

Тучи приходят, когда не ждёшь, хотя сгущение тогдашней атмосферы реальности не могло обойтись без туч, и великолепный Заболоцкий вычёркивается из жизни: лишний, мол, да и не до языковых игрищ, когда такое строительство вокруг...

...Заболоцкий выжил – чтобы обогатить русский храм поэзии высотами прозрений и совершенной образностью, искусством мысли и сгустками словесного опыта.

О! чтобы ни писал он, освободившись, сияло:

*Сыплет дождик большие горошины,
Рвётся ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.*

Как великолепен взъерошенный тополь, и как чудно закольцована четвёртая строчка!

Но – «Можжевельный куст», «Читайте, деревья, стихи Гесиода», «У могилы Данте» вырублены из мрамора и высются значительными памятниками речи.

«Рубрук в Монголии», давая массу оживляющих тексты подробностей, клубится сгустками истории: ощущение таково: поэт сам был свидетелем путешествия Рубрука.

Ясность и высота: прозрачность лесного озера: до глубины, до мелких подробностей раскрывается жизнь в поздних стихах Заболоцкого, и поистине сократическая мудрость жёсткой солью переполняет их.

От игры – до величия, ибо, представляется, ради поздних стихов Николай Заболоцкий и выжил.

МАГИЯ ЧУКОТСКОГО СОЛНЦА ЮРИЯ РЫТХЭУ

Чукотское солнце серо-стального отлива, и редко дарит золотой щедростью жителей изобильной холодом Чукотки; а сын охотника-зверобоя, носивший имя «Забывтый», при получении паспорта, когда необходимы имя и отчество, указал русские, а имя своё превратил в фамилию.

Но Юрий Рытхэу не может быть забыт, ибо высказался за всех чукчей: нации, чьё бытование погружено в тяжесть выживания настолько надёжно, что бесконечные, якобы потешные анекдоты приобретают скорее трагический оттенок, нездоровый излом мелкого зубоскальства.

Тем не менее, в недрах каждой нации рождается человек-поэт, писатель, настроенный неведомой нам волной на сочинение национальной саги – каковы бы ни были условия и расцветка жизни этой нации.

И Рытхэу пишет Чукотскую сагу – пишет её суммой рассказов и повестей, необычных по архитектонике, снежно-сияющих по исполнению; он пишет, как канадский моряк, брошенный соотечественниками, находит друзей, обретает семью на Чукотке; он пишет книгу-фантазию «Куда уходят киты», всю пронизанную золотыми нитями сострадания к природе и тончайшими импульсами понимания её голосов: различных, как в хоре; он пишет «Время таянья снегов» – повествование о жизни мальчика-чукчи, ставшего писателем – о себе, преодолевшем наследственную необходимость быть зверобоем.

Он создаёт книгу поколений, живописуя персонажей с яркостью, которую так ждёшь от солнца, когда снега столь велики кругом – и «Самые красивые корабли» пышно отправляются в плаванье по книжному океану мира...

Рытхэу одновременно остаётся хранителем огня – как шаман Кагот из «Магических чисел», и певцом нового: ибо не влить в обветшавшие мехи молодого вина, не наполнить прохудивши-

еся формы свежим содержанием.

И галерея чукотских образов – представленная со своеобычием мастерства и снежной мудростью, тонким мёдом иронии (невиданное лакомство для чукотского мальчишки), и жёсткой графичностью большого мастера – живёт и страдает, хранит верования и надеется на грядущее, продолжая заниматься исконными промыслами, мечтает о многообразии будущего: и за всех них, затерянных в дебрях трудного края – Чукотки, – высказался маг-шаман и писатель, получивший при рождении имя «Забывтый»: классик, который не может быть забыт.

СЛОВЕСНЫЕ РУЧЬИ БОРИСА РУЧЬЁВА

Лёгкая и вместе густая повествовательность «Артель-бригады» ткётся, совмещая разные пласты, иные из которых звенят ручьями (точно фамилия поэта хранит код творчества), а другие даны суровой прозаизацией:

*Вот она, бригада, как и следует,
но, взглянув в историю, назад,
дайте час – спокойно побеседуем,
многое придётся рассказать...*

*Первое такое –
волжская деревня,
посейчас которая
в памяти жива.
Уходили парни
по привычке древней
в город златогорый
деньги наживать.*

Стихи и должны созидаться из разного словесного материала – или он сам организует сознание поэта, когда следующее одно за другим, сменяясь, как в калейдоскопе, открывается новой правдой – звука и смысла.

Прямая атака разворачивается песенным ладом, и звон молодости, всплески мелодических войн сияют свежестью замечательного задора.

О! экскаватор становится персонажем баллады вполне заслужено, ибо жизнь поворачивается разными сторонами, реорганизуя реальность.

Ручьи стихи Ручьёва играют солнечно, переливаются темами жизни, богатство интонации преподнося читающему, как дар.

Тема дороги, движения – вечная тема поэзии, чья реальность пропитывает жизнь, – и как много движения у Ручьёва!

Сколько всего предстоит освоить!

Сколько...

Не представить, как сменится действительность, предлагая спекулянта в качестве героя, а деньги объявив главной ценностью...

Не представить такого движения жизни, где поэзия не нужна...

Мирон ЭТЛИС

ПРОСТРАНСТВО

Мирон Маркович Этлис ушёл из жизни 19-го апреля 2013 года. С последними стихами Мирона Марковича из не изданного пока сборника «Давление крови» читатели уже знакомы (публикация вышла в годовщину его смерти).

В последнее время, после того, как ему пришлось оставить работу в Северо-Восточном государственном университете, он очень нуждался в общении. Точнее — в слушателях, поскольку работал над своими воспоминаниями. При встречах некоторыми из них делился со мной, проверяя реакцию и упорядочивая изложение. А я с его разрешения записывал.

К сожалению, свои воспоминания Мирон Маркович закончить не успел. Черновики и наброски хранятся в областном архиве. Но остались аудиозаписи наших с ним бесед. По оценке некоторых журналистов, из них может получиться хороший цикл радиопередач. Но пока не получился, я решил перенести эти записи на бумажный носитель.

Сегодня мы всё чаще слышим, что к прошлому нужно относиться аналитически. Об этом говорил и наш президент. А Патриих Кирилл, выступая как-то перед депутатами Госдумы, о нашем отношении к нашей истории сказал: «Пора прекратить войну воспоминаний». К примеру, настоящие боевые действия по этой теме развернулись на магаданском поле Фейсбука.

Следуя указанным рекомендациям, я предлагаю воспоминания Мирона Марковича без купюр, убрав повторы, грамматические ошибки, а также кое-где ненормативную лексику (уж это он умел, причём очень красиво!). В тексте обе стороны указанной «войны» найдут то, что каждой из них по вкусу. Но хочется, чтобы все понимали, что история не может быть ни белой, ни чёрной. Истина, как всегда, где-то посередине.

М.М. Этлис был очень образованным и мудрым человеком. У него много интересных высказываний о литературе, религии, образовании, медицине, которые мне тоже удалось записать. Но об этом, наверное, позже.

Пётр ЦЫБУЛЬКИН

член Союза писателей России

СМЫСЛОВ

О СЛЕДСТВИИ

Здесь переход от двух юридических позиций. Позиция «знал и не сказал» – это первая была позиция... А уже «поучаствовал», как минимум проходит на трибунал.

Меня арестовали в день смерти Сталина, а судили в день ареста Берия. Так вот, в день ареста Берия один из первых, кто об этом узнал, это охранник, который держал меня на заседаниях суда – трибунала военного. За спиной стоял.

Он был такой симпатичный мужик. Рязанский. Иван. Рыжий. Что я просто на него взглянул и полюбил – своего конвоира. Он единственный, кто меня охранял. До трибунала водил, потом, когда выездное заседание, тоже за спиной стоял. Когда я уставал стоять, он это понимал, он мне подставлял стул, и я на него опирался.

Вот он уже знал. Он мне после произнесения, когда повёл меня после трибунала в камеру, спокойно на ухо пока вёл сказал: «Мирон, не бзди! Дело врачей закрыто. Двадцать пять ты не отсидишь. Всё будет нормально». И я Шурке передал. Шурка – это моя первая жена. И благодаря этому уцелела девочка. Потому что пытались её уговорить – жалели, ходили топтуны – уговаривали сделать аборт.

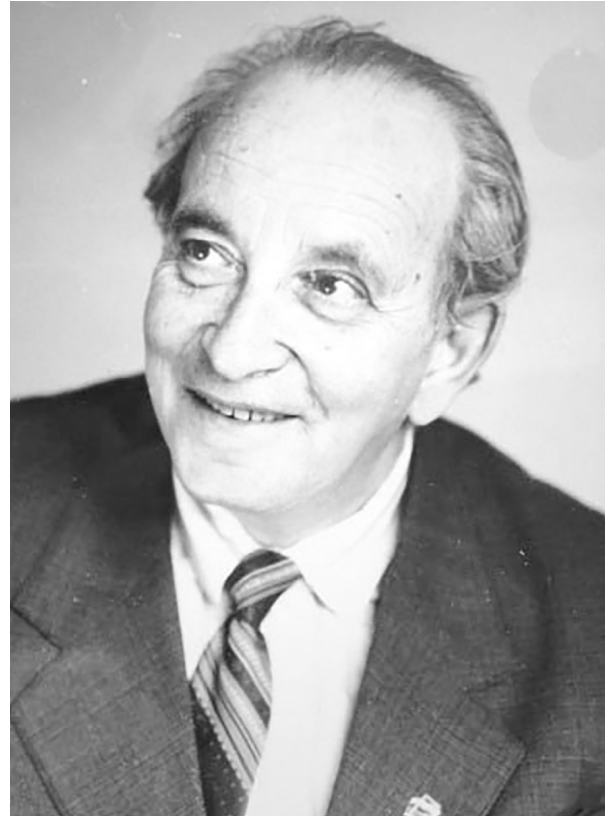
Так что, если есть в моей жизни благородная персона, мне стыдно его не упомянуть.

И я с такой болью, с таким трудом всё это писал, чтобы правду написать так, как оно было.

Кстати, очень драматично это всё происходило. Потому что главным свидетелем был старший бригады секретных осведомителей. Всего на деле работали (после того, как я оказался привязанным к расстрельным ребятам, майор, который проводил следствие, о реабилитации говорил – я реабилитационный свой документ, который положено, секретный получил, я его имею)... Так что я знаю, что было там пять человек. И они там не поименованы, но я их всех расшифровал, естественно. Сейчас могу упомянуть только тех, кто на том свете. Живущих, даже если есть подозрение, что он живой, я должен фамилию не называть. Лучше вообще не называть фамилию, я так понимаю.

Ну, в общем, это было очень драматично. Потому что со стороны создалось впечатление, что вообще меня держат в рязанской башне для того, чтобы расстрелять. Во всяком случае Москва так думала.

А я сам рвался из внутренней тюрьмы, я рвался в лагерь, я понимал, что торчать бесполезно, не надо

Мирон ЭТЛИС

ждать никаких там... Я написал помилование спокойно...

Я сидел всё время один. С момента ареста до...

Однажды мне только подкинули такого мужичка лагерного, военного. Но я был такой умный тогда. Я его спросил: «У тебя какое-то задание ко мне?» Он мне сказал: «Нет, но я могу о лагере рассказать, где я был». Я говорю: «Спасибо, это очень приятно». Я с ним общался. Отвратительный совершенно такой небольшой мужичок. Типичный военнопленный.

Ну он рассказывал, как бы это сказать... Он и о своём лагере немецком рассказывал, но плохо. Я его поймал за язык, что он не умеет... Да, начал там что-то такое...

И потом я сказал следователю: «Убери его на х...! Он мне не нужен. Как осведомитель он меня не устраивает». Ну в таком каком-то смысле.

Потому что с Олейником, с начальником следственного отдела, который вторую половину следствия вёл, мы были в очень хороших отношениях. Прекрасных. Он строго выполнял свои функции. То есть он меня мучил бессонницей. Но как-то мы с ним быстро договорились, и я перешёл на так называемые собственноручные показания. То есть ему было лень задавать вопросы, он давал только направления, а я совершенно спокойно писал, потому что знал, что писать. Поскольку-постольку следствие ничего не интересовало, только националистические настроения и больше ничего по существу.

Ну я им дополнительно выдал, так сказать, всю картину этого, государственного антисемитизма и реакции несчастных идиотов, кроликов на эту политику. То есть я интуитивно догадался, кто из них цел, кто из них уже на том свете. Вот это, кстати, меня поражает, что я догадался.

«Кто оказал на Вас антисоветское влияние?»

Я говорю:

«Прямого антисоветского влияния на меня никто не оказывал. У меня у самого возникали некоторые сомнения, благодаря высказываниям и поведению некоторых товарищей».

Сразу после ареста они меня посадили в карцер, ну не в карцер, а в холодную камеру такую: крыса бегала там – я не боялся; пол такой холодный, стена кирпичная, гудки страшные...

Самый решающий момент был, когда они первый раз мне дали покушать. Это была истинная баланда – жиденькая водичка и несколько селёдочных косточек. Я закрыл глаза и это проглотил. И дал себе зарок: «От еды не отказываться, и ничего не врать и не выдумывать». Потому что если б я был в чём-то действительно виноват, то тогда мне надо было бы беспокоиться. А мне беспокоиться не о чем. Вины своей я не чувствую.

Я тогда ещё не знал одной гениальной формулировки: «Лучше выдумать вину, чем...»

Можно выдумать. Вот я и выдумал – влияние...

...Не называть близких людей. Я не назвал – ни Олега Лебедева, ни... Ну, в общем-то, я никого не...

Как говорится, обговорил я. Называл и подробно описывал профессора, другого профессора, третьего профессора – чисто психологическую характеристику. Но я видел, что они прут, неизбежно будет срок, что я не отмотаюсь.

И когда 206-я подписывалась мною: первый Гудешов подполковник, зашёл полковник Олейник – главный, который мне эти ночи такие устраивал. И говорит: «Ну что, Мирон, могу сказать (Мирон Маркович – на Вы) – жалко, хороший учёный из Вас мог бы получиться». Он так сказал. То есть ему понравились мои, так сказать, анализы, по всей вероятности.

Ну он был вполне заслуженный человек. Видно СМЕРШевец. Такой, со многими... – с иконостасом, как говорится... Он ни единого грубого слова мне не сказал.

А первый, так сказать, гоношился. К «верхним людям» меня отсылал: «Что ты улыбаешься?! К верхним людям не хочешь?»

«Нет, – говорю, – не хочу я к верхним людям». Это, так сказать, не то...

14.02.12.

О СОТРУДНИКАХ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

И сколько я сотрудников повидал – все они мои пациенты. В том смысле, что они немножко со сдвигами. Потому что эта работа тоже такая, которая травмирует и особый отпечаток накладывает. А жизнь очень сложная, люди очень по разному..., каждый поворачивается своей стороной.

...Безусловно служба метит, но человек остаётся человеком...

Перестарались, Вы знаете, тогда вот с этой слежкой. Сетка, которую бросала Москва на саму Москву, она иногда была густая, иногда дырчатая. А иногда слишком густая. И что там попадалось? Понимаете, требуется интеллект. Требуется то, чтобы человек разобрался «who is who».

Тут умный был очень замечательный работник один. К сожалению, он сошёл на нет после того, как его забра-

ли в Москву. Тарасов¹. Он начальник был. Очень мощный полковник. У него были и за границей операции. Он от меня эти операции не скрывал. Вернее открывал в той мере, в которой хотел показать, чтобы я уважал его. Я и без этого его уважал, потому что он не был подлецом.

Были такие подлецы. Некоторые очень тяжёлые люди. Он не был подлецом. И я никакого зла никогда ни на кого не держал. Не было у меня желания отомстить. Я в этом отношении держался всё время в высшей степени тактично.

14.02.12., 11.10.12.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ВОСПОМИНАНИЯМ И ИСТОРИИ В ЦЕЛОМ

Это такая история – через людей.

Тут есть две позиции.

Если быть пижонем и интеллигентом, то есть придерживаться такой идеалистической, нежизненной философии, то зачем это всё надо? – Всё равно мы умрём, чаще всего это всё забывается. Следующее поколение на это дело, как говорится, положит... И так далее.

Это, так сказать, крайняя точка зрения.

Противоположная точка зрения – идеализировать. Вот обязательно что-то после себя оставить.

Я думаю, что надо придерживаться в этом отношении какой-то средней точки зрения. И быть порядочным. В том смысле, что если даже немногим людям это будет интересно, ты обязан это сделать.

И я поэтому так вот... Даже сказал, что жалко времени – а вдруг будильник сработает в другую сторону. Бывает ведь у меня состояние не ахти какое. Я беспокоюсь. Но надо держаться.

14.02.12.

О ЧЛЕНСТВЕ В ПАРТИИ

Когда мне надоело, на 23-м работая, всё время слушать доносы информаторов о том, что от них хотели – приезжавшие специально меня курировать, – я сказал: «Сколько это может длиться? Давайте, господа, далеко вато, наверное, на 23-й каждый раз ездить?» Так я получил комнату здесь.

И я начал работать в Облздравотделе инспектором. Они взяли, сразу здесь мне повесили всё оборудование медицинское на шею. И вся область у меня.

Я сказал: «Я хочу легализоваться». Она попрыгала, попрыгала – начальница – и говорит: «Вам ещё рано» (легализоваться – в смысле в партию вступить).

Но меня Бог миловал. Я такой глупости всё-таки не сделал. Это, наверное, просто был «чёрный шар». Я не додумал тогда. Вряд ли я всё это хотел до конца. Естественно, меня не очень тогда тянуло в это дело.

Но мне просто было бы легче работать. Потому что, когда приезжаешь, для того, чтобы что-то сделали там, чтоб был какой-то результат, чтоб какой-то несчастный электрокардиограф поставили, для этого нужно идти в райком.

Я ходил как беспартийный, но вёл себя по партийному. Стучал кулаком по столу, матерился. Но никогда ни на кого не доносил. Я имею в виду в том смысле, что не жаловался на этих людей, они не виноваты.

В результате все главные врачи районов – несчастные, затасканные, замученные, кроме Репьевой, которая сидела в Ягодном со времён Гаранина – как это сказать, вот это вот ощущение «вся публика в ладошке». Очень легко было зазнаться. Но я не зазнавался.

14.02.12.

«ПОД КОЛПАКОМ» ОБКОМА ПАРТИИ

Капризничает, конечно, Николаев Кирилл Борисович. Я его просил, чтобы он вспомнил кое-что о наших с ним отношениях. Он всё прекрасно помнит, но вдруг заявил, что больём поросло и ничего в памяти у него не осталось.

У него такая была роль. Не помню, с Афанасьева надо начинать или с Шайдурова, – он был заведующим домом политпросвещения². То есть местом, где шла партийная учёба среднего звена, которое никуда не направлялось – ни в Хабаровск, никуда – здесь училось. Университет марксизма-ленинизма.

И вдруг ваш покорный слуга преподаёт в этом университете. Реабилитированный преподаватель. И самые острые моменты. Я имею в виду – социальная психология партийной работы. И вдруг я всё это волоку.

Конечно, указание было из обкома – он бы не решился. Но как он организовал контроль этого всего!

Во-первых, он сам ходил почти на каждую лекцию. А во-вторых, тут был постоянный работник обкома, молодой, он тоже ходил слушать мои лекции – потому что ему было очень интересно.

Я давал социальную психологию так, как я её себе представлял. Не занимался антисоветской пропагандой, мне это не нужно было в Университете марксизма-ленинизма. Я давал это на марксистской основе. Как и положено.

Но он иногда устраивал мне какие-то выволочки такие, намёки. Относительно содержания. Я с ним не спорил. Но я его вежливо посылал. Но очень вежливо и очень по-хорошему. Мы с ним были в прекрасных отношениях.

Но я понимал механизм этого, который шёл через необходимость иметь в виду тех, кто тянулся ко мне и находился здесь из диссидентов. Ни одна эта фигура меня не миновала, естественно. Я имею в виду и Амальрика, и так далее. Я их всех знал, как облупленных.

14.02.12.

О ССЫЛЬНЫХ ДИССИДЕНТАХ

Многие тут побывали. Досиживали. Амальрик тоже где-то в это же время был здесь.

Ну и, короче говоря, его перехватили, когда он, узнав, что здесь тот в ссылке, поехал к нему. Его перехватили и говорят: «Вот, изволь отчитываться перед нами».

Это был Сергей Адамович Ковалёв. Вы представляете, какого масштаба?

Он ко мне прибежал. С него взяли расписку, что он не будет разглашать. Но он ко мне прибежал (не будет разглашать, что его вызывали, – не знаю, так он пишет во всяком случае).

И каждый раз, когда он раз месяц ездил туда, на Матросова, его навещать, он заходил ко мне, советуясь,

как лучше себя повести и так далее. Но я говорил, как обычно в таких случаях говорят, я говорил – находясь в ссылке, самое главное, чтоб была интересная работа, и чтоб здоровьем занимался – физкультура и так далее. Вот такого был разговор плана. Больше и не было.

Когда Ковалёв освобождался, Витя привёл его мне проконсультировать. Я ему давление смерил – у него давление высокое, двести с чем-то.

Я говорю: «Сергей Адамович, Вы, может быть, прежде, чем из континентальной Колымы возвращаться в Москву, немножко бы адаптировались в Магадане, подлечились? Я готов Вас протезировать, и Виктор тоже».

«Нет, я уеду», – ну, в общем, он уехал.

А теперь Витька написал воспоминания, свои, по тому периоду. И заявляет, что я доносил на него, как он ходил на свидания и вообще тут, так сказать, я имел связи ГБшные. Причём «достоверно» он говорит.

Мне очень неприятно это. Я по-человечески себя вёл. Абсолютно никаких контактов специальных и разговоров у меня не было по этому поводу. Неприятно очень. Потому что, когда виноват, оступился – винишь себя. А когда это сваливается...

А я себя безукоризненно вёл. Безукоризненно вёл и погал в стукачи.

Он это написал в воспоминаниях, которые не опубликованы. Воспоминания эти были у него на плёнке, и он тут одному магаданцу дал. А тот мне дал. Не наговоренные, а отпечатанные. Хорошие в общем-то воспоминания. По человечески сделаны. Неплохо.

И самое главное, я не мог понять, почему, я бывал в Прибалтике (а он живёт в Прибалтике), я на него выходил, хотел с ним пообщаться, а он уходил от контакта. У меня совесть была чиста перед ним, а он так вёл себя. Оказывается, он вынашивал это довольно долго – обиду.

Ну, жизнь драматична. И за хорошее всегда получаешь. Тем более, что я подлости вообще никому не делал никогда.

А потом Амальрик попозже. Они не в одно время были. А может где-то пересекались они. По-моему, нет, не пересекались.

В таких случаях невозможно ничего доказать. Было мне очень неприятно, потому что лишнее напоминание о том, что люди бывают непорядочными, неприятно. И вроде это на себе сразу испытываешь. И думаешь, какой же ты дурак.

У меня не хватило ума просто послать его с первого момента на три буквы. Тем более такой спокойный парень, член партии, психофизиолог.

Живёт под Ригой. Но уже старенький. Жена у него – я очень ей симпатизировал. Интересная была женщина.

В общем – и чёрт его дёрнул, понимаешь ли? По всему тексту воспоминаний один я попал в негатив у него. Безобразия, конечно – ну а что делать? Это неприятно. Но всё равно гасить такие вещи надо, нельзя прощать. Если узнаю о том, что это вышло за пределы и в Интернете действительно это есть, то надо будет что-то делать. Некрасиво потому что. Уйду в отрицаловку – больше другого способа нет.

Самое главное, что я «ни ухом, ни рылом». Да и не надо было – там всё, извините меня, на поверхности. Если человек в ссылке находится и на определённом месте работает, негласный надзор при всяких условиях обеспечен – так я понимаю?

Ну и хрен со мной. Знал бы, где упасть...

17.03.13.

О ПОЕЗДКЕ СОЛЖЕНИЦЫНА ПО СИБИРИ

(Рассматривает фотографию) Это знаменитая фотография – встреча Солженицына здесь. Он же под «конвоем» БИ-БИ-СИ приехал сюда и открыл дорогу свою по России. От Владивостока он не хотел: Магадан чтобы начался. Он хотел лететь, он прилетел. Но юридически ритуал у него начался с железной дороги. И БИ-БИ-СИ было удобнее работать так.

С Солженицыным я знаком никогда не был. Я в лагерь когда приехал – он уехал. Он уже писал тогда «Раковый корпус».

01.09.12.

ОБ ОТНОШЕНИИ К РЕПРЕССИРОВАННЫМ

«Мемориал» – дохлятина, нету его. Это, может, там только, в самой Москве можно получить моральную поддержку, но она там не нужна.

Потому что лежит сейчас там член правления, парализованная. Печора, моя одноделица. Косвенная одноделица – я же в организации не был. Ну что, приезжают, подбросят что-нибудь вкусненькое, что ей нельзя – диабет очень высокий. И ходят медсёстры колоть. И все по существу ждут, когда её надо будет похоронить.

На похоронах – безусловно!

Это пример, живой.

Начал побаливать член правления Даниэль. Так он вынужден скрываться от нищенства.

Это если там находиться. А на расстоянии – Господи!

Посмотрите что – старики-то все уходят.

Какая-то может лишняя лычка была бы у меня, не знаю. В социальном плане. Нету! Заслуги, извините меня, ничего не стоят. На совесть давить некому. Это понятно.

И только дружеское сочувствие – может что-то можно придумать.

Шарада конечно.

27.07.12.

О КНИГЕ «СОВРЕМЕННИКИ ГУЛАГА»

У меня есть замечательный кусок в «Современниках ГУЛага». Кусок об Ахматовой. Он в конце.

Судьба у этой книги очень страшная. Она получилась на сорока четырёх, даже больше, печатных листах. Я не сдерживался, и оказалось много лишнего.

До печатного станка я этим не занимался. Этим занимался заведующий редакцией и наш дорогой Асир Семёнович.

Встретил я Бориса Василевского. Он говорил: «Я устрою вот так, как она есть, в Союз писателей». Ну, чудесно.

Мы пошли это дело с ним в Дом литераторов отметить. В Москве. В ресторан. Сели. Об этом уже не говорили – это как само собой. А он вдруг заговорил насчёт острова Врангеля. Начал мне выставлять по поводу того, что сделали с островом Врангеля. И так получилось, что он на меня пошёл. Причём как-то так повернул неаккуратно, с антисемитским духом.

Я совершенно спокойно вот так вот кулаком: «Я расплачусь, ты давай уматывай отсюда!» На этом мы закончили.

С тех пор двадцать с лишним лет я с ним не общаюсь. Он, правда, написал – какая-то есть литература – большую громадную повесть о своей здешней магаданской любви. И там я такой главный герой, но скрытый, – по поводу его этого романа. Потому что этот роман у него здесь начинался, здесь обсуждался, в Магадане. И я там фигурирую. Но это, так сказать, его свободное творчество.

Мы с ним очень дружили. Но Вы знаете, какая-то одна такая оговорка некрасивая. Когда человек подпивает, то естественно, что «у пьяного на языке...»

Мне было очень обидно, потому что я душу вложил вообще во всю эту историю, чтобы всё-таки как-то остров Врангеля прозвучал.

Ну, Василевский своеобразный человек. Он, кстати, родственник Василевского, маршала. У него квартира громадная, шикарная квартира прямо на въезде в Кутузовский проспект. Мы с ним дружили и я с предыдущей женой у него бывал. Но вот как-то так.

Во-первых, он начал мне суммы ставить какие-то невысказанные. А в реальности получилось следующее.

У меня был лучший друг в Абрамцево – это музей – очень известный тамошний искусствовед. И я к нему обратился: «У тебя есть кто-нибудь, кто бы мог сделать чудо – из сорока четырёх печатных листов сделать тридцать два, не повредив, и так, чтобы это пошло?»

«У моей мамы, – сказал он, – всю жизнь был любовник. Это замечательный человек и один из лучших редакторов издательства Советская литература. Если она согласится, это единственный человек, который может это от души и быстро сделать».

Мы встретились у неё дома. Я отдал ему сорок печатных листов в кожаной такой папке. Его сначала передёрнуло. На следующий день он говорит:

«Там делать нечего! Это готовая книга!»

И он мне совершенно спокойно убрал оттуда всё, что считал лишним. Очистил. И вот она получилась вот такая. Он сказал, что она единым духом написана.

Так вот, тут есть этап «Новые встречи» или поближе туда, к реабилитации, там, где стихи Ахматовой. Дело в том, что она дважды меняла отношение к прошлому. Я её на этом деле поймал.

Вот этот кусок он не стал вырезать, он не вырезал всё, что было о поэзии. Он сказал, что это очень здорово: «Потому что такого взгляда на ахматовское отношение к истории... У тебя получилось».

27.03.12.

О ВСТРЕЧЕ С РУКОВОДИТЕЛЕМ ФАШИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

И есть у меня в разделе «Третье следствие. Приезд в Экибастузуголь» встреча вот с этим немецким...

Представляете, прихожу на объект – мужик сидит, здоровый мужик, немец. Слово за слово – прекрасное владение русским языком. Только что прибыл с Воркуты – с Воркуты к нам закинули сто с лишним контингента после воркутинских событий. Видимо, это был оперативный штаб для большой волынки, которую хотели бериевцы устроить там, в Воркуте. Им это удалось – это же спровоцированы эти вещи.

Гвозди разгибает! Значит, остаются после опалубки

гвозди, наковаленка у него такая, он аккуратненько разгибает. А я таскаю эти опалубки бетонные, тяжелейшие!

Этот сидит – красивый, очки! Начинаем разговаривать – оказывается, он студент четвёртого курса. А я студент шестого курса. Его специальность – психиатр. У нас общий разговор. В колонне идём – разговариваем, о немецких психиатрах и так далее. Нормальный, серьёзный разговор. И когда уже отношения на третий-четвёртый такой вот проходке от зоны...

Ко мне в барак я не пускал его. Нельзя мешать. Когда находишься в зоне, нельзя устраивать проходного двора. Иначе тебя либо сочтут за стукача, или ты будешь вообще как дерьмо собачье – разменяют тебя. Я это всё знал.

Он сам мне говорит: «Я знаю, у Вас ко мне вопросы».

Я говорю: «Конечно, но не принято спрашивать».

«Я попал с Берлинским восстанием. Я заместитель председателя фашистской студенческой организации, немецкой. Попался я специально, в Берлине. Для того, чтобы пройти здесь курс советского лагеря. Изучаю я это очень своеобразно. Первый раз, когда появился в лагере, когда начали на меня выходить оперработники, я откровенно сказал, что мне нужно. То, что я хочу. Я с ними подружился. И мы вместе изучали».

Я говорю: «По моему, ты мне какую-то лапшу вешаешь на уши», – пятое-десятое.

«Ну, а как относительно жизни? Ты же видишь, как я живу. Я гвоздики разгибаю, а ты пупок свой разорвёшь и здоровье. – Хотя бы это! Но самое для меня трагическое – я никак не могу понять: при таком сходстве подхода к лагерной дисциплине, почему я искренне смог договориться? Какой-то один чёрт! У вас даже лучше организовано, чем в Германии – я это знаю».

Я – убеждённый фашист. Ты в этом многое не понимаешь – я национал-социалист. Я национал-социалист, но я не антисемит. И считаю, что со стороны Гитлера вся его эта холокостовская история – это завихрения. И что у Сталина тоже эти все реформы – это тоже. Это по нашей специальности – мы же с тобой психиатры. Мы должны это понимать».

И так он мне за три или четыре прохода таких – это километров двенадцать-пятнадцать хода рядом в колонне. Здесь латыш, и здесь латыш. Расстояние два шага. Можно совершенно спокойно общаться и беседовать о чём угодно. Шли рядом, по пять человек, как положено.

«И я тебе советую, пока не поздно, пока наш контингент сюда ввезли – давай дружить. Деньги наши все – в Аргентине, Перу. Вопрос с деньгами не стоит».

Он меня сразу приковал. Первое, что надо было делать – идти к Шабанову, нашему оперу, которого я знал только по фамилии и с ним не общался никогда. Мне надо было идти разговор вести. Но получается, что он раскрыл меня или вербует меня через него. В общем такая непонятка.

И самое главное – такой убеждённый фашист, такой убеждённый фашист!

И я решил, что я его замочу. У меня ребята там были. Я говорю: «Ребята, наконец-то я нашёл врага, которого надо замочить».

«Запросто! Сейчас такая неразбериха – переводят наш контингент в другой лагерь. Сделаем запросто. Утром во время отправки на пёрышко и протолкнём как-нибудь – он худенький такой».

Вот такой я на себя пытался взять грех. Но фашист фашистом. В конце концов может быть какая-то там

есть тройная игра. Если мы сейчас вмешиваемся, то устроят особую проверку, и мы все потом... Во-вторых, душу жалко. При всех условиях мочить человека – это...

Я мучился, ну, наверное, полтора дня. Ночь страшная была. Утром я пришёл и дал обратную команду. Было всё договорено.

И решил я себя проверить потом. Говорить надо было с самым опытным человеком. Самым опытным человеком был главный металлург завода им. Лихачёва Михаил Абрамович. Умнейший человек.

Я пришёл, ему всё рассказал. Он был там, занимал хороший очень пост – командовал всей механикой на заводе. Их же потом всех реабилитировали. И я ему говорю: «Слушай, вот мы так решили».

Он говорит: «Спасибо, что ты ко мне пришёл. Этого делать ни в коем случае нельзя! Я понимаю твой патриотизм. Я понимаю, что ты встретил, наконец, врага, которого надо уничтожить, который действительно может что-то натворить. Но пускай, есть для этого компетентные органы, пускай они занимаются. Если что-то нужно, я об этом даже и позабочусь». – Он очень авторитетный был.

Вот так.

На следующий день моего Курта сдуло! Больше я его не встречал. И самое главное – их контингент с «Экибастузугля» перевели на Джесказган. Потому что там рабочей силы не хватало. И до договора с Эйзенхауэром.

Вот такой у меня есть кусочек. Я его написал. Но занятный кусок!

Зачем ему меня было провоцировать? Ситуация слишком прозрачная. Он себя объявил, что он открытый, что его знают. Показал мне, что из всего их этапа только одного взяли в медсанчасть, а его взяли гвозди разгибать. А остальные где были, там тяжелейший режим. Там строительные работы очень тяжёлые. Там строилась вот эта знаменитая ТЭЦ, которой потом командовать Маленкова прислали, когда его сняли.

Так что вот такой у меня занятный был эпизод.

27.03.12.

ОБ ИЗМЕНЕНИИ НАШЕГО МЕНТАЛИТЕТА

Лагерная тема, как бы вам сказать, как сюжет она себя в значительной степени исчерпала. Как историческое исследование она никогда себя не исчерпает. А как воспоминания современников звучит слабовато, даже у самых ярких впечатлённых людей.

Издана целая библиотека. Называется «Лагерная поэзия». Семён Виленский её издавал. Где-то там тридцать или сорок поэтов, лагерных. Самого Виленского стихи. А я бы в эту серию не пошёл. Потому что это как живым пишется.

И даже шаламовские замечательные стихи о лагерных делах хороши только тогда, когда они как бы косвенно входят. А этот кошмар, который был, не лезет в стихи – стихи нельзя писать кровью и о крови. Нельзя пугать людей этим кошмаром. И в этом отношении Шаламов прав, что лучше не прикасаться к этому, это страшно.

Я считаю, что спокойное ниспровержение старого менталитета, начатое ещё в первом закрытом докладе Хрущёва на съезде партии, открыло череду событий,

которые, несмотря на все издержки, за сравнительно короткий временной период преобразили менталитет наш до неузнаваемости. С нас слетели революционный угар и надежда на то, что нахрапом можно попасть в рай. Это совершенно другой взгляд на жизнь. Это другой взгляд на самое главное, что у человека есть – на Родину. Другой взгляд!

Вот, когда мы её ругаем, начинаем ругать свой народ, это не ругань, это как раз вот то переживание, которое очищает. Может, нужно не одно поколение, чтобы этот процесс завершился, но в течение многих лет, не в кухонном таком быте – о «шестидесятниках» говорят, что они только на кухне...

Среди «шестидесятников» были люди, которые потом оказались достаточно радикальными, ушли за границу и так далее – это всё тот же самый процесс изменения менталитета.

Я вам могу рассказать по этому поводу одно отражение такого менталитета. Вот современный учёный способен на такую глупость? На челябинской пересылке один из «шарашки», крупный механик мне рассказывал. Вышли на прогулку два профессора, с одной «шарашки». Идут, разговаривают. Закурили «Беломор» – он им положен был, как в «Круге первом» Солженицын описывает – и пепел стряхивают. И один математик говорит: «Смотрите, какие деньги тратит государство – мы сбрасываем пепел в гранитную пепельницу! Какие расходы!» Ну не идиот? Ну а то, что он сидит?

Мы сейчас на такие мелочи внимание не обращаем. И это не черта народная, это наносное. Всё наносное будет забыто. Новая культура появится – и никуда не денешься от этого. И поэтому мы уцелеем и будем нормальными людьми.

Не мы – я не увижу этого, но это не важно. Это величайшая трагедия в том, что нельзя увидеть то, что ты хотел бы увидеть. Зачем же обижаться на то, что то, что хочешь видеть, не увидишь. А то, что хочешь видеть, это лучшее – это очень хорошо. Значит, оно сбудется. И кто думает, что всё застыло – это иллюзия. Мы не измеряем время, мы мерим историю мерилом своей биографии. Разве это разумно?

Мы оказываемся в области так называемого политического прогнозирования. Политическое прогнозирование

– это вещь, которая растянута во времени и очень худо поддается персональному анализу.

Мы судим в интересах сегодняшнего дня, как поступить сегодня. Сегодня человек остаётся с антропологической точки зрения тоже на двух ногах, с той же самой психофизиологией, с таким же уровнем здоровья. Мы в этом отношении земные. И очень сердимся на то, что мы земные, что нам не дано сверхпрозорливости и какого-то сверхсчастья. И очень болезненно воспринимаем негативную информацию. А если относиться к негативной информации с юмором? Есть особая форма юмора – это философская категория в данном случае.

Потому что надо изменять не природу человека, а условия, которые ему создаются. И не осуждать поверхностно какие-то явления, которые в ретроспективе окажутся совершенно противоположными (просто под рукой нет сейчас этих примеров о том, как меняются оценки на исторические события).

Надо жить, радоваться. Но проблемы описывать и душевный мир раскрывать всё равно надо.

Представьте себе. Вылез я из-за колючей проволоки. Застрял бы я на этой мысли (насмотрелся выше головы) – вешаться из-за этого, скорбь испытывать? Или становиться на путь революционной борьбы – с кем, с чем? Это же идиотизм.

В этом отношении кому-то помогает религия, кому-то юмор. А кому-то помогает здравый смысл.

(Читает стихотворение)

Наборы слов моих политкорректны,
Но хоть вещай в программе «Вести»,
Несут они по факту – аргументы,
Реально отражают бег на месте.
В них что-то есть от вечного Эзопа,
Запечатляя образ мира наш
И все америанские Европы употребляя
В стиле аля-ваш,
Напоминают чем-то эпиграммы,
Пространство смыслов разорвав на части.
И намекают грубо и упрямо:
«Ну, кто тут временные? Слезьте!»

- 1 Поработав в архивах, я установил сотрудника госбезопасности, которого упоминает М.М. Этлис. Это Тарасов Борис Васильевич. Он прослужил в СМЕРШе практически с его создания до преобразования. В его послужном списке указываются местности, в которых действуют герои роман В.Богомолова «В августе сорок четвёртого». Поэтому, вполне возможно, он мог быть их прототипом. Прим. П.Ц.
- 2 В КПСС, особенно в так называемые «годы застоя», многие вступали не из идеологических, а из практических и даже меркантильных соображений. – Прим. П.Ц.
- 3 Позднее Н.Б. Николаев стал активным деятелем общества «Мемориал» и обличителем советского прошлого. – Прим. П.Ц.
- 4 М.М. Этлис имеет в виду Виктора Аршавского, который, с его слов, был одним из активистов диссидентского движения. Однако информации об этом в сети Интернет не обнаружено. – Прим. П.Ц.
- 5 Сандлер А.С., Этлис М.М. Современники ГУЛАГа. – Магадан : Кн. Изд-во, 1991. – 557 с.

Никита КУЗНЕЦОВ
кандидат исторических наук

Адмирал Лев Владимирский

Несмотря на то, что герой настоящего очерка никогда не плавал в северных водах, его имя по праву носит самое крупное в нашем флоте океанографическое исследовательское судно, работавшее, в том числе, и в Арктике. Возможно, что на Новой Земле в скором времени появится новый топоним, увековечивающий память адмирала Льва Анатольевича Владимирского, 115 лет со дня рождения которого исполнилось в этом году.

Л.А. Владимирский – курсант военного факультета Ташкентского университета, 1922 г.

Будущий советский военачальник и адмирал родился 14 (27) сентября 1903 года в семье учителя русско-киргизской школы и акушерки. Во всех анкетах местом своего рождения Владимирский указывал город Гурьев (современное название Атырау, Республика Казахстан). Эти же сведения перекочевали в энциклопедические издания. Недавно казахский краевед А. Амиржанулы высказал предположение о том, что ме-

стом рождения Льва Анатольевича нужно считать находящийся недалеко рыбацкий посёлок Ракуша Жылыойского района. В 1922 году Л.А. Владимирский окончил один курс военного факультета Ташкентского университета. Во время обучения он принимал участие в столкновениях с басмачами.

В 1922 году Владимирский поступил в Военно-морское училище, которое окон-

чил спустя три года. В начале 1970-х годов на вопрос, почему он решил стать военным моряком, адмирал ответил: «Всё просто, заманчиво было учиться в Петрограде. Вот и выбрал... А может быть, и жила где-то во мне память о море ещё с детства...».

Его служба началась на Черноморском флоте с должности штурмана эсминцев «Лейтенант Шмидт» (1925–1926 гг.), «Петровский» (1926 г.). С мая по октябрь 1926 года Владимирский был вахтенным начальником крейсера «Червона Украина». Здесь он познакомился с будущим легендарным наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым, который окончил училище годом позже и начал свою флотскую службу на крейсере. Их дружба продолжалась всю жизнь.

В октябре 1927 года Владимирский окончил артиллерийский класс Специальных курсов комсостава Военно-морских сил (ВМС) РККА. В 1927–1930 годах он был артиллеристом на эсминцах «Шаумян», «Незаможник», «Петровский»; с мая по декабрь 1930 года – дивизионным артиллеристом Дивизиона эсминцев. Следующие полтора года (до мая 1932 г.) он служил помощником командира «Шаумяна», а затем стал командиром сторожевого корабля «Шквал» – одного из серии первых кораблей, спроектированных и построенных в СССР. Им он командовал до апреля 1935 года. Затем в его командирской биографии были эсминцы «Петровский» (1935–1936 гг.), лидеры «Москва» (1936 г.), «Харьков» (1936–1937 гг.).

С октября 1937 года по июнь 1938 года Владимирский – начальник штаба бригады крейсеров Черноморского флота. Затем на его долю выпадают три совершенно разных, но интересных командировки. Он принимал участие в организации доставки оружия для Испанской республики на пароходе «Бонифацио».

Затем Лев Анатольевич командовал особым Отрядом гидрографических судов, в который входили спущенные на воду в 1937 году на ленинградском заводе имени А.Марти «Полярный» и «Партизан». Они должны были перейти на Дальний Восток. Отряд покинул Кронштадт 27 июня 1938 года. На переходе по Балтийскому морю у судов обнаружилась значительная потеря скорости при встречном ветре (примерно на 2 узла при ветре 6–7 баллов). 7 июля «Полярный» и «Партизан» прибыли в Плимут, откуда 11-го отправились через Атлантический океан в Бостон (пришли 25 июля). 10 августа «гидрографы» прошли Панамский канал и вышли в Тихий океан. В начале сентября, на пути из Сан-Франциско в Датч-Харбор суда выдержали девятибал-

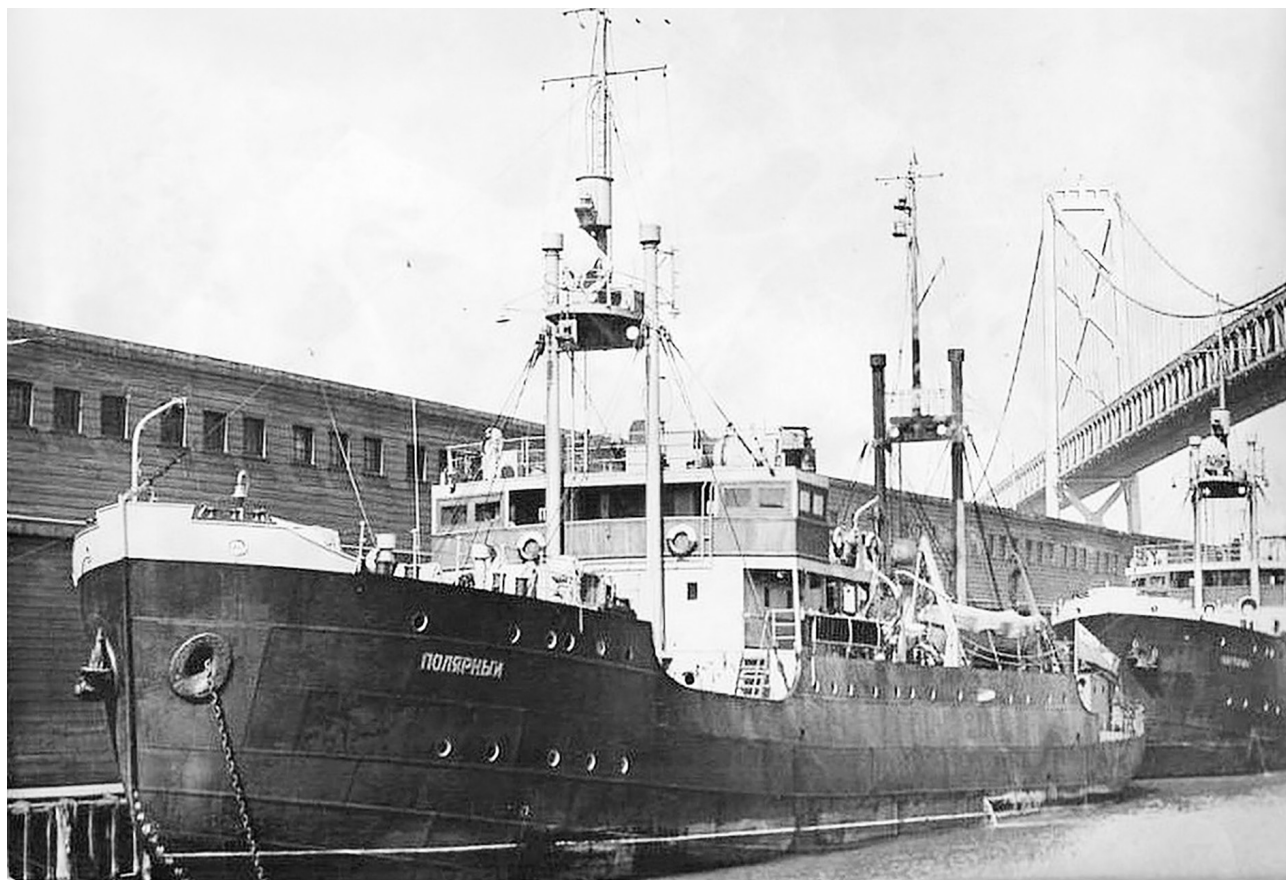
льный шторм, а 20 сентября, на переходе в Петропавловск-Камчатский, шторм достиг силы 10 баллов, при высоте волн 9 м. В этих условиях значительно упала скорость судов, они становились практически неуправляемыми. 23 сентября шторм стал стихать, а 25-го «Партизан» и «Полярный» прибыли в Авачинскую бухту. Уже через четыре дня суда вышли в океан вновь и, по приказанию командующего флотом, участвовали в подготовке к обеспечению перелета дальней авиации на Камчатку. После этого отряд продолжил переход и через 112 суток после выхода из Кронштадта прибыл во Владивосток, завершив полукругосветное плавание длиной 15 000 миль. Группа его участников удостоилась правительственных наград. Это было первое, но далеко не последнее дальнейшее плавание Л.А. Владимирского, пробудившее в нём интерес к океанографическим исследованиям.

С февраля по июнь 1939 года Владимирский находился в Италии, где для советского флота строился будущий лидер «Ташкент» – один из прославленных кораблей Черноморского флота, погибший в 1942 году, А.К. Усыскин, работавший в приёмной комиссии, вспоминал о Владимирском: «Его интересовали такие тонкости, которые не сразу поймёт и узкий специалист. Владимирский был адмиралом «макаровского склада» [...] Владимирский не только готовил корабли к боям, но и всегда – и до войны, и после её окончания – вникал в проблемы их проектирования и строительства, сам был автором многих интересных идей...».

В июне 1939 года Лев Анатольевич вступил в командование эскадрой кораблей Черноморского флота. В этой должности и застало его начало Великой Отечественной войны. В июле 1941 года корабли эскадры наносили артиллерийские удары по портам Румынии, участвовали в обороне Одессы и Севастополя. В ходе Керченско-Феодосийской десантной операции (1941–1942 гг.) Владимирский руководил действиями кораблей отряда высадки. Н.Г. Кузнецов вспоминал: «В героической обороне Севастополя немалая заслуга Владимирского. Участие кораблей эскадры помогло отбить все три ожесточённых вражеских штурма. Корабли подвергались атакам вражеских самолётов, иногда и гибли со всем личным составом, но эскадра под командованием Владимирского продолжала выполнять свою задачу».

В апреле 1943 года Л.А. Владимирского назначили командующим Черноморским флотом. В сентябре этого же года, взаимодействуя с войсками 18-й армии, он успеш-

Гидрографические суда «Полярный» и «Партизан» во время перехода с Балтики на Дальний Восток

но провёл Новороссийскую наступательную операцию 9–16 сентября 1943 г. В сентябре – октябре 1943 года, в период Новороссийско-Таманской наступательной операции силы под командованием Владимирского поддерживали наступающие войска огнём корабельной артиллерии, ударами авиации, высадкой десантов в тылу противника.

За неудовлетворительное проведение набеговой операции в октябре 1943 года, в ходе которой под ударами авиации противника были потоплены два эсминца («Беспощадный» и «Способный») и лидер «Харьков», 2 марта 1944 года постановлением Государственного комитета обороны вице-адмирал Владимирский был отстранён от должности командующего флотом, понижен в воинском звании до контр-адмирала и назначен командующим эскадрой кораблей Краснознаменного Балтийского флота. Н.Г. Кузнецов писал: «Ни Генштаб, ни Наркомат ВМФ не вносили предложений о смене командования Приморской армии и Черноморского флота... Для меня до сих пор не ясна причина освобождения от должности Л.А. Владимирского».

Эскадра под командованием Владимирского принимала участие в Выборгской наступательной операции 1944 года. Биограф адмирала С.А. Зонин пишет: «В канун на-

ступления войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке линкор под флагом командующего эскадрой и крейсера встали к причалам Торгового порта. С утра 9 июня 1944 года загремели залпы их орудий, зазвенели стекла в домах ленинградцев. В течение десяти часов вели корабли эскадры огонь по врагу. На следующий день рано утром их артиллерия вновь начала громить укрепления на Карельском перешейке. Через два часа после начала артподготовки наши войска перешли в наступление. 20 июня был освобождён Выборг...». В 1945 году Владимирского наградили орденом Ушакова II степени.

Л.А. Владимирский командовал эскадрой до 1946 года. Затем он последовательно занимал ряд должностей: адмирал-инспектор инспекции флота Главной инспекции Вооружённых сил (1947–1948 гг.), начальник Управления военно-морских учебных заведений ВМС (1948 г.), старший морской начальник в Ленинграде (1948 г.), заместитель главного инспектора Главной инспекции Вооружённых сил по ВМС (1948–1950 гг.), заместитель главного инспектора ВМС (1950–1951 гг.). В этот же период он повышает своё образование. В 1947 году заканчивает Академические курсы офицерского состава, а в 1951 году – Военно-морскую

На линкоре «Парижская Коммуна». Контр-адмирал Л.А. Владимирский – командующий эскадрой Черноморского флота (слева) и бригадный комиссар В.И. Семин, военком эскадры

Вице-адмирал Л.А. Владимирский, командующий Черноморским флотом и вице-адмирал Н.Е. Басистый, командующий эскадрой Черноморского флота

академию.

В 1948 году над адмиралами Н.Г. Кузнецовым (с 1947 г. – начальником Управления военно-морских учебных заведений ВМС), Л.М. Галлером, В.А. Алафузовым и Г.А. Степановым состоялся «суд чести». Им предъявили обвинение в незаконной передаче союзникам во время войны ряда документации. Кузнецова понизили в звании до контр-адмирала. До 1951 года он занимал ряд должностей на Дальнем Востоке, а в июле 1951 года стал военно-морским министром. В мае 1953 года приговор был отменён и дело прекращено за отсутствием

состава преступления. Эти трагические события отразились и на биографии Владимирского.

После возвращения Н.Г. Кузнецова с Дальнего Востока и назначения его в марте 1953 года на должность Главкома, заслуженно и обоснованно пошла вверх и служебная карьера Л.А. Владимирского. В 1951–1953 годы он – начальник Главного Управления боевой подготовки – заместитель начальника Морского генерального штаба, затем, уже в звании адмирала (получил его 31 мая 1954 г.) – начальник Управления боевой подготовки Главного штаба

Экспедиционное океанографическое судно «Полюс»

На борту «Полюса» во время кругосветного плавания. Слева направо: капитан 1-го ранга М.Г. Суханов, подполковник медицинской службы Ю.В. Шипунов, капитан 1-го ранга В.С. Борисов, адмирал Л.А. Владимирский, мичман А.В. Беляев. Патагонский пролив, 5 июня 1969 г.

ВМС (1953–1955 гг.), заместитель главкома ВМФ по кораблестроению (с марта по октябрь 1955 г.). В этой должности он принимал участие в создании первых в мире подводных лодок-ракетоносцев.

В 1956 году Владимирский занял пост председателя Морского научно-технического комитета, а три года спустя перешёл на научную и преподавательскую работу. Он руководил научно-исследовательской группой при Главкоме ВМФ (1959–1960), при Военно-морской академии (1961–1962 гг.), был научным референтом при Главкоме (1960–1961 гг.), заместителем начальника Военно-морской академии – начальником Академических курсов офицерского состава (1962–1967 гг.), профессором-консультантом Учёного совета академии (1967–1970 гг.).

В эти годы сбылись его мечты о дальних океанских походах, вынашиваемые ещё в 1930-е гг. ВМФ СССР начал активно выходить на просторы Мирового Океана. В 1961 году Владимирский возглавил длительное плавание в Северо-Западной части Атлантического океана в качестве начальника совместной океанографической экспедиции. Он стал одним из участников подготовки и проведения гидроакустической экспедиции на экспедиционных океанографических судах «Балхаш» и «Байкал» в 1966 году и ряда других.

Последним походом Л.А. Владимирского стало кругосветное плавание на экспедиционном океанографическом судне «Полюс» в 1968–1969 гг. Судно вышло из Кронштадта 15 октября 1968 года. Обогнув Африку, оно зашло в пакистанский порт Карачи.

Следующим портом захода стал Коломбо (Шри-Ланка). 1 апреля 1969 года «Полюс» вышел в Индийский океан. В начале мая, после пересечения Тихого океана, судно пришло с официальным визитом в Вальпараисо (Чили). Далее «Полюс» пошёл на юг через Патагонские проливы и, пройдя Магеллановым проливом, вышел в Атлантику. После захода в Марокко, 14 июля 1969 года «Полюс» ошвартовался в Ленинграде, пройдя за 9 месяцев почти 50 000 миль. Во время экспедиции были проведены комплексные океанографические и геофизические исследования в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Удалось уточнить местоположение ряда островов и рифов, открыть несколько подводных гор, измерить глубину впадины Тонга.

В 1969 году Л.А. Владимирский получил премию имени М.В. Фрунзе. В следующем году он вышел в отставку. В последние годы жизни Лев Анатольевич активно занимался научной деятельностью, написал ряд статей об участии флота в Великой Отечественной войне, об экспедиции на «Полюсе». Он начал готовить следующий масштабный океанский поход. Но кончина 7 сентября 1973 года прервала многочисленные и разносторонние планы адмирала Л.А. Владимирского. Он похоронен на Новодевичьем кладбище.

Имя Владимирского увековечено в названиях улиц городов Атырау и Севастополя (бывшая улица Амурская, переименована 6 июня 1974 года). В ряде публикаций его называют «первым адмиралом Казахстана», хотя с этой

республикой связана часть его биографии, предшествующая флотской службе...

В 1975 году в состав Военно-морского флота СССР вошло судно «Адмирал Владимирский», начавшее службу в 176-ом отдельном дивизионе океанографических исследовательских судов Черноморского флота. Оно относилось к серии из шести гидрографических судов проектов 852 и 852/II (с 1977 года классифицировались как океанографические исследовательские суда (ОИС)), построенных в 1972–1978 годах на польской верфи «Сточня Щецинская им. Адольфа Варского» (г. Щецин), входивших в состав Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского флотов.

«Систершипы» «Адмирала Владимирского» вели работы во всех районах Миро-

Адмирал Лев Анатольевич Владимирский (1903–1973)

Дочери адмирала – Маргарита Львовна и Валентина Львовна в гостях на борту ОИС «Адмирал Владимирский»

вого Океана, выполняя большой комплекс исследований. Увы, в период развала Вооружённых сил СССР их постигла печальная участь – в 1995–2004 годах пять из шести судов проекта были списаны и проданы.

Самой счастливой судьба оказалась у «Адмирала Владимирского». Первый самостоятельный поход в Индийский океан он совершил сразу же после вступления в строй, в 1975 году. В следующем году судно участвовало в работах по программе СКОИЧ (совместное комплексное изучение Чёрного моря). С 1979 года, в течение ряда лет, «Адмирал Владимирский» работал в составе комплексной океанографической экспедиции «Юг», выполнявшей промер, гравиметрическую, магнитную и гидрологическую съёмки в Индийском океане. В 1982–1983 гг. судно, совместно с океанографическим исследовательским судном «Фаддей Беллинсгаузен» участвовало в кругосветной Антарктической экспедиции по маршруту русских моряков – первооткрывателей Антарктиды. Непростые времена начала 1990-х годов «Адмирал Владимирский» пережил, находясь на ремонте в Польше. 9 апреля 1994 г. на судне поднят флаг Гидрографической службы ВМФ РФ. После ремонта «Адмирал Владимирский» был направлен в Кронштадт, где его зачислили в состав 6-й Атлантической океанографической экспедиции.

Без малого 20 лет служба судна заключалась преимущественно в обеспечении испытаний новых кораблей на Балтийском море. В 2014 году «Адмирал Владимирский» прошёл капитальный ремонт на Канонерском заводе в Санкт-Петербурге. 18 августа того же года, судно, сданное флоту 40 лет назад, отправилось в новое кругосветное плавание под командованием капитана дальнего плавания (капитана 1 ранга запаса) А.В. Пышкина, занимающего свою должность уже 16 лет (с 2002 года).

За 154 дня экспедиции «Адмирал Влади-

мирский» преодолел 31 550 морских миль, при этом 45 суток (7255 миль) моряки провели за Северным полярным кругом, а 58 суток (12 550 миль) – в тропиках. Самой «верхней» границей маршрута стал 81-й градус северной широты, а самой южной – экватор. В результате экспедиции было сделано около 20 географических открытий и уточнений. Одним из самых значимых стало подтверждение наличия в море Лаптевых нового острова под названием Яя – песчаного образования небольшой высоты, появившегося в результате природного намыва. Благодаря этому открытию территория России увеличилась на 452 кв. км. Другое важное открытие – обнаружение рядом с Соломоновыми островами (юго-западная часть Тихого океана) ранее неизвестной подводной горы. Дальний поход завершился 18 января 2015 г.

6 ноября 2015 года «Адмирал Владимирский» отправился в новую экспедицию, на сей раз к берегам шестого континента – Антарктиды. За 161 сутки было пройдено 33 693 морских миль (62 399 километров), что составляет чуть больше 1,5 длины экватора, в том числе в антарктических водах (включая переход из Кейптауна и возвращение в этот порт) – 13 065 морских миль (24 196 километров). Маршрут судна проходил по 9 морям, включая 5 окраинных морей Антарктиды (Лазарева, Рисер-Ларсена, Космонавтов, Содружества, Дейвиса) и 2 океанам (Атлантическому и Индийскому). В походе был выполнен значительный объём океанографических и других исследований. Не менее важным итогом стала демонстрация Андреевского флага в отдалённых районах Мирового Океана, многие из которых не посещались отечественными кораблями и судами более 20 лет. Плавание завершилось в Кронштадте 15 апреля 2016 года.

«Разменявшее» пятый десяток лет судно (самое большое на данный момент океанографическое исследовательское судно ВМФ РФ) в этом году вернулось из Индийского океана и, после необходимого ремонта, будет готово к новым дальним экспедициям. Думается, что в какой-то мере своей «счастливой звездой» оно обязано тому человеку, в честь которого когда-то было названо.

Логичным шагом со стороны военных гидрографов стало поступившее в июне 2017 года предложение назвать мысом адмирала Владимирского мыс на северном берегу бухты Глазова Северного острова архипелага Новая Земля. Он образовался в результате разрушения и таяния ледника Глазова и представляет собой песчаный пляж шириной до 100 метров. Вновь образовавшаяся

ОИС «Адмирал Владимирский» в кругосветном плавании 2014–2015 гг.

часть суши была открыта во время «кругосветки» «Адмирала Владимирского» в 2014 году и подробно описана в следующем году во время похода гидрографического судна «Сенеж» Северного флота.

Завершим рассказ о биографии Л.А. Владимирского словами Н.Г. Кузнецова: «Я осмеливаюсь утверждать, что Лев Анатольевич за свою почти пятидесятилетнюю службу на флоте оставил за кормой больше

миль, чем любой другой адмирал. [...] Владимирский был прямым и честным. Всегда открыто высказывал свои взгляды, смело брал на себя ответственность за всё происходящее. Мягкий, добрый, он в то же время был неуклонно требователен. [...] Он всех мерил своей меркой, уверенный, что каждый отдаст делу все силы, как всегда поступал сам. [...] Он всю свою жизнь без остатка отдал нашему Военно-Морскому Флоту».

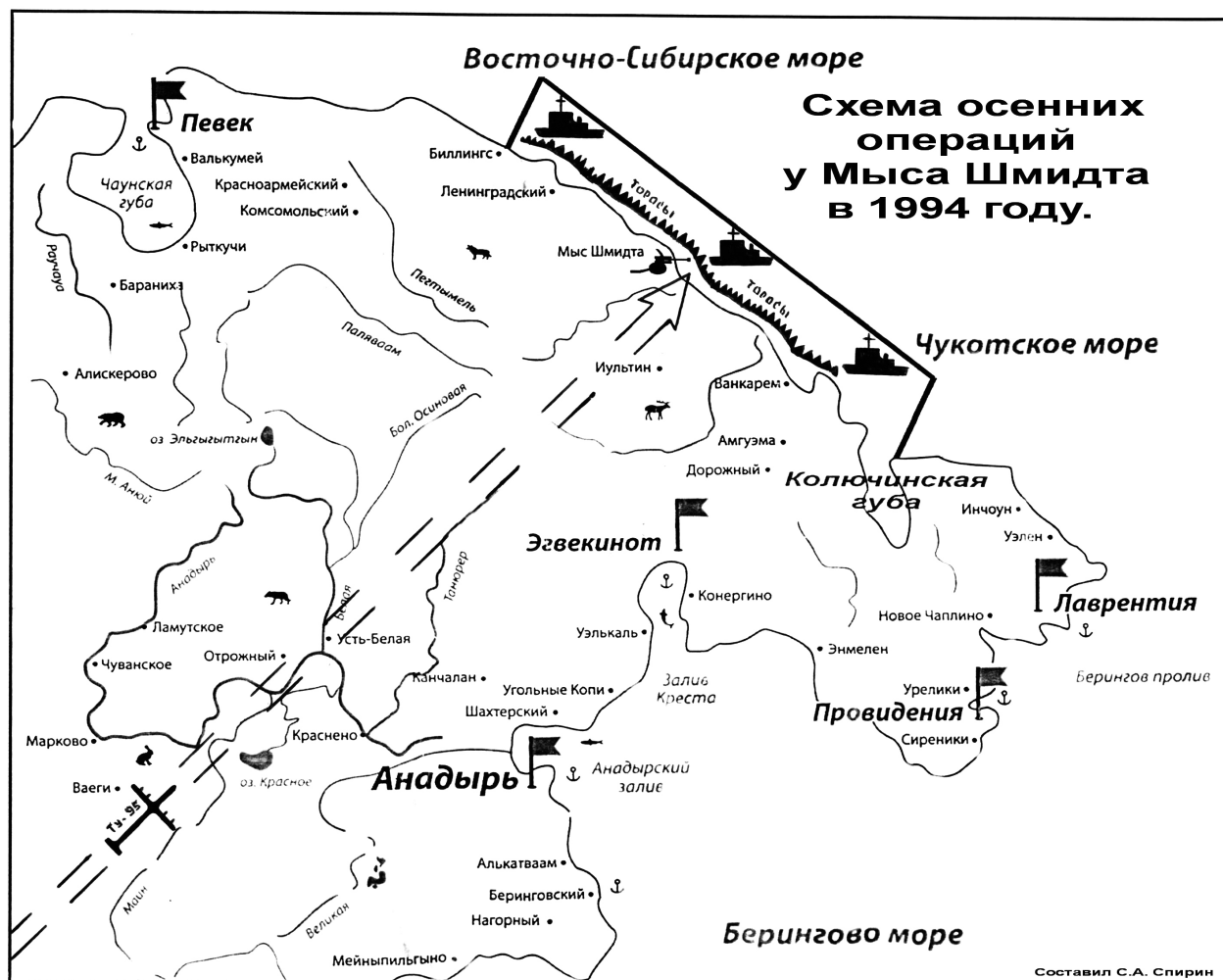

ОИС «Адмирал Владимирский» у берегов Антарктиды, 2016 г.

Девяностые годы прошлого столетия — это время принятия на высоких управленческих уровнях совершенно безумных, бездумных и даже приносящих стране откровенный вред решений. Об одной из таких авантур, которую удалось предотвратить, и будет наше повествование.

«МЕДВЕДИ» ЛЕТЯТ!

Но сначала необходимо сделать маленькую оговорку. Изложение происходящего имеет художественную окраску, поэтому в тексте присутствуют некоторые неточности и выдуманные диалоги, но, несмотря на это, общий ход событий и их историческая реальность не подлежат сомнению.

Начальник штаба морских операций Восточного района Арктики Владимир Петрович Жеребятьев был поднят с постели дежурным по штабу глубокой ночью.

– «Медведи» летят в нашем районе, бомбить что-то будут. Требуем закрыть район от мыса Биллингса до Колючинской губы и вывести из него все корабли, – молодежато доложил диспетчер заспанному руководителю.

Начальник таким сообщением был ошеломлён.

– Какие медведи, что вы несёте? – не слишком деликатно отозвался он на слова дежурного.

Тот понял, что перестарался, блеща эрудицией, и, подтянувшись, бодро отрапортовал:

– К нам летит эскадрилья Ту – 95-х, по классификации НАТО, самолёты этого типа называются «Медведь». Могут нести на борту бомбы и ракеты.

Не удержался и снова блеснул эрудицией молодой моряк.

Начальник штаба подпрыгнул на месте и, одеваясь на ходу, бросился в свой кабинет, лихорадочно соображая:

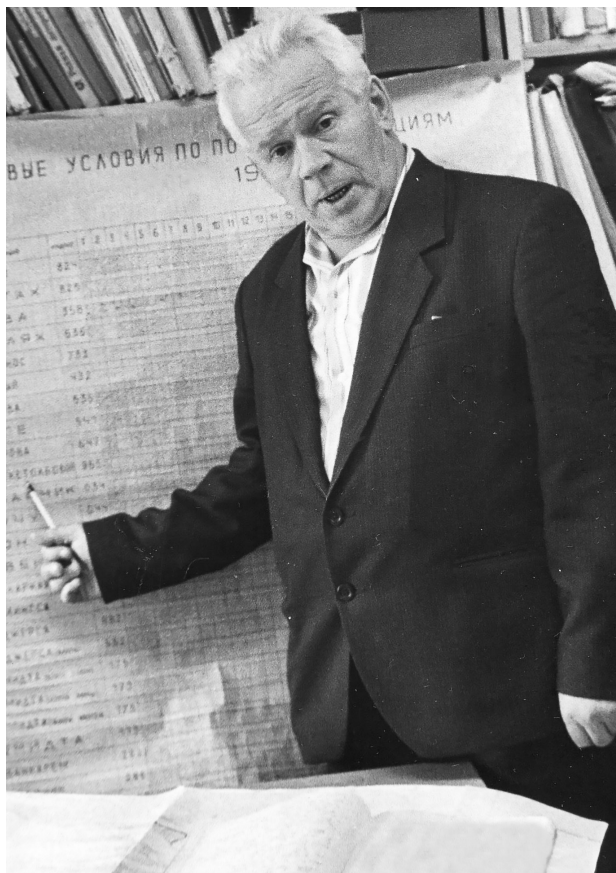
– Что же могло случиться? И если всё так серьёзно – куда выводить три атомных ледокола и другие суда с трассы Северного Морского пути, которая проходила в районе требуемого закрытия?

Прямая связь с Москвой обстановку не прояснила.

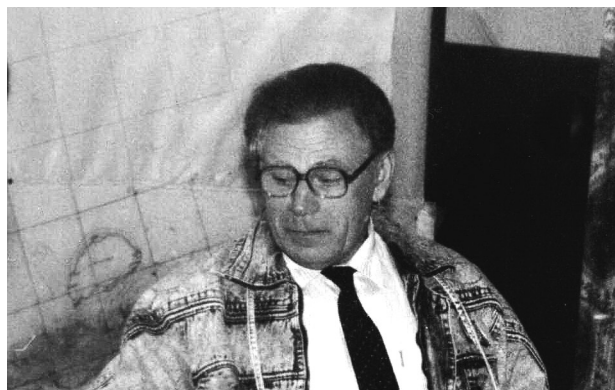
После продолжительной паузы из трубки подчёркнуто значительно сказали:

– Разберёмся, сообщим.

В штабе наступила гнетущая тишина, а к утру Москва сообщила, что стратегические бомбардировщики Ту-95 летят бомбить припай у посёлка Мыс Шмидта.

Руководитель научно-оперативной группы Восточного района Арктики В.Н. Купецкий докладывает ледовую обстановку. 1994 год.

Штаб морских операций Восточного района Арктики В.П. Жеребятьев. Горячая осень 1994 года.

Рекомендаций и комментариев и, тем более, руководства к действию в министерской радиограмме не было. Владимир Петрович остался с проблемой один на один. Одно было совершенно ясно: авантюрную бомбардировку требовалось остановить.

Почти мгновенно были составлены и разосланы по имеющимся каналам связи радиограммы в различные военные ведомства о недопустимости бомбометания возле арктического посёлка.

– У них же там стёкла во всех домах взрывной волной выбьет, им потом пароход с оконными стёклами понадобится, на дворе морозы стоят, – авторитетно заявил по этому поводу эрудированный диспетчер, аккуратно раскладывая штабную документацию на рабочем столе.

Срочно было проведено совещание с участием представителей научно-оперативной группы гидрологов, синоптиков и их руководителей.

– Опыт бомбардировок гряд торосов Чаунской губы в шестидесятые годы показал бесполезность этого занятия. Пятисоткилограммовые бомбы взрывались, не причиняя существенных разрушений ледовому барьеру, сидящему на грунте на глубинах 15–20 метров и возвышавшемуся над водой на 5–7 метров. Протяжённость его составляла несколько десятков миль. Что-то подобное наблюдается сейчас на Шмидте с той лишь разницей, что сейчас глубокая осень, и в море идёт интенсивное лёдообразование, – начал свой доклад начальник научно-оперативной группы Валерий Николаевич Купецкий.

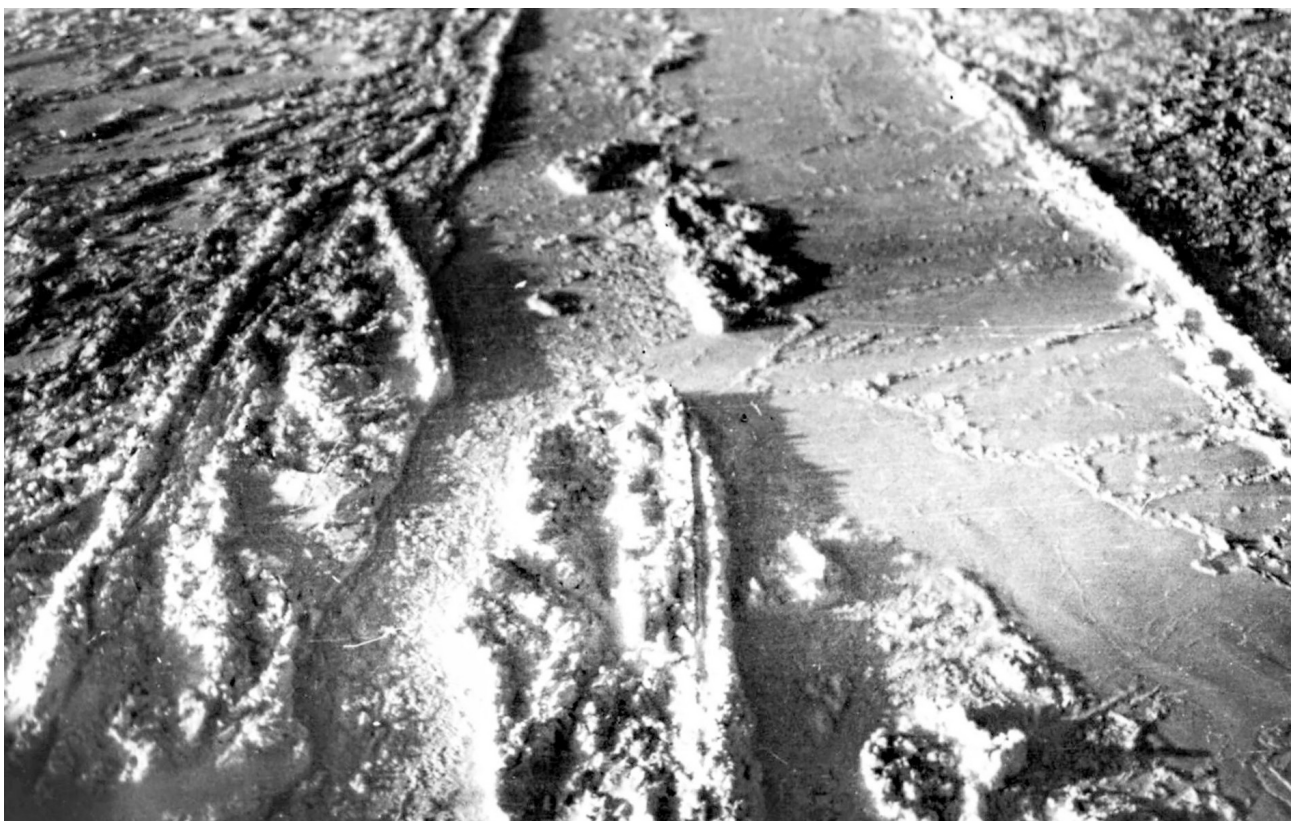
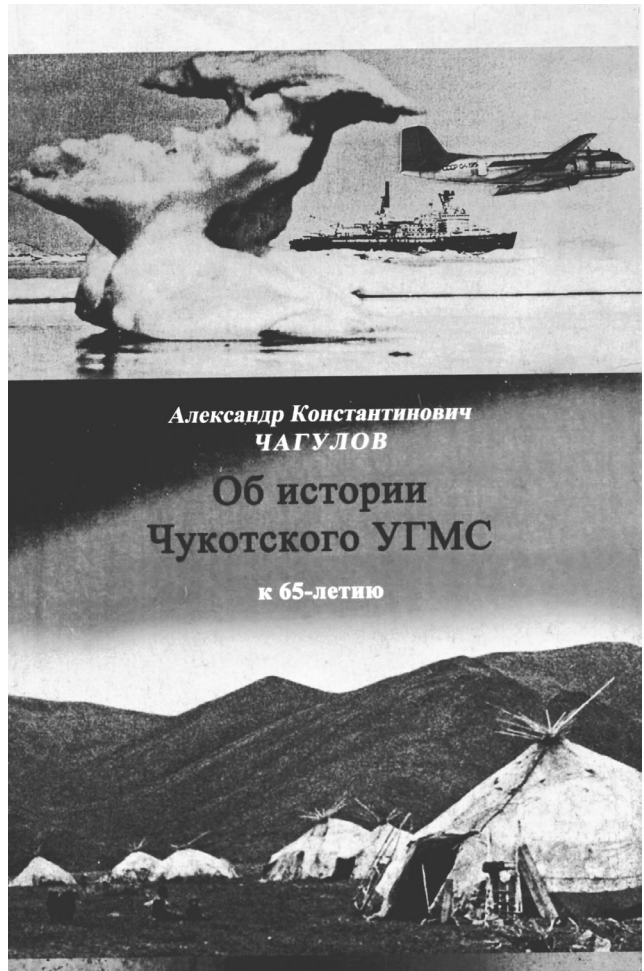
– В настоящий момент ширина припая* у посёлка по данным вчерашней ледовой разведки 12–15 миль. Он сильно застамушен, а это значит, что огромные прошлогодние льдины сидят на грунте и скреплены между собой молодым льдом, который северными ветрами и сильным сжатием набит между стамухами** до дна. Кроме того, к припаю прижат десятибалльный ледовый массив*** с преобладанием многолетних паковых льдов****. То есть, даже если удастся разрушить припай, что, на мой взгляд, совершенно невозможно, расплываться его обломкам будет некуда. А синоптики в ближайшее время прогнозируют продолжительные северные ветры по всему нашему району, значит, между припаем и массивом будет мощное сжатие с образованием новых гряд торосов, – закончил свой доклад Валерий Николаевич.

– И точность бомбометания Ту – 95-х не ахти, – «вставил свои пять копеек» эрудированный диспетчер.

– И ещё: на рейде посёлка в пятидесятые годы утопи-

Совершенно непроходимые для ледоколов льды Чукотского моря. Высота полёта самолёта 100 м. Высота торосов до 15 м. Фото С.А. Спирина.

Чукотское море. Смёрзшееся развodye за припаем. Высота полёта самолёта 100 м. Высота торосов вдоль развodyя 15-20 м.

СЕВЕРОМ ОВЕЯННЫЕ СТРОКИ

1. ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ ПРОТИВ ОЛЬГИ ГУССАКОВСКОЙ

Известно, что книга Г.М.Прашкевича¹ «Люди Огненного кольца» издана в Магадане в 1977 году и что это вторая книга

автора. (Первая книга – «XXII век. Сирены Летящей» – издана в Новосибирске в 1975 году). Однако эпопея с изданием книги в Магадане начиналась ещё в 1975-м, когда А.М. Бирюков ещё только-только приступил к работе главного редактора Магаданского книжного издательства.

Откуда в Магаданском издательстве появилась рукопись книги Прашкевича мне неизвестно, но известно, что А.Бирюков обратился по поводу рецензии этой рукописи к И.О. Фонякову² с письмом, в котором называет себя – «молодой главный редактор»:

193130, ЛЕНИНГРАД,
9-Я СОВЕТСКАЯ 15, КВ. 37
ФОНЯКОВУ И.О.

УВАЖАЕМЫЙ ИЛЬЯ ОЛЕГОВИЧ!
Наше издательство получило рукопись

от новосибирского (в недалёком прошлом и сахалинского) писателя Геннадия Прашкевича, стихи которого неоднократно печатались у нас в газете и альманахе «На Севере Дальнем». На сей раз рукопись прозаическая.

Думаю, что и Вам этот автор хорошо знаком по Новосибирску. Если переезд в Ленинград не нарушил Ваших связей с литературной молодёжью Сибири (а я слышан о том, как заботливо Вы её пестовали), не возьмётесь ли Вы отрецензировать прилагаемую к этому письму рукопись Геннадия Мартовича?

Илья ФОНЯКОВ

Если всё пойдёт так, как хочется молодому главному редактору, мы издадим эту книжку в 1978-м году (если, конечно, рецензент и соответствующие организации нас на это благословят). В случае, если рукопись Г.М. Прашкевича будет Вами одобрена, не возьмётесь ли Вы написать небольшое предисловие к будущей книге? Или, может быть, напишете рецензию так, что часть её можно будет использовать как предисловие?

Надеюсь, что эта просьба Вас не затруднит.

С уважением,

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ИЗДАТЕЛЬСТВА – А.М.БИРЮКОВ

*

На письмо Бирюкова И.О. Фояков ответил, и ответил достаточно благожелательно:

Ялта, 7 октября

Уважаемый товарищ Молодой Главный Редактор!

Вынужден обращаться к Вам таким образом, ибо имени и отчества Вашего, увы, не знаю, а книга Ваша, где все эти данные несомненно имеются, лежит у меня дома, в Ленинграде, сам же я пребываю в Ялте, в доме творчества, откуда и пишу это письмо.

Посылаю рукопись с рецензией и предисловием. Рецензия – безусловно положительная. С предисловием пришлось помучиться. По моим наблюдениям, предисловие как жанр сейчас переживает заметный кризис, своего рода инфляцию. Меня лично – как читателя – книга с предисловием более настораживает, чем привлекает. Поэтому в своём коротком слове я счёл возможным больше говорить об авторе, чем комментировать написанное им. Устроит ли такое? Если нет – обиды с моей стороны не будет. С другой стороны, я понимаю, что предисловие к книге может оказаться нужным по каким-то деловым соображениям...

Жаль, конечно, что мы вынуждены смотреть столь далеко в будущее – в 1978 год! Впрочем, время, к сожалению, летит быстро, и чем дальше, тем быстрее...

Желаю Вам всего доброго.

Искренне Ваш – Илья Фояков.

Ялта, 7 октября.

Уважаемый товарищ Молодой Главный Редактор!

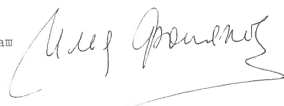
Вынужден обращаться к Вам таким образом, ибо имени и отчества Вашего, ~~не знаю~~, а книга Ваша, где все эти данные несомненно имеются, лежит у меня дома, в Ленинграде, сам же я пребываю в Ялте, в доме творчества, откуда и пишу это письмо.

Посылаю рукопись с рецензией и предисловием. Рецензия – безусловно положительная. С предисловием пришлось помучиться. По моим наблюдениям, предисловие как жанр сейчас переживает заметный кризис, своего рода инфляцию. Меня лично – как читателя – книга с предисловием более настораживает, чем привлекает. Поэтому в своём коротком слове я счёл возможным больше говорить об авторе, чем комментировать написанное им. Устроит ли такое? Если нет – обиды с моей стороны не будет. С другой стороны, я понимаю, что предисловие к книге может оказаться нужным по каким-то деловым соображениям...

Жаль, конечно, что мы вынуждены смотреть столь далеко в будущее – в 1978 год! Впрочем, время, к сожалению, летит быстро, и чем дальше, тем быстрее...

Желаю Вам всего доброго

Искренне Ваш

193/30 Ленинград

9-я Советская
д. 15 кв. 37.

*

На копии первого письма Бирюкова дата не стоит, а на единственном послании И.О.Фоякова – только месяц и число. Но обе депешки написаны и отправлены в 1975 году, и это легко установить, прочитав следующее письмо Бирюкова:

24/Х-75
193130, ЛЕНИНГРАД,
9-Я СОВЕТСКАЯ 15, КВ. 37
ФОНЯКОВУ И.О.

УВАЖАЕМЫЙ ИЛЬЯ ОЛЕГОВИЧ!

Весьма признателен Вам за рецензию и предисловие. По-прежнему полон надежд на издание этой, симпатичной – что скрывать! – рукописи. Думаю, что в осуществлении этой затеи Ваши добрые слова о Геннадии сыграют свою роль. Ещё раз спасибо Вам.

*Главный редактор –
А.М.Бирюков*

*

В тот же день А.Бирюков пишет письмо и Прашкевичу:

24/Х-75
630072, НОВОСИБИРСК-72,
ул. Терешковой, 46, кв. 39
ПРАШКЕВИЧУ Г.М.

ДОРОГОЙ ГЕННАДИЙ МАРТОВИЧ!

Направляю только что полученную рецензию И.О. Фоякова. обрати внимание на замечание о герое «Столярного цеха». Может, правда, стоит его прописать пояснее? Илья Олегович написал и вступительную страницу. Высылаю тебе второй экземпляр – для сведения.

А как движется ещё одна повесть? Надеюсь, что эти бумаги тебя немного подтолкнут.

Тесен мир. И приехавший из Хабаровска Шульжик сказал, что знает тебя. А мы-то когда, наконец, увидимся?

*Всего доброго –
А.Бирюков.*

*

А вот и рецензия И.О. Фоякова на рукопись, которая и стала предисловием к книге Прашкевича:

Проза Геннадия Прашкевича.

Геннадий Прашкевич – журналист, но долгое время работал вулканологом на Сахалине, Курилах, Камчатке. С этим, кстати, связано название его книги – «Люди огненного кольца».

Геннадий Прашкевич – прирождённый литератор. Он работает в этом качестве много и интересно, обращаясь к различным жанрам. Занимается публицистикой. Пишет стихи. Переводил изящные миниатюры Ким Цын Сона – корейского советского поэта. Много времени отдал переводам современных болгарских поэтов; этот большой по масштабу труд опубликован пока лишь частично, но я, читатель, должен признаться, что именно благодаря Геннадию Прашкевичу во многом по-новому прочувствовал поэзию братской страны... В журналах и коллективных сборниках публиковались приключенческие и научно-фантастические повести Геннадия Прашкевича.

Не знаю кому как, а мне такая широта творческих интересов всегда была по душе.

В книге собрана проза Геннадия Прашкевича: шесть повестей о жизни, пять из них – о милом его сердцу Дальнем (я бы даже сказал – Самом Дальнем) Востоке. Думаю, читатель отметит и необычность композиции, и своеобразную остроту зрения автора. У Геннадия Прашкевича – свой почерк, свои герои, свой мир, который он хорошо знает. Он – писатель мыслящий, гражданин активный. Не так уж много можно назвать за последнее время произведений, в которых было бы с такой любовью сказано о людях труда, как это сделано в повести «Столярный цех»... И все пять курильских повестей тоже написаны с большой нежностью к этому далёкому краю советской земли и людям, работающим там.

Илья Фоняков

*

4/ХП-75
630072, г. Новосибирск-72,
ул. Терешковой, 46, кв. 39
ПРАШКЕВИЧУ Г.М.

ДОРОГОЙ ГЕННАДИЙ!

Шлю тебе, как обещал, 2-й экз. рукописи на предмет реализации предложений И.О. Фонякова («Столярный цех»). Ищу возможность представить тебя раньше, однако пока ничего определённого сообщить не могут. Надеюсь, что работа над последней повестью идёт успешно, и к Новому году ты её закончишь.

*Всего тебе доброго –
А.Бирюков.*

*

А.Бирюков, очевидно, приложил определённые усилия, и книга Г.Прашкевича увидела свет в 1977 году.

Перелистав статистический сборник «Книги Магаданского книжного издатель-

ства» за десятую пятилетку 1975–1980 гг. (Магадан, 1981), точнее – раздел XLVII «Художественная литература. Фольклор», я обратил внимание, что кроме нескольких переизданий (типа «Взятие Великошумска» Л.Леонова и сборника рассказов и повестей Л.Н. Андреева), все прочие книги – магаданских авторов. Возникает вопрос: какая ниточка связывала Бирюкова и Прашкевича, если главный редактор с Геннадием Мартовичем знаком формально, по переписке, но издаёт его повести? А в книге «Снимем необитаемый остров» (Магадан, 1973) повесть «Советы улетающим на материк» А.Бирюков посвятил Г.Прашкевичу?

В своих воспоминаниях³ Геннадий Прашкевич пишет о том, что на Сахалине набор его первого сборника стихов был рассыпан, но «Александр Бирюков в течение года перепечатал в «Магаданском комсомольце» почти все стихи из моей первой книги». И далее: «Когда я вернулся с Сахалина в Новосибирск, наша переписка приобрела какую-то фантастическую плотность».

Вопрос второй: каким же образом А.Бирюкову удалось «протянуть» рукопись совершенно не имеющего отношения к Магадану Прашкевича в план издательства, и издать книгу, да ещё раньше планируемого срока?

Конечно, этот вопрос риторический, ответа на него нет. Но я полагаю, что возможность издания книги Прашкевича возникла потому, что в том же 1975 году, А.М.Бирюков обратился к Ольге Гуссаковской, долгое время жившей в Магадане, и в 1968 году переехавшей в Кострому. Поэтому я предлагаю на время «оставить» Прашкевича в покое, и познакомиться с перепиской А.Бирюкова и О.Гуссаковской:

25/IX – 75
156026 КОСТРОМА
ЧЕРНОРЕЧЬЕ 20 КВ. 6
ГУССАКОВСКОЙ О.Н.

УВАЖАЕМАЯ ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА!

В плане редподготовки Магаданского книжного издательства на 1976 год

(выход в 1977-м году) значится Ваша рукопись «Семь весенних грёз. Повести и рассказы»⁴. <...> План уже побывал в Москве и в этой позиции оставлен без изменений. Однако в издательстве

этой рукописи нет. <...> Поэтому прошу Вас незамедлительно прислать рукопись в двух экземплярах.

Всего доброго.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ИЗДАТЕЛЬСТВА А.М.БИРЮКОВ

*

29– IX-75

Уважаемый Александр Михайлович!

Извините, если я перепутала Ваше отчество, мне более привычно Ваше имя... Это не так уж важно, верно?

Вы и порадовали, и озаботили меня: я ведь не думала, что речь о книге идёт всерьёз. Но, конечно, была бы очень рада, если бы книга вышла. Однако нужно подходить к делу реально. Повесть «Семь весенних гроз» я могу выслать немедленно, она пока никому не предлагалась. Но она – то же самое, что находящееся у Вас «Возвращение», просто это – окончательный вариант, разнящийся с предыдущим лишь в мелочах. Устроит ли она издательство?

Рассказы о Саныче должны пойти в мою книгу для «Современника». Там же и «Линия опасности»: книга в плане 76-го года и сейчас должна уходить в производство. Так что ещё?

Я возвращаюсь к мысли о переиздании «Перевала Подумай»⁵; само собой, доработанного. Вот эти две повести и составили бы, по-моему, неплохую книгу. Судьба «Перевала...» была трудной, но это, во многом, зависело не от меня, а от тогдашней обстановке в изд-ве. Книга стала ареной чужих страстей, а это никогда и ничего не улучшает. Между тем, она стоит того, чтобы к ней вернуться, я же это вижу... Была бы очень рада, если бы Вы согласились со мной.

Желаю Вам всего, всего доброго!

С уважением
О.Гуссаковская.

*

10/XI-75
156026 г. Кострома, Черноречье,
д. 20, кв. 6
ГУССАКОВСКОЙ О.Н.

Уважаемая Ольга Николаевна!

Очень жаль, что эта позиция в плане оказалась столь незащищённой. Ваше предложение едва ли укрепит её, так как отрицательное отношение к повести «Перевал Подумай» в издательстве сохранилось⁶. И получается, что мы имеем 4 листа (повесть «Возвращение») вместо 15-ти предполагавшихся. Боюсь, что в данной ситуации мне придётся искать замену, если

Вы нам больше ничего не предложите.

С уважением

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
А.М.БИРЮКОВ

*

На этом переписка и оборвалась. О.Н.Гуссаковская ничего не предложила издательству, и её книга ни в 1976, ни в 1977, ни в последующие годы в Магадане не издавалась. Но сняв с плана редподготовки, а, следовательно, и издания произведения Гуссаковской в 1977 году, Бирюков и вставил в образовавшееся «окно» книгу Г.Прашкевича. И мне подумалось, что как-то уж слишком быстро он это проделал. И Прашкевич зря сетует не некие возникшие сложности³ – от рецензии рукописи И.Фоняковым до издательства книги прошло всего два года!

***

¹ – Геннадий Мартович Прашкевич (родился 16 мая 1941 г.) – член Союза писателей СССР с 1982 года (Союза писателей России с 1992 года), Союза журналистов России с 1974 года, Нью-Йоркского клуба русских писателей с 1997 года, ПЕН-клуба с 2002 года. Заслуженный работник культуры РФ (2007), лауреат многочисленных премий, редактор издательства «Свиньин и Сыновья» (Новосибирск), занимается переводами с многих языков мира. Книги Геннадия Прашкевича издавались во многих странах мира.

² – Илья Олегович Фоняков (17.10.1935 – 23.12.2011) – известный советский российский поэт и переводчик.

³ – Г.Прашкевич. «Локоть друга». В кн.: «Он отдал себя Кольме...» Магадан, 2008. С. 64–68.

⁴ – думаю, в план редподготовки на 1976 год произведений О.Гуссаковской внесла Л.Н.Стебакова – предыдущий главный редактор издательства.

⁵ – повесть «Перевал Подумай» выпущена Магаданским кн. изд-вом в 1972 году.

⁶ – из-за отсутствия документов приходится только догадываться, о чём речь. Хотя перечитав книгу О.Гуссаковской «Перевал Подумай», ничего крамольного я в ней не обнаружил...

2. ВЛАДИЛЕН ИВАНОВИЧ КОЖЕМЯКИН (1931 – 16.10.1984 гг.)

Поэт, журналист, член Союза писателей СССР, автор семи книг стихов. Родился в г. Вятке (Киров). Окончил Литературный институт имени М.Горького. В 1956 году¹ приехал в Магаданскую область. Был на комсомольской, журналистской работе. Стихи публиковались в газетах «Комсомольская правда», «Магаданская правда», «Магаданский комсомолец», в альманахе «На Севере Дальнем», в журнале «Наш современник». В Магадане в 1960 году вышел первый сборник стихов В.Кожемякина «Жёлтая акация». В 1961 году уехал из Магадана. Работал в Куйбышеве на телевидении, в Союзе писателей, в газете «Волжская Коммуна». В.Кожемякин

автор сборников стихов «Полюс тепла» (1963), «Родня» (1974), «Дальняя дорога» (1977), «Отчая земля», «Ночная смена», «Потому что люблю» (1984). В. И. Кожемякин трагически погиб 16 октября 1984 года.

«Поэт гордится теми, кто вдохнул жизнь в холодную землю, проложил трассу через тундру и сопки, построил белый город у Охотского моря»² – так писал А. Пчёлкин в статье о В. И. Кожемякине. Поэтому его стихи и поэмы о России, о людях, которых он знал и любил, об их жизни и судьбах полны лиризма и любви.

«Погиб Владилен Иванович в самом расцвете своего таланта. Осталась оборванной буквально на полуслове поэма, над которой он работал. Погиб более чем странно и почему-то писательская организация, к которой он был приписан строкой и судьбой, не стала доискиваться до истины, настаивать на проведении расследования гибели поэта. Мистика судьбы Кожемякина в том, что его гибель пришла на очередную годовщину профессионального праздника Дня работников леса – русского леса, который в лице поэта потерял одного из самых вдохновенных своих заступников».

Диана Кан

Эту цитату я взял из Интернета, когда искал материалы о Кожемякине. И вот несколько писем из архива Магаданской писательской организации – переписка В. И. Кожемякина с А. М. Бирюковым.

Здравствуй Саша!

Несколько неожиданно для себя пишу это письмо, быстрее, чем собирался бы. А это значит, дело касается не меня, а друзей.

Вчера у меня был Володя Курбатов³ – давнишний друг Олега Куваева и мой, естественно. Правда, познакомились мы на похоронах Олега, но я знал его раньше из писем Олега. И это, как сказал бы он, человек достойный.

В разговоре выяснилось, что у Володи подготовлена и находится в вашем издательстве книга очерков. Книгу эту в своё время рецензировали Олег Куваев и А. Черевченко⁴. Оба одобрили и говорили об издании отдельной книги. Сейчас же, как опасается Володя, он может попасть в общежитие⁵ и ему этого не хочется. Я – оговорюсь сразу же – не знаю обстановки, не знаю очерков, но хорошо знаю Олега Куваева и в данном случае мне дорого его мнение на этот счёт. Думаю, что оно диктовалось не какими-то внелитературными заботами (Олег был честный человек в от-

ношениях с литературой), поэтому прошу тебя внимательно подойти к этому делу. Пожалуйста!

Добрались мы с Борисом благополучно, и здесь навалилась куча дел. Готовил свой сборник для «Молодой гвардии», заканчивал составление коллективного сборника местных поэтов «Рабочее утро» на 1976 год, писал свои стихи, добывал деньги журналистской работой, и вот сейчас сел за переводы с чувашского и башкирского. Сейчас вот готовил подборку стихов для журнала «Волга» и попутно перепечатал три стихотворения колымских. Посылаю их на всякий случай, может быть, подойдут для альманаха. Пока Колыму не трогаю – некогда. Вот поеду в Гагры в октябре в дом творчества, там, наверное, буду думать. Ну, а если эти стихи не подойдут по какой-то причине, то так и напиши. Ладно?

Будь здоров, старина! Успехов тебе творческих!

В. Кожемякин.
22.IX.75 г.

P.S. В Гагры я уезжаю 18 октября. В.К.

*

7.X-75
Куйбышев-30, ул. Никитская,
137, кв. 14
КОЖЕМЯКИНУ В.И.

Дорогой Владилен!

Стихи получили, будем предлагать в альманахах. Настораживает только то, что прислал ты не первые экземпляры. Не печатались ли эти стихи уже в какой-нибудь твоей книге или в толстом журнале? Если да, то мы их взять не сможем, к сожалению. Сообщи нам это побыстрее, до отъезда на юг. Ну, и шли стихи колымские, когда появятся.

Борису передай это предложение вместе с горячим приветом.

Книга Курбатова в нашем издательстве не планировалась. Он рассматривался лишь как соавтор книги очерков. Но сейчас и эта идея, кажется, рухнула, так как представленный им материал, по словам редактора, весьма невысокого качества. Я пишу это не в самом определённом тоне, так как сам ещё очерки Курбатова не читал (редактор сейчас болеет). Гарантирую объективное отношение. Ты ведь знаешь, что мы здесь шедеврами не избалованы, и если уж бракуем, то, значит, просто это ни в какие ворота не лезет⁶.

Не забывай нас. Всего тебе доброго.

Главный редактор
А. Бирюков

*

Здравствуй Саша!

Вторые экземпляры я послал потому, что первые ушли в Москву, в книгу, которая планируется (пока мной, к сожалению) на 1977 год.

Уже после письма к тебе собрал я десяток новых стихотворений и послал в журнал «Волга». Н.Благов мне ответил, что они дадут подборку в № 4 за 1976 год. А какие стихи отберут не сказал, т.к. ждёт редактора – Шундика (известного нам по альманаху «На Севере Дальнем»⁷ – мне, во всяком случае). Так вот, в числе других там есть и эти стихи. Но альманах выйдет раньше, наверное, да и вряд ли они в «Волгу» возьмут именно это. Если альманах выйдет позже апреля 1976 г. или в апреле – сообщи; вернувшись с юга, я смогу заменить стихи. Ну, и не пойдут, так Бог с ними.

Вот такие дела. Насчёт Курбатова – спасибо за разъяснения. Я знаю его только по письмам Олега, причём не в творческом плане, да вот было две личных встречи (тоже нетворческих). Я тебе объяснял, почему написал о нём, думаю, что ты меня понял правильно.

Сижу, перевожу поэму одного башкира о Якутии – довольно симпатично получается (увы: усилиями русского человека).

Как ни странно, немного грущу о Колыме – удивительно: до поездки туда, как-то этого не замечал. Видимо, магнитный полюс Земли находится, всё же, где-то на Севере. Это значит – будут стихи. А вообще, как-нибудь соберусь и напишу повесть о своей комсомольской юности там, у вас.

Вот всё. Спасибо за письмо. Ты очень внимателен и вежлив, как всегда...

Привет!

В.Кожемякин.
12.X.75 г.

*

24/X-75
Куйбышев-30, ул. Никитская,
137, кв. 14
КОЖЕМЯКИНУ В.И.

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ КОЖЕМЯКИН!

Как бы это мне тебя поделикатнее отругать? Ведь альманах-то наш выйдет не в апреле, а в июне. И нам негоже после «Волги» стихи публиковать. Значит, нужно что-то другое. Только прошу учесть, что редколлегия у нас состоится в середине (в крайнем случае – в конце) ноября. Так что, если хочешь – поспевай.

С неизменным уважением

А.Бирюков

*

Ответил Владилен Иванович что-нибудь Бирюкову – мне не известно. Более никаких писем в архиве я не нашёл...

***

- ¹ – в книге «Магадан. Рекомендательный указатель литературы» (Магадан, 1990) на с. 184 указано: «Приехал на Колыму в 1957 году». Чему верить?
- ² – «Северное притяжение». Стихи поэтов Северо-Востока. Магадан, 1983
- ³ – Владимир Сергеевич Курбатов – журналист, друг и коллега О.Куваева ещё по литературному объединению в Певеке. В книге «Портреты, сделанные по памяти» (Магадан, 1983), в статье «Довольны ли вы собой?..» В.Курбатов делится своими воспоминаниями о Куваеве. Здесь же приведены фрагменты писем О.Куваева В.Курбатову. Эти же письма приведены в третьем томе избранных произведений О.Куваева «Никогда не хочется ставить точку. Путевые очерки, выступления, дневники, письма» (Магадан, 2000).
- ⁴ – Червченко приехал в Магадан в 1971 году. Куваев в 1965 году уволился из СВКНИИ и уехал на Материк. Если они и рецензировали рукопись Курбатова, то, естественно, в разное время! Но рецензии я не обнаружил.
- ⁵ – под общезнаком, очевидно, следует понимать «коллективный сборник».
- ⁶ – ну, это как сказать!!!
- ⁷ – Николай Елисейевич Шундик – автор нашумевшего в своё время романа «Белый шаман». Здесь: «На Севере Дальнем» – это не альманах, а название повести Н.Е.Шундика (М.–Л., 1952. То же: Хабаровск, 1953). Возможно, по названию повести магаданский альманах в 1955 году и был назван – «На Севере Дальнем».

3. ЕВГЕНИЙ ФРОЛОВИЧ РОЖКОВ (14.01.1943 – 21.04.2009)

Е.Ф. Рожков родился 14 января 1943 года в посёлке Батьки Рязанской области. В 1956 году семья переехала на Кубань. В 1957 году поступил в Славянский сельскохозяйственный техникум (г. Славянск-на-Кубани) на зоотехническое отделение. В сентябре 1961 года по направлению приехал на Чукотку. Более двух лет работал

зоотехником в Алькатваамской тундре, потом служил в Советской Армии в Хабаровске. В 1966 году Е.Рожков вновь вернулся на Чукотку. Работал корреспондентом радио, заворгом Чукотского окружкома ВЛКСМ, на стройках Анадыря, побывал во всех посёлках Чукотки.

Первый рассказ опубликован газете «Советская Чукотка» в 1962 году. Позже рассказы печатались в альманахах «На Севере Дальнем», «Родники», «Мы – молодые» издательства «Молодая гвардия», в ежегоднике «Рассказ – 1979», различных журналах.

В 1974 году Евгений Рожков участвовал в Иркутском зональном семинаре молодых литераторов. В 1975 году был участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей, на котором рекомендован в члены Союза писателей.

В 1975 году в Магадане вышел первый сборник рассказов «Дикий зверь кошка» на русском и чукотском языках. Книги Евгения Рожкова издавались в Москве, Магадане, Владивостоке.

В 1977 году Е.Рожков принят в члены Союза писателей СССР. В 1981 году окончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Более десяти лет являлся председателем Чукотского литературного объединения. С 1987 года работал литературным консультантом Магаданской писательской организации по Чукотке. Редактировал первую чукотскую литературную газету «Ярар»¹, выходившую в 1990–1991 годах².

*

Сложен и извилист путь художественного произведения от автора к издателю, от сотворения книги к читателю. Я уже рассказывал, как не смогли пробиться к магаданскому читателю произведения Л.Вакуловской³ и В.Шенталинского⁴. Сколько ни старался Б.А. Василевский⁵ пристроить свои рассказы в Магаданское книжное издательство, все его попытки также оказывались тщетными. Кроме самой первой книги «Новые встречи», вышедшей в 1972 году, в которой «опубликована большая подборка рассказов» Б.Василевского, все остальные его книги увидели свет в Москве. И ещё одна – «Wiosna na kolei : powiew powelach» – в 1984 году в Варшаве.

А как трудно пробивала себе дорогу повесть З.Лихачёвой «Деталь монумента»!

Похожая картина складывалась и у Е.Рожкова при подготовке его первой книги. В этой связи интересно письмо А.Мифтахутдинова о творчестве Е.Рожкова руководству книжного издательства, которое я привожу ниже:

Мифтахутдинов, Кымытваль, Эдидович, Рожков

ДИРЕКТОРУ КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОРОЗОВУ П.Г.
ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
СТЕБАКОВОЙ Л.Н.

В Магаданской писательской организации все прочитали рукопись Е.Рожкова. Мнение у всех единодушное – самое положительное.

В писательской организации совместно с автором проведена над рукописью определённая работа – в основном по составлению будущей книги. В итоге – восемь рассказов из первоначального варианта рукописи изъяты («Солнечная печаль», «Чёрное пианино», «Рано, рано утром», «Приписка», «Музыка снега», «Дунино впечатление», «Летний роман»).

Решено исключить их из сборника не потому, что они плохи или не отвечают современным требованиям. Эти рассказы нарушают общее впечатление от творчества Рожкова – ведь писательская организация заинтересована в том, чтобы книга была северная, чукотская, а действие этих рассказов происходит в Крыму (в Ялте), и при их опубликовании общий колорит книги был бы нарушен, а этого допустить нельзя, поскольку дебют в литературе важен всем – и автору, и писательской организации, и издательству. Автор с нашими замечаниями согласился.

По нашей рекомендации в книгу включены новые рассказы. Это ранее опубликованные «Человечки из железного ящичка», «День признания», «Людкин морж», и ранее не публиковавшиеся произведения «Сердце неубитого медведя» и «Весеннее небо».

Таким образом, рукопись в теперешнем её состоянии представляет собой сборник рассказов, куда вошли тринадцать⁶ рассказов. По объёму это что-то около одиннадцати листов.

Мы послали книгу на рецензию В.Колыхалову, который представлял рассказ Рожкова в московском альманахе

«Родники». Колыхалов прислал на рукопись рецензию «Светлая проза». Эту рецензию можно считать уже готовым предисловием к будущей книге.

Помимо того, что проза Рожкова действительно светлая, она трудная, он своеобразный писатель, очень оригинальный, и только вдумчивая и заботливая работа редактора может сохранить всё обаяние этой прозой.

Однако, судя по тому, что редакторское заключение на первый вариант рукописи писал А.Хилобоченко (где показал достаточно свою несостоятельность), ему поручат и дальнейшую работу над книгой, с чем писательская организация не может согласиться, мы категорически против.

Любой писатель нашей организации готов взять на себя редакторскую работу над книгой. Эти же просьбы высказали в своё время Ю.Васильев и В.Колыхалов. Эти предложения издательство может только приветствовать. Совместная заинтересованность издательства и Союза писателей поможет рождению ещё одного автора – молодого писателя, чей талант несомненен.

А.Мифтахутдинов
Магадан
27 февраля 1975

*

Тут необходимо добавить, что «...рукопись его (Рожкова. – С.С.) сборника рассказов в 1970 году обсуждалась на семинаре. <...> И взгляды на неё не были однозначны. Некоторые из участников семинара высказали автору серьёзные замечания, обратив внимание на <...> неоправданную романтизацию наиболее тёмных, негативных сторон тундрового быта оленеводов»⁷.

Однако в этот раз магаданским писателям удалось переломить пагубную тенденцию – то ли благодаря письму ответственного секретаря Магаданской писательской организации А.Мифтахутдинова, то ли по причине пятилетней работы автора над своей рукописью. И книга Е.Рожкова «Дикий зверь кошка» в том же 1975 году с предисловием В.Колыхалова вышла в Магаданском книжном издательстве. Более того, в том же году издательство выпустило её и на чукотском языке!

*

Две следующие книги Е.Рожкова вышли в Москве. В 1977 году в издательстве «Молодая гвардия» – сборник рассказов «Белым-бело», в 1980 году в издательстве «Современник» – «Осень без любви». И в 1977 году, после выхода первой книги автора в центральном издательстве, Евгения

Фроловича принимают в члены Союза писателей СССР. К сожалению, в архиве не оказалось ни одного документа, касающегося процедуры приёма. Жаль, конечно. В таких документах – автобиографии, протоколы, рекомендации – зачастую можно «откопать» удивительные штрихи к портрету с одной стороны, и отношение собратьев по перу – с другой...

*

Но и родное, Магаданское книжное издательство не забывает Е.Рожкова. Свидетельство тому – письмо главного редактора:

10/П-78
686710, АНАДЫРЬ,
УЛ. ОТКЕ 34-Б, КВ. 5
РОЖКОВУ Е.Ф.

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ ЖЕНЯ!

Что-то не вижу я твоей рукописи, хотя по телефону ты говорил, что готов её прислать для обсуждения в Союзе. Или не перепечатал ещё?

Тороплю я тебя потому, что может так получиться, что появится у нас возможность издать твою книгу не в 80-м году, а в 79-м. Те же 12 листов. Вот я и хочу, чтобы ты мобилизовался и побыстрее заканчивал работу. Напиши, возможно ли это? И, если уже сейчас есть что-то (пусть не всё) готовое – высылай.

Привет твоей дружной семье.

С уважением –
А.БИРЮКОВ.

О какой рукописи говорится в письме? Этого мы уже не узнаем, поскольку это единственное сохранившееся в архиве письмо из возможной переписки Е.Рожкова с Магаданским книжным издательством. И книга Евгения Фроловича «Мужчины, рождённые в январе» была выпущена не в 79-м, и не в 80-м, а в 1982 году.

*

Исх. № 16

Женя, здравствуй!

Постановление Секретариата Большого Союза от 31 янв. тек. года посвящено вопросам подготовки к празднованию 40-летия Победы в мае 1985 г. Не перечисляю все пункты, но кое-какие положения, возможно заинтересуют ребят.

Рекомендуется, к примеру, провести совместные заседания с политорганами по согласованию планов конкретных мероприятий, связанных с подготовкой к празднованию, а также по дальнейшему расширению и углублению творч. связей и шефских контактов с воинами всех родов; система

тически организовывать творч. встречи в частях и соединениях погранвойск, уделяя особое внимание дальним гарнизонам.

Секретариат просит Глав. политупр. СА и ВМФ организовать выезды бригад писателей в Группы сов. войск за рубежом, а также выходы литераторов на кораблях ВМФ в дальние походы и на боевую службу. «Считать чрезвычайно полезным участие писателей в войсковых и флотских учениях, с непременно последующим отражением своих впечатлений в органах массовой инф-ции и в своих пр-ниях, поставить вопрос о стажировке в войсках и на флотах молодых писателей и литераторов-офицеров запаса».

Так или иначе, а какой-то планчик мероприятий в этом разрезе составить надо, подумай, поговори с ребятами и политотдельцами, подключи окружкомы партии и комсомола, а мы тут что-нибудь покумекаем.

Я снова прикован цепями к радио-тачке⁸, изредка убегаю, но даже трубку не снимаю до 18⁰⁰.

Всем привет. Обнимаю тебя – Анатолий.

4.04.84 г.

*

Писем Евгения Рожкова в архиве Магаданской писательской организации сохранилось не так много.

Толя, дорогой, здравствуй!

Только, только получил от тебя письмо. Спасибочки!

Сажу на радио и пишу тебе. Только что закончил передачу об Олеге Куваеве. Ему, как помнишь, 12 августа исполнилось бы 62 года.

В большом Доме радио пусто – все в отпусках. С сегодняшнего дня (15 августа) я даже временно назначен и.о. зам. преда по радио. А в месяц 45 часов нашего вещания. Норма у нас 2,5 часа в месяц, а я наматываю 6-7 часов. Да ещё около часа моих передач на телевидении – веду рубрику хроникальную «По волнам нашей памяти».

Затеял ремонт в квартире – это в наши дни равно сумасшествию. Того нет, этого тоже не. А цены!..

Состояние литературных дел. Зоя Ненлюмкина постоянно находится в доме для психически больных. Иногда её выпускают и она приходит ко мне на работу. По радио передавал её стихи и очерки.

Коля Калачёв работает директором автобусной базы г. Анадыря. Хорошая зарплата, машины и прочее. Я тебе писал, что в Москве у него вышла детская книга.

Очень яркая и интересная⁹. Вчера записал его на радио. Попросил, чтобы он выслал тебе книгу на домашний адрес.

На Чукотке денег нет, даже не выделяют денег библиотекам на подписку газет и журналов. Газета «Крайний Север» – тираж упал до 2 тыс. экз. В основном расходуется по Анадырю – по округу нет денег.

Лето нынешнее дождливое, но грибов почти нет. Уродилась голубика. Я ещё не ходил в тундру – работа.

Пару раз был на рыбалке с выпивкой – не отдохнул, а больше устал (похмелье).

Сегодня прилетает из Москвы наш губернатор А.Назаров, большая группа депутатов из Федерального собрания и мэр Москвы Лужков. Будут решать, как спасти Чукотку от банкротства. А может, летят просто порыбачить? Рыба в этом году идёт хорошо.

Теперь о твоём предложении. Оно, как мне мыслится, разумное и верное. Копейки зарплаты могли бы решить вопрос моей поездки в Магадан. Сроки можно оговорить. Шмелёва Люда (она теперь шеф телерадиокомпании) даёт добро на половину оплаты командировки. <...>

Только формально Магаданская пис. орг. едина, но фактически, разделившись, мы перестали существовать. Не считая Зою Ненлюмкину, у нас фактически два члена, а у вас, если вышел из рядов Бирюков?

Что сказать о жизни? Физически и душевно я бодр. Ещё с надеждой смотрю на женщин и их ножки. Хорошо думается о друзьях, а бывшее ещё не стало основой памяти. Плохо, что почти ничего не написал за этот год. Помыслы есть, но как подумаешь, что издание – это жуть, то и ... Подождём чуть-чуть! Авось успокоится время, а жизнь просветлеет. <...>

Поклон тебе от всех самоедов-литераторов в Анадыре: Вэкет, Омрувье (редактор приложения в газете на чукотском языке), Ачиргиной (на пенсии, а работает в научн. центре), Гажи (в отпуске на материке), Ледовского (собирается по слухам в Магадан), Носкова (он теперь работает в правительстве Президента (Чукотки. – С.С.). Уехал на материк Поломошнов, собирается уехать Кухаренко.

Я не собираюсь уезжать. В будущем году, возможно, оплатят дорогу в отпуск – о, какое счастье!

Поклон всем! Тоне Кымытваль – персонально!

Спасибо, что дорогими стали переговоры: будем писать друг другу. Думаю, не доживём до того времени, когда конверты станут настолько дорогими, что мы не сможем писать друг другу. Хотя бумага уже...

У нас пачка обычной бумаги в магазине стоит 120 тыс. руб.

Прости, что поэму твою ещё не прочитал. Хочется почитать в спокойной обстановке – с толком и обдумыванием. Да, и будет повод ещё раз написать тебе.

Да, дорогой, 21 сентября у тебя Дата! Пришли стихи или что-то из воспоминаний. Хорошо бы запись голоса. Подумай!

Ещё раз поклон всем!

Ну, Пчела, как приеду, проверю на прочность все диваны на твоей даче!

Бди жизнь!

С улыбкой – Евг. Рожков. Обнимаю!

15.08.1996 г.

Анадырь, Чукотка, Радио, кабинет № 6 (хоть не палата по Чехову).

*

И вот на чём я хотел бы остановиться. В письме от 24.07.1997 г. Евгений Рожков выслал Пчёлкину информацию о Чукотском литературном музее.

*

Как пишет в своей достаточно пространной на семи листах записке старший научный сотрудник Чукотского окружного краеведческого музея Екатерина Павловна Отке, «в структуре культурных учреждений он (музей. – С.С.) не оформлен самостоятельной единицей, а просто в краеведческом музее есть сотрудник <...>, занимающийся вопросами истории развития литературы Чукотки. <...> Давно литераторы Чукотки поняли, что надо создать свой музей. <...> Музей постоянно оформляет литературные выставки, рассказывающие о творчестве и биографиях писателей Чукотки, о юбилейных датах. На каждой выставке используются от 50 до 200 экспонатов.

Мы знаем, что надо сохранить небольшое литературное наследие. Всё дорого нам: книги, фотографии, рукописи».

Остаётся только с сожалением констатировать, что в Магадане такого музея нет, хотя идея его создания периодически «выплывает» на повестках различных заинтересованных структур...

***

¹ – газета «Ярар – самостоятельное периодическое издание литераторов Чукотки, инициатором выпуска и редактором которой являлся Е.Ф. Рожков. Первый номер газеты вышел 22 августа 1990 года, последний номер датирован апрелем 1991 года. Судя по всему, из-за финансовых проблем, идея выпуска газеты развалилась. Но 17 декабря 1991 года «Ярар» вышел как приложение к газете «Советская Чукотка», точнее – газета в газете. Номер полностью посвящён трагическому уходу из жизни Альберта Мифтахудинова. Но это – единственный случай, больше таких повторений не было.

² – «Писатели Чукотки». Библиографический справочник. Выпуск 1. Анадырь, 1993. С. 95-96.

³ – С.И. Суцанский. «Вакуловская Лидия Александровна. Женский голос магаданской литературы». В кн.:

«Магаданский краевед: сб. ст. Вып. 2». Магадан. Издательство «Охотник», 2015. С. 112-118.

⁴ – С.Суцанский. «Виталий Шенталинский: «Эпистолярный волейбол», в котором он тогда проиграл...». «Колымский тракт», № 47 от 19.11.2014. С. 18–19.

⁵ – С.Суцанский. «Каков привет, таков и ответ». «Северная надбавка» № 46 от 16.11.2016. С. 18–19.

⁶ – в книгу «Дикий зверь кошка», выпущенную в 1975 году в Магаданском книжном издательстве, вошли одиннадцать рассказов.

⁷ – К.Николаев. «Слово и мысль писателя. Из наблюдений над первыми книгами магаданских литераторов». Альманах «На Севере Дальнем», № 1, 1976. С. 102–108.

⁸ – так в тексте!

⁹ – Николай Иванович Калачёв (11.05.1948 – 19.07.2008). Член Союза писателей России (1992). Автор книг «Оставь свой след» (Кемерово, 1986), «Косолапые сказки» (М., 1996). В 2008 году с произведением «Кошачий тустеп» (М., 2008) стал победителем VII конкурса им. Юрия Рытхэу. Умер во время вручения наград лауреатам конкурса.

¹⁰ – для какой цели Е.Рожков направил А.Пчёлкину информацию о Чукотском литературном музее, осталось неизвестным.

4. ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ПЕНЗИН (1934 – 18.05.2003)

Геолог, инженер, кандидат геолого-минералогических наук. Вся трудовая жизнь – более 30 лет – прошла на Колыме. Работал главным геологом Кадыкчанской углеразведки, Аркагалинской геологоразведочной партии.

Его рассказы, рецензии и эссе печатались на страницах местных газет, в альманахе «На Севере Дальнем». В 1996 году во Владивостоке вышла первая книга рассказов Ю.Пензина «В чужой колее». За сборник рассказов «К Колыме приговорённые» (Магадан, 2001), Юрий Петрович удостоен звания лауреата премии литературного конкурса имени Ю.С. Рытхэу в номинации «Проза» в 2002 году¹.

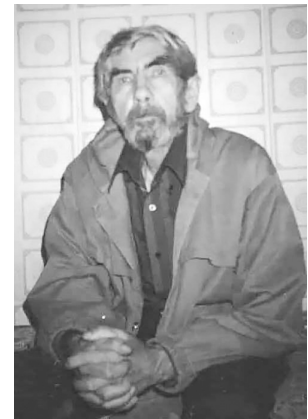
После Колымы жил во Владивостоке.

Умер в г. Партизанске Приморского края 18 мая 2003 года.

*

В предисловии к книге Ю.Пензина «К Колыме приговорённые», С.Бахвалов пишет: «...Профессиональная занятость Пензина не оставляла времени для литературного творчества. ...Лишь выйдя на пенсию, Юрий Петрович взялся за перо».

Утверждение Бахвалова глубоко ошибочно, ибо в архиве Магаданской писательской организации хранятся документы о том, что Ю.П. Пензин литературным трудом начал заниматься, ещё работая в

Аркагалинской геологической партии. Во всяком случае, в своём письме, датированном декабрём 1986 года, и которое я привожу ниже, и с которого начинаю документальный очерк о писателе-геологе Пензине, обращаясь к директору Магаданского книжного издательства Б.М. Черемных, он пишет:

Многоуважаемый Борис Михайлович, владивостокские геологи, ознакомившись с рукописью книги «Колыма и Чукотка – миллионы лет назад», решили дать на неё свой отзыв. Высылаю его Вам, надеясь, что он своей эмоциональной окраской не испортит Вашего впечатления от рукописи книги.

Поздравляю Вас и Ваших коллег с наступающим Новым годом. Больших успехов Вам в Вашем истинно благородном деле.
12.12.1986 г. Пензин Ю.В.

ВХ. № 494 от 26 декабря 1986 г.
«Рукопись с ответом возвращена автору».
Н.Пугачёва

г. Пугачёва Н.В.
К рукописи Ю.П. Пензина -
Министерства
Борис Михайлович,
Владивостокские геологи, ознакомившись
с рукописью книги «Колыма и
Чукотка - миллионы лет назад»,
решили дать на неё свой отзыв.
Высылаю его Вам, надеясь, что он
своей эмоциональной окраской
не испортит Вашего впечатления
от рукописи книги.
Поздравляю Вас и Ваших
коллег с наступающим Новым
годом. Больших успехов в Вашем
истинно благородном деле.
Ю.П. Пензин
12.12.1986 г.

Замечание к рукописи Ю.П. Пензина от 1.12.86 г. Пугачёва Н.

9.1.87 г.

*

К письму Пензин приложил Протокол заседания НТС (очевидно – Научно-технического совета. – С.С.):

Министерство угольной промышленности СССР
ВГО «Союзуглегеология»
Трест «Дальвостуглеразведка»

ПРОТОКОЛ
«20» октября 1986 г.
г. Владивосток

Заседание НТС треста по рассмотрению монографии Ю.П. Пензина «Колыма и Чукотка – миллионы лет назад».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: главный геолог треста В.И. Подолян
СЕКРЕТАРЬ: старший геолог ГО В.А. Челпанов

ПРИСУТСТВОВАЛИ:
от геологического отдела – начальник Б.В. Брагин, ст. геофизик В.Н. Овсеенко,

ст. гидрогеолог А.А. Луговой, ст. геолог Е.П. Знатнова, геолог М.П. Правдинец, геофизик Е.С. Никифорова;

от партии Новой техники – начальник К.П. Медведев, ст. геолог И.И. Юсупов;

от тематической партии – начальник Я.В. Медведев, ст. геолог С.А. Силаев, Н.Г. Иванов, Г.Г. Мороз, ст. гидрогеолог Т.Н. Елисафенко.

Заслушав и обсудив монографию Ю.П. Пензина «Колыма и Чукотка – миллионы лет назад»

НТС ОТМЕЧАЕТ:

В своей монографии автор в популярной, увлекательной и дискуссионной форме рассказал о тех изменениях тектонического режима, климата, физико-географических условий и форм жизни на земле, которые произошли в течении изученной истории геологического развития на Чукотке и Колыме. Эта работа – раздумье об изначальности, закономерности и красоте природы и месте в ней человека, месте и значимости геолога в познании её

тайн, в прочтении открытой книги природы, оставленной нам в камне горной породы. Насыщенная идеями многих учёных и высказываниями современных дальневосточных писателей, работа читается легко и заставляет задумываться: а что же сделали мы, какой след оставили на земле?

Конечно, есть в работе отдельные недостатки, мелкие неточности и даже противоречия. Отдельным геологам, занимающимся исследованием геологии районов Колымы и Чукотки, что-то может представиться даже в принципе неверным. На это можно возразить лишь одно – пусть тот, кто считает высказанную версию неправильной, напишет свою работу о Колыме и Чукотке миллионы лет назад.

НТС ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Можно только приветствовать публикацию этой монографии в Магаданском книжном издательстве.

Председатель /подпись/ В.И. Подолян
Секретарь /подпись/ В.А. Челпанов

*

Несмотря на столь существенную поддержку коллег-геологов, рукопись книги

Ю. Пензина к работе издательством принята не была, о чём свидетельствует приписка Н. Пугачёвой на письме Пензина.

Прошёл год, и Юрий Петрович вновь обращается к Б.М. Черемных:

Директору Магаданского областного
книжного издательства
тов. Черемных Б.М.

В сентябре 1986 года мною в Магаданское издательство была направлена рукопись книги «Кольма и Чукотка – миллионы лет назад». В связи с тем, что в конце этого же года издательство выпустило книгу А.А. Сидорова «В миллионлетие прошлого», в публикации моей книги в ближайшее время было отказано. (Ваш № 26 от 13.01.87 г.)². Внимательно ознакомившись с этой книгой, я убедился в том, что она и моя книга близки только по названию. По содержанию же в первой речь идёт о том, что в течение этих происходило в недрах Земли, во второй – на её дневной поверхности.

Учитывая это, свою книгу я назвал «Ландшафты в камне» и внёс в её содержание соответствующие этому изменения и дополнения. Теперь обе книги хорошо дополняют друг друга.

Прошу рассмотреть её и, если она заслуживает издания, дать на это разрешение.

*Ведущий геолог Аркага-
линской геологической пар-
тии,*

*к.г.-м. н. – Пензин Ю.П.
20.12.1987 г.*

*

Магаданское книжное издательство направило рукопись Пензина на рецензию в СВКНИИ:

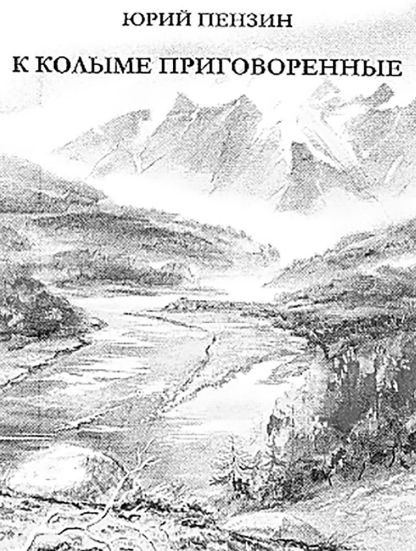
20 января 1989 г.
Директору СВКНИИ
г. Магадан, ул. Портовая, 16
Сидорову А.А.

*Уважаемый Анатолий
Алексеевич,*

просим Вас (согласно предварительной договорённости) рассмотреть рукопись Ю.П. Пензина «Ландшафты в камне» и дать заключение о возможности её публикации.

Оплату труда рецензента издательство гарантирует.

Зав. редакцией массово-политической литературы

Н.А. Сулова

*

Из СВКНИИ было получено положительное заключение, о чём заведующая редакцией массово-политической литературы Н.А. Сулова информирует Пензина:

7.06.89 г., исх. № 276
г. Пензину Ю.П.
686350, п. Кадыкчан, Магаданской обл.,
ул. Школьная 1, кв. 28

Уважаемый Юрий Петрович, Ваши «Ландшафты в камне» получили положительную рецензию специалистов.

Буду предлагать её руководству для издания.

С уважением.

*Зав. редакцией
массово-политической литературы
Н.А. Сулова*

*

Уважаемая тов. Сулова Н.А.

(простите, не знаю Вашего имени и отчества), приятное сообщение о том, что моим «Ландшафтам в камне» дана положительная рецензия, получил.

Большое спасибо за сообщение.

12.06.89 г. Пензин Ю.П.

*

Однако и эти хлопоты оказались пустыми: в Магаданском издательстве книга из рукописи не получилась.

Занявшись подготовкой документального очерка о Пензине, я тщательно пересмотрел в с е (разрядка моя. – С.С.) выпуски альманаха «На Севере Дальнем» за период 1980–91 гг. (Как известно, с 1992 по 2001 год включительно альманах не выходил). Оказалось, что за всё это время, в альманахе у Пензина была единственная публикация – его очерк о сборнике стихов А.Пчёлкина «Комната эха»³. И ещё одна публикация – отрывок из повести в сборнике новых произведений магаданских писателей «Снегозор»⁴.

И всё. И уже уехав с Колымы и, видимо, отчаявшись искать спонсоров, Ю. Пензин обратился к Анатолию Пчёлкину:

*Дорогой Анатолий Александрович,
с наступающим Вас Новым годом! Уда-
чи Вам и радости, крепкого здоровья, а
главное, творческого настроения.*

Что происходит на нынешней Колыме, я не знаю. Странно: в средствах массовой информации о какой только территории страны не говорят – это и Приморье, и Восточная и Западная Сибирь, и Урал, и ЦРС, а о Колыме практически ни слова. Видимо, это от того, что или не знают, или говорить о ней стыдно.

В том, что Колыма в информационном смысле – это белое пятно или чёрная дыра, я убедился по отзывам владивостокцев на свою повесть. Она не опубликована, но ходит по рукам в рукописи. «Не может этого быть», – говорят мне. Хотя, конечно, и здесь, в Приморье, не сахар. Видимо, правда: нигде не бывает так плохо, чтобы в другом месте не было хуже.

А что касается публикации повести, то здесь, например, через местную, уже давно беситанную писательскую организацию⁵, это полностью исключено. Нахожу контакт с местными инициаторами (в основном, молодыми) самодеятельного развития творчества, например, с бродячей с гитарами группой «Перекрёсток», с клубом «Поиск» и др., и пытаюсь с ними в компьютерном варианте опубликовать и рассказы свои, и повесть отдельной книжкой. Надежды на финансовую помощь со стороны «Росугля», о чём я писал Вам раньше, мало.

Разумеется, хотелось бы, чтобы Вы, Анатолий Александрович, прочли, наконец-то, выданную мной на пишущей машинке эту повесть, и дали ей профессиональную оценку. Объём её – около 4-х печ<атных> л<истов>. В целом же, с рассказами книжка «тянет» на 11 печ<атных> л<истов>.

Черкните, дорогой Анатолий Александрович, о себе хоть пару строк. А я здесь, ровно в полночь по магаданскому времени, на Новый год за Вас пропущу большую рюмку водки.

Всего Вам самого доброго.

Ю.Пензин.

*

Дата на этом письме не стоит, но сохранился конверт: письмо отправлено из Владивостока 16 декабря 1995 года. Что ответил А.А.Пчёлкин Пензину, я не знаю. Но дело даже не в этом. Всё дело в том, что Пчёлкин счёл возможным обратиться к руководителям серьёзных фирм с просьбой о помощи Пензину:

АО Колымская угольная
И/о генерального директора
САРАТОВУ Николаю Петровичу,

ОАО компания «Северовостокуголь»
Генеральному директору
ЗАСЬКО Юрию Евгеньевичу.

ХОДАТАЙСТВО

Магаданская областная писательская организация Союза писателей России просит Вас оказать финансовую поддержку изданию сборника повестей и рассказов Юрия Петровича Пензина «КОЛЫМОЙ ПРИГОВОРЁННЫЕ» в сумме 52 (пятьдесят две) тысячи рублей (объём 20 авторских листов, тираж одна тысяча экземпляров, издатель – Магаданская областная типография «МАОБТИ», ориентировочная счёт-фактура прилагается).

Юрий Петрович Пензин – бывший геолог, около 30-ти лет отдавший работе на Крайнем Севере, в последнее время был главным геологом Аркагалинской ГРП. В настоящее время пенсионер, живёт в Приморье.

Созданная им книга – образец прекрасной художественной прозы, по единодушному мнению членов СП нашей организации, безусловно, достойной внимания как магаданского, так и всероссийского читателя. Не случайно, одна из повестей из этой рукописи «На чужой земле» с воодушевлением встречена, одобрена и будет опубликована в № 3 журнала «День и Ночь» за 2000 год.

К сожалению, средств на издание книги ни у писательской организации, ни у автора нет, что и вынуждает нас обратиться к Вам за содействием и поддержкой.

С уважением!

Ответственный секретарь Магаданской
областной писательской организации
А.А.Пчёлкин
31.08.2000 г.
Магадан

*

И руководители серьёзных фирм не отказали, и книга Ю.П.Пензина⁶ под редакцией А.Пчёлкина, с предисловием С.Бахвалова и оформленная художником В.Цирценсом была издана ОАО «МАОБТИ» в 2001 году. В том же году в магаданских газетах был опубликован цикл рассказов Пензина⁷.

А в следующем, 2002 году, книга Пензина на Конкурсе им. Ю.Рытхэу получила Диплом в номинации «проза».

Ещё раз обратимся к предисловию, написанному Бахваловым: «Рассказы и новеллы Пензина ... пожалуй, не ниже по уровню «Колымских рассказов» Варлама Шаламова».

Я бы воздержался от подобных оценок и сравнений произведений Пензина с творчеством Шаламова: и литературный уровень не тот, и жизненный опыт обоих авторов слишком различён. В этой связи уместно

вспомнить о рецензии Михаила Райзмана⁸, на книгу «К Колыме приговорённые», в которой автор негативно отзывается и о её содержании, и о стиле написания рассказов и новелл.

*

В последние годы жизни Юрий Петрович тяжело болел, о чём в письмах сообщал Бахвалову⁹. Бахвалов вырученные от реализации книги средства отправил супруге Пензина – Валентине. Привожу последний документ очерка, последние штрихи к портрету Ю.Пензина – ответное послание Валентины Пензиной:

*Здравствуйте уважаемый
Станислав Романович!*

Огромное спасибо за тысячу рублей. Извините, что не ответила сразу, долго лежала в больнице. 25 лет Севера, конечно же, на здоровье негативно сказались, да и нервы на пределе от жизни в целом.

На могиле Юрия Петровича так и стоит крест и больше пока ничего. У сына жизнь сложилась совсем неудачно.

В доме, где мы с Юрием Петровичем жили, а теперь я одна, уже 7-й год нет отопления. Зимой у соседки буду зимовать, у неё печь в доме, пригласила меня у неё пожить зиму.

Рукопись «Из века в век» отправила в Америку. Сын от первого брака Ю.П. живёт и работает в штате Калифорния. Зовут его Олег, обещал издать несколько экземпляров для себя и родственников. Так же отправила весь архив Юрия Петровича – ему же. Он серьёзный и, похоже, умница большой, поэтому я и решила всё ему переслать.

Деньги Ваши, Станислав Романович, были очень кстати, все потратила на лекарства.

Напишите мне, пожалуйста, как там жизнь в Магадане и на Колыме в целом? Чем Вы занимаетесь – литературной деятельностью и, наверное, религией? С прошлого года тоже читаю «Новый завет».

Жаль, что не сделала операцию по поводу катаракты глаз – то одно, то другое. Извините за почерк, приходится уже через лупу писать.

Неумолимо быстро летит время, уже с 18 мая второй год нет Юрия Петровича. Мне так не хватает этого умного человека, горечь и тоска в моей душе.

Ещё раз спасибо за всё, всех Вам благ, здоровья, успехов в творчестве.

*До свидания,
с уважением – Валентина.
1-X-04 г.*

***

¹ – «Календарь дат и событий по Магаданской области на 2014 год». МОУНБ им. А.С. Пушкина. Магадан, 2013. С. 69.

² – это письмо я не обнаружил.

³ – Юрий Пензин. «Откровения «Комнаты эха»». Альманах «На Севере Дальнем», № 2, 1987. С. 237–239.

⁴ – «На трассе». Отрывок из повести. В кн.: «Снегозор». Магадан, 1996. С. 300–312.

⁵ – жёсткая оценка!

⁶ – Ю.Пензин. «К Колыме приговорённые». Магадан, ОАО «МАОБТИ», 2001.

⁷ – «Бурков и Нина». Газета «Северная надбавка», № 16, 18.04.2001. С. 7.

«Только по праздникам», «Дед и Венька», «Говяжий рулет».

Газета «Магаданская правда в пятницу», 18.05.2001. С. 15

«В ресторане». Газета «Магаданская правда в пятницу», 12.10.2001. С. 15

«Дом на Кондратихе». Газета «Колымский тракт», № 46, 14.11.2001. С. 13.

⁸ – Михаил Райзман. «Первая книга – успех или неудача?» Альманах «На Севере Дальнем», № 2 (82), 2003. С. 239–244.

⁹ – Станислав Бахвалов. «Юрий Пензин: приговорён к Колыме». Газета «Колымский тракт», № 46, 2001. С. 13.

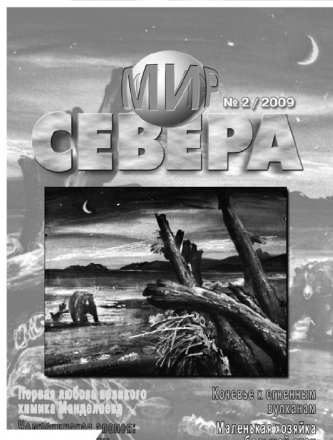
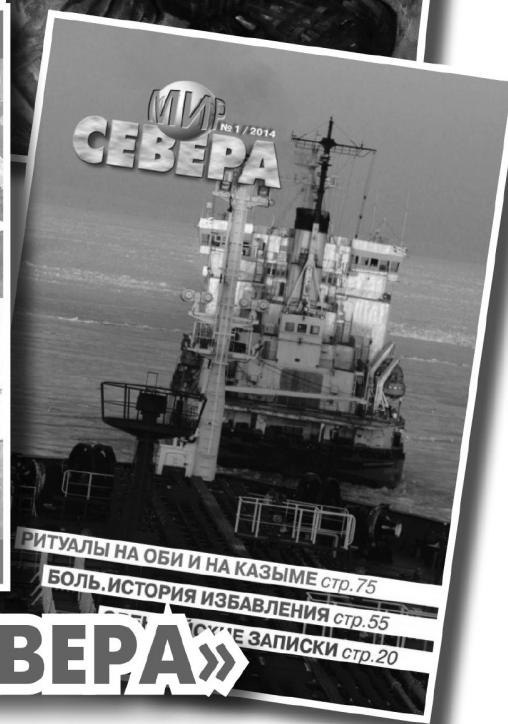
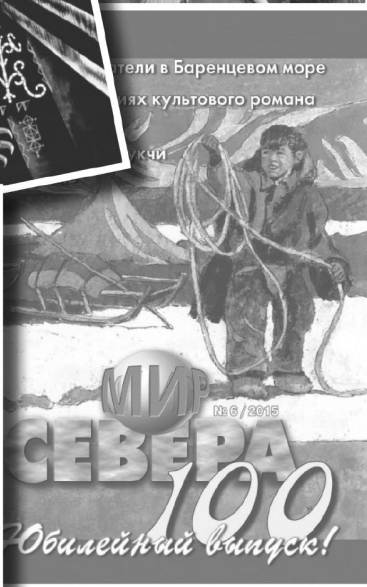
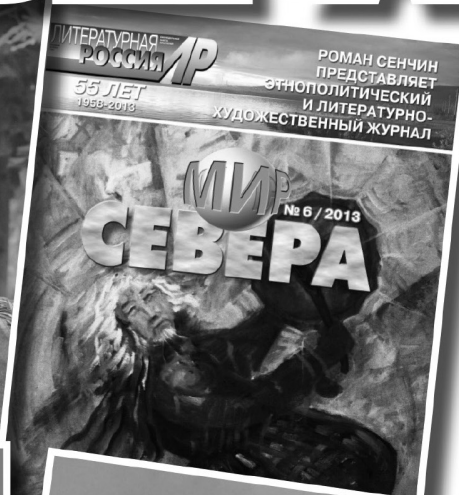
Подпишитесь

журнал

МИР

СЕВЕРА

Журнал «МИР СЕВЕРА»

Индекс – 47303